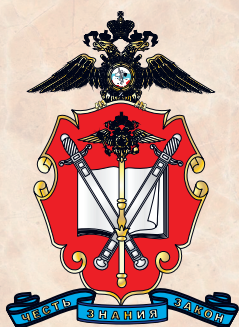

ISSN 2588-0020

№ 2 (11)

2020

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

В НОМЕРЕ:

- Идеологема «отечественный уголовный процесс»
- Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в системе Следственного комитета Российской Федерации
- Электронная платежная система как элемент обстановки преступления

Ответственный за выпуск
Ю. В. Трофимов
E-mail: iutrofimov3@mvd.ru

Главный редактор РИО
П. А. Погулёв

Над номером работали
А. А. Уварова
М. А. Фильчагина
Э. А. Циткилова
В. А. Яровая

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации Эл № ФС77–69876 от 29 мая 2017 года)

При использовании материалов ссылка на сетевое издание «Академическая мысль» обязательна.

Периодичность выхода: ежеквартально.

Дата подписания в производство: 30.06.2020

Объем 100 Мб

Контактные данные редакции: 125171, Россия, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
Телефон: 8 (499) 745-81-43.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Сайт: АКАДЕМИЧЕСКАЯМЫСЛЬ2017.РФ

* * * * *

Уважаемые авторы!

В сетевое издание принимаются статьи по специальностям:
12.00.00 – юридические науки;
08.00.00 – экономические науки;
13.00.00 – педагогические науки.

При передаче в издание статьи автор дает согласие на ее размещение в сети Интернет. Редакция не взимает платы за опубликование статьи.

Издание публикует только подлинные высококачественные работы, имеющие научное и практическое значение, отличающиеся актуальностью и новизной. Статьи с низким процентом оригинальности текста (менее 70 %) к публикации не допускаются.

Просим вас вместе со статьями предоставлять аннотации к ним (объемом не более 500 знаков), приставленные библиографические списки (в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.100–2018).

Материалы предоставляются на электронных носителях в виде текстового файла Microsoft Word вместе с распечаткой на бумаге через 1,5 интервала, шрифтом TimesNewRoman 14 размера.

Объем статьи не должен превышать 12 страниц машинописного текста, включая таблицы, список литературы и рисунки (не более 5). Текст статьи подписывают все авторы – с указанием полного имени, должности, ученой степени.

Все статьи рецензируются.
К рецензированию поступающих в редакцию статей на постоянной основе привлекаются кафедральные коллективы Академии управления МВД России.

Рукописи принимаются по графику:
№ 1 (март) – до 19 января текущего года;
№ 2 (июнь) – до 20 апреля текущего года;
№ 3 (сентябрь) – до 10 июня текущего года;
№ 4 (декабрь) – до 19 октября текущего года.

Публикационная этика.
Редакционная коллегия, главный редактор и издательство научного сетевого издания в своей деятельности придерживаются этических норм, позволяющих повысить качество публикуемых статей.

© Академия управления МВД России, 2020
18+

Сетевое издание

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Главный редактор:

Конев Андрей Николаевич, начальник Академии управления МВД России, доктор технических наук, кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия

Павличенко Николай Владимирович, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (председатель);

Долинко Василий Иванович, заместитель начальника редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России – начальник отделения полиграфической и оперативной печати (заместитель председателя);

Андреева Ирина Анатольевна, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Бецов Александр Викторович, начальник кафедры информационных технологий Академии управления МВД России, доктор технических наук, доцент;

Горошко Игорь Владимирович, заведующий отделом правовой статистики и информационного обеспечения прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор технических наук, профессор;

Киричк Евгений Владимирович, начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Мартыненко Наталия Эдуардовна, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Наумов Юрий Геннадьевич, профессор кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России, доктор экономических наук, профессор;

Сердюк Наталья Владимировна, начальник кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор педагогических наук, доцент;

Файбусович Константин Борисович, начальник редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России, кандидат экономических наук;

Филимонов Олег Викторович, заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, доктор социологических наук, доцент;

Холостов Константин Михайлович, заместитель начальника центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, кандидат технических наук, доцент;

Ананич Валерий Антонович, профессор кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор;

Арипов Анвар Лутфиллоевич, начальник кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук;

Гаврилов Борис Яковлевич, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Гапоненко Владимир Федосович, профессор кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России, доктор экономических наук, профессор;

Гончаров Игорь Владимирович, заведующий кафедрой государственного строительства и права

Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Грищенко Леонид Леонидович, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;

Дёмин Геннадий Иванович, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, доктор философских наук, профессор;

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева по науке, доктор юридических наук;

Дильбарханова Жанат Рахимжановна, заместитель начальника Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Дмитриенко Андрей Петрович, начальник кафедры уголовного права Московского университета имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Елагин Александр Георгиевич, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Есаян Тигран Микаелович, первый заместитель начальника Образовательного комплекса полиции Республики Армения, кандидат юридических наук;

Кононов Анатолий Михайлович, референт Договорно-правового департамента МВД России, государственный советник Российской Федерации 2 класса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Корякин Илья Петрович, заместитель начальника Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, доктор юридических наук;

Латов Юрий Валерьевич, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, профессор Российской государственной академии экономики имени Г. В. Плеханова, кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор;

Ображиев Константин Викторович, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Орлов Владислав Николаевич, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Осокин Роман Борисович, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Шапалеров Юрий Павлович, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент;

Трофимов Юрий Викторович, старший редактор редакторского отделения редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России (секретарь).

Responsible for the release

Yu. V. Trofimov
E-mail: iutrofimov3@mvd.ru

Editor-in-Chief of the Publishing Department

P. A. Rogulev

Worked with the release

A. A. Uvarova
M. A. Filchagina
E. A. Tsitklova
V. A. Yarovaya

The periodical is registered by the Federal Service for Supervision in the Field of Communication, Information Technologies and Mass Communications (the Certificate of registration Эп № ФС77–69876 from the 29th of May, 2017)

Using the materials reference to the internet periodical "The Academic Thought" is required.

The regularity of publishing: quarterly.

Date of signing into production: 30.06.2020

Size 100 Mb

Address of editorial office: 125171, Zoi i Alexandra Cosmodemyanskih street, 8, Moscow, Russia.

Telephone: 8 (499) 745-81-43.

The founder and publisher: the Federal State Public Educational Establishment of the Higher Education "The Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation".

Website: АКАДЕМИЧЕСКАЯМЫСЛЬ2017.РФ

* * * * *

Dear authors!

The internet periodical accepts the articles on next specialties:

12.00.00 – law science;
08.00.00 – economic science;
13.00.00 – pedagogical science.

During delivering an article to the periodical an author gives an agreement for its publication in the Internet.

The editorial does not take a pay for the published articles.

The periodical publishes only genuine top-quality workings which have scientific and practical significance, differed by actuality and originality. The low percent originality texts articles (less than 70 %) cannot be allowed to the publication.

We ask you to render annotations with the articles (of no more than 500 typed characters), and also it should come together with a list of references (according to requirements of GOST 7.0.100–2018).

The materials are expected to be delivered on the electronic vehicles as a Microsoft Word text file and a paper copy spaced 1.5 interval, font Times New Roman, size 14.

An article cannot be bigger than 12 typewritten pages, references, tables and pictures included (no more than 5 pictures).

An article text should be signed by all the authors with giving full name, position, academic degree.

All the articles are a subject to peer reviewing.

Department collectivity of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia constantly involve for peer review of the articles submitted to editorial.

The manuscripts may be accepted by a next timeline: № 1 (March) – till the 19th of January of a current year; № 2 (June) – till the 20th of April of a current year; № 3 (September) – till the 10th of June of a current year; № 4 (December) – till the 19th of October of a current year.

Publication ethics.

The editorial board, editor-in-chief and publishing of scientific electronic internet periodical do adhere to ethical standards which let upgrade the publishing articles quality.

© Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2020
18+

The Internet Periodical

**ACADEMIC
THOUGHT****Editor-in-Chief:**

Andrei N. KONEV, Dr. of Technology, Candidate of Law, Associate Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Deputy Head of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia;

Editorial Board**Chairman**

Nikolai V. PAVLICHENKO, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Deputy Head of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia;

Deputy Chairman

Vasily I. DOLINKO, Deputy Head of the Publishing Department of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia – Head of the Unit for Typographic and Operative Publishing of the Publishing Department;

Members

Irina A. ANDREYEVA, Dr. of Law, Professor at the Department of State and Law Disciplines (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Alexander V. BETSKOV, Dr. of Technology, Head of the Information Technologies Department (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Igor V. GOROSHKO, Dr. of Technology, Professor, Head of the Department of Legal Statistics and Information Support of Prosecutor's Activity (University of the Prosecutors Office of the Russian Federation);

Yevgeni V. KIRICHIOK, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Office of Teaching Methods (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Viacheslav O. LAPIN, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Sector for Strategic Problems of Management of Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Natalia E. MARTYNEENKO, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Yuri G. NAUMOV, Dr. of Economics, Professor at the Department of Financial, Economic, Material and Medical Support Organization (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Natalia V. SERDIUK, Dr. of Pedagogics, Head of the Department of Psychology, Pedagogics and Personnel Management (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Konstantin B. FAIBUSOVICH, Ph. D. (Economics), Head of the Publishing Department (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Oleg V. FILIMONOV, Dr. of Sociology, Associate Professor, Deputy Head at the Department of Theory and Methodology of Government (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Konstantin M. KHOLOSTOV, Ph. D. (Technology), Associate Professor, Deputy Head of the Command Training Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Valeriy A. ANANICH, Dr. of History, Candidate of Law, Professor at the Penal Law Department of the Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus;

Anvar L. ARIPOV, Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Process of the Ministry of the Interior of the Republic of Tajikistan;

Boris Ya. GAVRILOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Vladimir F. GAPONENKO, Dr. of Economics, Professor, Professor at the department of Financial

Economic Organization, Material and Medical Support (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Igor V. GONCHAROV, Dr. of Law, Professor at the Department of State Organization and State Law (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation);

Gennadiy L. GRISHENKO, Professor at the Department of Management of Bodies and Units of the Internal Affairs in Special Conditions (Center for Command Staff Trainings) (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Gennadiy I. DIOMIN, Dr. of Philosophy, Professor at the Department of Management of Bodies and Units of the Ministry of Interior Affairs in Special Conditions Command Training Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Arzigul M. JOROBKOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head for Research at the Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kyrgyzstan named after Erghesh Aliyev;

Janat R. DILBARKHANOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head for Research at the M. Yesulatov Almaty Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan;

Andrei P. DMITRIENKO, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law (Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot);

Alexander G. YELAGIN, Dr. of Law, Professor at the Department of Management of Public Order Services of Command Training Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Tigran M. YESAYAN, Candidate of Law, First Deputy Head of the Police Education Complex of the Republic of Armenia;

Anatoliy M. KONONOV, Dr. of Law, Professor, Merited Lawyer of Russian Federation, Referent of Contract and Legal Department of the Ministry of internal Affairs of Russia, State Counsellor of the Russian Federation (second class);

Ilya P. KORYAKIN, Dr. of Law, Deputy Head of the B. Beisenov Karaganda Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan;

Yuriy V. LATOV, PhD of Economics, Dr. of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher of the Federal Research Center of the Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Professor at Plekhanov Russian University of Economics;

Konstantin V. OBRASHIEV, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Legal Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Vladislav N. ORLOV, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Roman B. OSOKIN, Dr. of Law, Professor, Head of the Faculty of training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel (Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot);

Yuri P. SHKAPLEROV, Candidate of Law, First Deputy Head of the Mogilev Institute of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus;

Secretary

Yuri V. TROFIMOV, Senior editor at the Publishing Department (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ

- Анисина С.С.** Проблемы реализации государственных программ и стратегическое планирование деятельности органов и подразделений МВД России 7

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

- Алескеров В. И., Баранов В. В.** Некоторые способы хищения денежных средств, совершаемых в системе дистанционного банковского обслуживания 12
- Карагодин В. Н.** Особенности способов преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий 17
- Кардашевская М. В., Гаврилин Ю. В.** Электронная платежная система как элемент обстановки преступления 21
- Коротков С. А.** Преступное сообщество (преступная организация) и ответственность их участников по российскому уголовному праву 24
- Курилов С. И.** Роль мер уголовно-правового поощрения в уголовно-правовом предупреждении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных дистанционным способом 28
- Левченко О. П.** Криминальная эксплуатация человека как угроза национальной безопасности Российской Федерации 31
- Майорова О. В.** Доступ воспрещен: преступления против несовершеннолетних, совершаемые в цифровой среде 35
- Сидорова Е. З., Иванова М. Д.** Современные уголовно-правовые способы борьбы с компьютерными преступлениями 39

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

- Конев А. Н.** Идеологема «отечественный уголовный процесс» 43
- Костыря Ю. С.** Роль МВД России в борьбе с легализацией денежных средств, полученных преступным путем 47
- Сизова В. Н.** К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве 51

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

- Долганов С. И., Желудков А. С.** Некоторые аспекты использования информационных технологий в предупреждении корпоративного мошенничества в сфере банковской деятельности 54
- Лавров В.П., Сенькевич С.С.** Использование информационных технологий в выявлении и исследовании следов незаконной охоты 59
- Торопов Б.А.** Стратегии информационного противоборства в социальных сетях 65
- Хохлов Е.Е.** Применение нейросетевых технологий для идентификации наркомаркетов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет 70

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

- Шевцов А. В.** Место дисциплинарного производства и производства по жалобам в структуре административного процесса 75

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

- Ишин И. А.** Особенности производства отдельных следственных действий и роль начальника органа дознания при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты 82
- Ложис З. З.** Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в системе Следственного комитета Российской Федерации 86
- Осипов И. В.** К вопросу квалификации преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей 91
- Самойлов А. Ю.** Особенности фиксации цифровых следов в ходе проведения следственного осмотра 96

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Важенникова И. В.** Полицейская реформа Роберта Пиля: причины и особенности 99
- Пьянников В. И.** Понятийный аппарат, образующийся в деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан при чрезвычайных обстоятельствах социального характера 102

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Анисин А. Л., Бортников Д. В.** Система противодействия идеологии экстремизма и терроризма в современной Российской Федерации 107

НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

- Гаврилов Б.Я.** Российское уголовное судопроизводство: мифы и реалии современности 112
- Звонарева А. Ю.** К вопросу организации работы с обращениями граждан 117

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

- Анисин А. Л.** Проблема соотношения нравственного долга человека и профессионального служебного долга сотрудника органов внутренних дел 122
- Вахнина В. В., Овсянников П. Н.** Психологические особенности эффективного преодоления блокаторов профессиональных инноваций 127
- Джантеев Т. Х.** Понятие и значение конфликтов в деятельности органов внутренних дел 134
- Сидорова Е. З.** О детерминантах суицида 137
- Ходякова Н.В., Онищенко Е.В.** Личностно-ориентированный подход к созданию условий для самообразования сотрудников ОВД 140
- Чибишев В. А.** Профессиональная культура сотрудника органов внутренних дел (полиции) 143

CONTENTS

THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF MANAGEMENT

- Anisina S. S.** Issues with the Implementation of State Programs, And the Strategic Planning of Russian M.I.A's Authorities and Subdivisions' Activities 7

THE PROBLEMS OF A STRUGGLE WITH THE CRIMINALITY

- Aleskerov V. I., Baranov V. V.** Some Ways of Embezzlement of Money Committed In the Remote Banking System. 12
- Karagodin V. N.** Features of Ways of Crimes, Committed Through the Use of Digital Technologies . . . 17
- Kardashtwskaya M. V., Gavrilin Yu. V.** Electronic Payment System as an Element of the Situation of the Crime 21
- Korotkov S. A.** Criminal Community (Criminal Organization) and Responsibility of Their Participants under Russian Criminal Law 24
- Kurilov C. I.** The Role of Criminal Law Promotion Measures in the Criminal Law Prevention of Crimes Related To Illicit Trafficking Of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances Committed Remotely . . 28
- Levchenko O. P.** The Criminal Exploitation of Man as a Threat to the National Security of the Russian Federation 31
- Mayorova O. V.** Access Is Prohibited: Crimes against Minors Committed In a Digital Environment . . 35
- Sidorova E. Z., Ivanova M. D.** Modern Criminal-Legal Ways to Combat Computer Crimes 39

ACADEMIC DEBATE

- Konev A. N.** Ideology «Domestic Criminal Process» 43
- Kostyrya Yu. S.** The role of the Russian ministry of internal affairs in combating legalization of money obtained by criminal way 47
- Sizova V. N.** On the Issue of Criminal Liability of Legal Entities in Russian Criminal Legislation 51

INFORMATION TECHNOLOGIES AS EMPLOYED BY BODIES AND UNITS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

- Dolganov S. I., Zheludkov A. S.** Some Aspects of the Use of Information Technologies in Preventing Corporate Fraud in the Banking Sector 54
- Lavrov V. P., Sen'kevich S. S.** The use of information technology in the detection and investigation of traces of illegal hunting 59
- Toropov B. A.** Information confrontation strategies in social networks 65
- Khohlov E.E.** Application of Neural Network Technologies for Identification of Drug Markets in the Internet Information and Telecommunications Network 70

TOPICAL ISSUES OF ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

- Shevtsov A. V.** Place of Disciplinary Proceedings and Complaints Proceedings in the Structure of the Administrative Process 75

ORGANIZATION OF PRETRIAL INVESTIGATION OF CRIMINAL OFFENCES

- Ishin I. A.** Features of the Production of Individual Investigative Actions and the Role of the Head of the Body of Inquiry in the investigation of Crimes, Committed using cryptocurrency. 82
- Lozhis Z. Z.** Forensic Support of Crime Investigation in the System of the Investigative Committee of the Russian Federation 86
- Osipov I. V.** On The Issue of Qualification of Economic Crimes Committed Using Information and Telecommunications Networks 91
- Samoilov A. Y.** Features of Digital Traces Fixation during the Investigation 96

INTERNATIONAL EXPERIENCE

- Vazhenina I. V.** Robert Peel Police Reform: Causes and Features 99
Pyannikov V. I. Conceptual Apparatus Formed in the Activities of Internal Affairs Agencies
of the Republic of Kazakhstan Under Emergency Social Circumstances. 102

SECURITY: HOW TO PROVIDE FOR AND PROTECT IT

- Anisin A. L., Bortnikov D. V.** The System of Counteracting the Ideology of Extremism and Terrorism
in the Modern Russian Federation 107

SCIENTIFIC ORGANIZATION OF LABOR

- Gavrilov B. Ya.** Russian criminal proceedings: myths and realities of our time 112
Zvonareva A. U. To The Question of Organization of Work with Appeals of Citizens 117

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

- Anisin A. L.** The Problem of the Correlation between the Moral Duty and the Professional Service Duty
of an Internal Affairs Officer 122
Vakhnina V. V., Ovsyannikov P. N. Psychological Features of Effective Overcoming Blocks of
Professional Innovations 127
Djanteev T. H. Concept and significance of conflicts in the activities of internal affairs agencies. 134
Sidorova E. Z. On the Determinants of Suicide 137
Khodyakova N. V., Onishchenko E. V. A Personal-oriented Approach to Creating Conditions
for Selfeducation of ATS Employees. 140
Chibisov V. A. Professional Culture Employees of Internal Affairs (Police) 143

Проблемы реализации государственных программ и стратегическое планирование деятельности органов и подразделений МВД России

С. С. АНИСИНА,

доцент кафедры теории и методологии государственного управления,
кандидат философских наук, доцент
(Академия управления МВД России)
E-mail: asserna@bk.ru

Issues with the Implementation of State Programs, And the Strategic Planning of Russian M.I.A's Authorities and Subdivisions' Activities

S. S. ANISINA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theory and Methodology of Government
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia).

УДК 005.12:351.74

В статье анализируется роль и место государственных программ в системе документационного обеспечения государственного стратегического управления. Рассмотрено соотношение государственных программ с иными документами стратегического планирования. На примере государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» показана нелинейность связи целевых индикаторов и показателей программ с их конечными целями. Ставятся задачи по выстраиванию системной методологии государственного стратегического управления.

Стратегическое планирование; программно-целевой подход; государственная программа; федеральная целевая программа; целевые показатели; планирование деятельности органов внутренних дел.

The article analyzes the role and position of state programs in the system of governmental strategic management's documentary maintenance. The correlation of state programs with other documents, related to strategic planning, is considered. By the example of the "Provision of public order and counteraction to crime" state program, the nonlinearity of connection between state programs' target indicators and their final goals is discussed. The author suggests that the development of a systematic methodology of state strategic management is highly required.

Strategic planning; program-targeting approach; state program; federal target program; target indicators; planning of activities of the authorities of internal affairs.

Вопросы государственного стратегического управления вряд ли когда-либо имели второстепенное значение для существования и успешного функционирования системы государственной власти. Даже те государства, которые не имеют для себя никаких масштабных внешнеполитических и геополитических проектов, тем не менее должны определенным образом выстраивать стратегию своих взаимоотношений с окружающим миром. Даже если в

государстве наступает некий период устойчивого, вполне предсказуемого развития (или даже застоя), то и в этом случае стратегическое видение перспектив совершенно необходимо для внутреннего управления. Вопросы государственной стратегии могут порой до некоторой степени терять остроту, но все-таки являются центром государственной политики. Современный мир почти не оставляет места для таких ситуаций: в нем, во-первых, резко вырастает вза-

имозависимость государств, а во-вторых, — на историческую арену выступают такие вызовы, на которые ни одно государство в одиночку ответить не способно. В этих условиях значимость стратегического планирования и стратегического государственного управления особенно очевидна.

Нормативное оформление деятельности по стратегическому управлению может быть различно. Документами стратегического планирования являются, например, «стратегии» и «прогнозы» различного уровня и по различным направлениям деятельности, — касающиеся развития тех или иных регионов, сфер государственной жизни и отраслей экономики и так далее. Только на федеральном уровне действует 37 документов, имеющих в наименовании слово «стратегия», а с учетом федеральных округов — 45 (по данным на 31.01.2020) [4]. Даже муниципальные образования и сельские поселения имеют свои «стратегии развития». Однако при всей значимости прогнозов и стратегий для выстраивания системного долгосрочного планирования настоящим инструментом стратегического управления они, конечно, быть не могут. Таким инструментом является разработка и реализация государственных и муниципальных программ, «программирование», о котором говорит федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

В этом же законе дается определение понятия «государственной программы»: это «документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации». Помимо государственных программ федерального уровня и государственных программ субъектов федерации закон предусматривает также разработку и реализацию муниципальных программ. При этом основой формирования и корректировки государственных программ, как правило, являются стратегии развития Российской Федерации по различным направлениям (см. напр. ч. 8. ст. 16, ч. 4. ст. 18.1 упомянутого «Закона о стратегическом планировании в Российской Федерации»).

Таким образом, можно констатировать, что «к настоящему времени реализация государственных программ является основным инстру-

ментом стратегического планирования в РФ» [2], а программно-целевой метод составляет основу общей методологии государственного стратегического управления. Это вполне естественно, — по самому своему смыслу программа представляет собой наиболее комплексный и концептуально выверенный планирующий документ, наиболее высокотехнологичную форму принятия управленческого решения. Однако, к сожалению, нерешенных проблем в сфере стратегического планирования несколько не меньше, чем позитивного эффекта. При попытке разобраться в системе государственных программ Российской Федерации выясняется, что это не так просто.

Даже официальный портал государственных программ в сети Интернет не содержит актуальной информации о них. На титульной странице сайта значится: «70 % федерального бюджета, 2 000+ показателей, 80+ органов власти, 43 программы, 5 направлений» [8]. Однако, если перебрать те программы, которые значатся на этой странице, то их получится 48. Википедия насчитала 40 государственных программ Российской Федерации [5], а по сведениям сайта Правительства Российской Федерации: «Перечнем государственных программ Российской Федерации, утвержденным распоряжением Правительства, предусмотрено 44 государственных программы. В настоящее время утверждены и реализуются 41 государственная программа» [6].

Эти последние данные и являются вполне достоверными, по крайней мере, на момент нашего обращения к сайту 9 апреля 2020 г. Такая оговорка весьма оправдана, поскольку с момента принятия Распоряжения Правительства «О перечне государственных программ» 11 ноября 2010 г. в него внесено 37 изменений, и последнее изменение количества государственных программ произошло 18 февраля 2020 г.: раздел III был дополнен программами «Обеспечение химической и биологической безопасности Российской Федерации» и «Мобилизационная подготовка Российской Федерации». Помимо утвержденного Правительством перечня еще одна госпрограмма утверждена Указом Президента России: программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом¹ [7].

Государственным программам Российской Федерации, перечень которых был утвержден Правительством в 2010 г., предшествовали фе-

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон РФ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

деральные целевые программы, которые принимались с самого начала 2000-х гг., а также государственные целевые программы 1990-х. Последние давно уже ушли в прошлое, а вот многие федеральные целевые программы продолжали реализовываться и реализуются в настоящее время параллельно со вновь принятыми государственными программами. При этом федеральные целевые программы могут быть вполне самостоятельны, а могут представлять собой подпрограммы государственных программ. По данным сайта «Федеральные целевые программы России» к финансированию из федерального бюджета в 2020 г. предусмотрены 20 федеральных целевых программ. Правда, стоит отметить, что срок действия 12-ти программ из этого числа в 2020 г. завершается².

Как отмечают специалисты, «одновременное существование многочисленных государственных программ Российской Федерации и, уже ставших традиционными, федеральных целевых программ, продолжающих самостоятельное существование, привело к путанице в идентификации этих разных видов программ экономистами, исследователями, работниками федеральных органов исполнительной власти» [3]. Действительно, обращаясь к базовым нормативным определениям этих документов стратегического планирования не так уж просто заметить разницу: в обоих случаях речь идет о «комплексе мероприятий, взаимовязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам», и документационное оформление этого комплекса достаточно сходно. Более высокий уровень стратегии, предполагаемый государственными программами, выражается только в том, что они нацелены прямо на «достижение приоритетов и целей государственной политики» [12]³, тогда как федеральная целевая программа призвана обеспечить «эффективное решение системных проблем в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития» [9].

Министерство внутренних дел России участвует в реализации ряда государственных программ, являясь ответственным исполнителем всего по одной: «Обеспечение общественно-

го порядка и противодействие преступности». Эта государственная программа содержит в качестве составной своей части федеральную целевую программу «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 гг.». При этом 8 января 2018 г. распоряжением Правительства утверждена еще и «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 гг.», которая предполагает на первом своем этапе завершить выполнение мероприятий упомянутой федеральной целевой программы.

Как уже отмечено, в отличие от стратегий различного уровня программно-целевой подход к управлению общественными процессами предполагает увязку конкретных целевых показателей со сроками их достижения, а также проработку ресурсной базы исполнения программы. Именно наличие четких количественных и качественных критериев, индикаторов исполнения делает программу эффективным инструментом реализации государственной политики. Однако, очевидно, что здесь таится и опасность подмены цели показателями. Дело ведь в том, что никакие показатели не могут адекватно выразить цель, — если бы они могли ее выразить, то сами и были бы целью. Но понятие цели не сводится к ряду (даже к очень длинному ряду) количественных данных и качественных характеристик. Возможно, отчасти этот фактор имел в виду Гераклит, сказав: «Не к добру людям исполнение их желаний» [10]: идеальный образ желаемого состояния способен легко заслоняться в сознании человека выражающими это состояние показателями. При этом конкретен в настоящем смысле слова (то есть обладает настоящим содержательным богатством) именно этот «абстрактный» идеальный образ, а те измеримые и однозначные показатели, которые у людей по недомыслию называются «конкретными», являются в настоящем смысле слова абстракциями, то есть отвлеченными от действительного бытия и настоящей жизни формальными характеристиками, которые полностью безразличны к тому, что они (якобы) характеризуют.

Пытаться выразить в формальных показателях саму ту цель, к которой призвана привести программа, видимо, является методологической ошибкой. Более методологически правильно будет находить и формулировать такие маркеры, которые, не претендуя на содержательное раскрытие цели, заставляли бы организовывать работу в верном направлении. Эти маркеры могут касаться не первостепенно значимых характеристик ситуации, но таких ее особенностей, которые являются в каком-то отношении узло-

² О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выми, таких показателей, которые, возможно, не будучи ценными сами по себе, заставляют исполнителя проявлять именно ту активность, которая требуется. С этим связана та особенность государственных и федеральных целевых программ, что далеко не для всех ожидаемых результатов сформулированы целевые показатели и индикаторы. Это нельзя автоматически считать недоработкой, просто целевые показатели могут порой быть только инструментом достижения результата, но не входить существенным образом в сам результат.

Так, например, целевыми индикаторами и показателями в рамках государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» являются:

- уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг по линии обеспечения деятельности в области безопасности дорожного движения;

- уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг в сфере миграции;

- численность оправданных лиц и лиц, дела в отношении которых прекращены судом за отсутствием события, состава преступления, а также в связи с непричастностью к совершению преступления (на 1 тыс. обвиняемых по направленным в суд делам, находившимся в производстве следователей);

- численность оправданных лиц и лиц, дела в отношении которых прекращены судом за отсутствием события, состава преступления, а также в связи с непричастностью к совершению преступления (на 1 тыс. обвиняемых по направленным в суд делам, находившимся в производстве у дознавателей);

- доля тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в общественных местах, в общем количестве преступлений;

- количество (остаток) неразысканных без вести пропавших граждан по отношению к 2012 г. [8].

Первые два индикатора прямо соотносятся с заявленными целями программы, где отдельно выделено обеспечение безопасности дорожного движения и создание условий, способствующих эффективному развитию миграционных процессов. Однако «уровень удовлетворенности граждан» как целевой показатель и индикатор применительно к деятельности органов внутренних дел должен применяться весьма осторожно. Так, например, в ряде регионов России статистически существенный процент населения имеет судимости и достаточно сильно влияние криминальной субкультуры. В таких условиях ставить во главу угла общей оценки

деятельности полиции ее оценку населением вряд ли методологически правильно. Уровень удовлетворенности граждан деятельностью полиции в области безопасности дорожного движения, конечно, в меньшей степени зависит от указанного фактора, – несмотря на частые негативные (и по большей части предвзято несправедливые) отзывы о деятельности ДПС ГИБДД, необходимость обеспечения порядка и безопасности на дорогах никто под сомнение не ставит. Кроме того, методика измерения «уровня удовлетворенности» всегда достаточно проблематична, вне всякого сомнения, результат будет варьироваться в зависимости от применяемого инструментария. Поэтому не случайно этот показатель подкреплен в подпрограмме «Повышение безопасности дорожного движения» более объективными индикаторами: уровень смертности на дорогах, наряду с общей смертностью, отдельно – смертность среди пешеходов и детская смертность.

Точно также показатель «удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг в сфере миграции» подкреплен таким, например, показателем: «отношение количества выявленных фактов незаконного привлечения к трудовой деятельности иностранных работников к количеству выявленных фактов незаконного осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами и лицами без гражданства». Работа на этот показатель побуждает органы внутренних дел прилагать усилия по выявлению незаконных работодателей: если уж выявлен факт незаконной трудовой деятельности мигранта, то (для улучшения показателей) необходимо выяснить, кто его привлек к этой деятельности. Введение трудовой миграции в правовое поле – один из существенных факторов успешной миграционной политики государства.

Среди целевых показателей государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» отсутствует привычный нам «процент раскрываемости преступлений», хотя именно раскрываемость (а не суровость наказания, и, тем более, не сочинение новых составов преступлений) имеет реальный профилактический эффект и в наибольшей степени повышает доверие населения к органам правопорядка. Однако работа «на раскрываемость», как известно, нередко подталкивает сотрудников полиции не регистрировать преступления небольшой и средней тяжести, которые имеют маленькие шансы на раскрытие.

В качестве индикатора программа указывает долю тяжких и особо тяжких преступлений,

совершенных в общественных местах, в общем количестве преступлений. Такие преступления имеют крайне низкий показатель латентности, скрыть их почти невозможно, а потому улучшить предложенный в программе показатель можно только двумя способами: во-первых, предупреждая и предотвращая тяжкие и особо тяжкие преступления и, во-вторых, максимально полно регистрируя все иные преступления.

В связи с отмеченным инструментальным характером целевых показателей и индикаторов, оправданным представляется мнение о возможности и даже необходимости их корректировки по ходу реализации программы. Так, например, «зарубежный опыт адаптации государственных программ к внешним условиям их реализации демонстрирует ряд общемировых тенденций: делегирование полномочий по корректировке показателей государственных программ ведомствам и независимым оценщикам, увеличение частоты корректировок показателей государственных программ, вплоть до ежеквартальных» [1].

Таким образом, мы видим, что современная система государственного стратегического управления имеет в России уже солидный опыт, уходящий своими корнями в советскую практи-

ку планирования. Эта система представляет собой сложный комплекс различных документов стратегического планирования: государственные программы, федеральные (и иного уровня) целевые программы, национальные проекты, стратегии в различных сферах государственной и общественной жизни. Взаимная увязка этих документов по целям, срокам и исполнителям представляет собой серьезную методологическую и практическую задачу. При этом выработка таких целевых индикаторов и показателей, которые обеспечивали бы эффективное продвижение к намеченным целям, не может быть сведена к простому описанию желаемого состояния. Отдельная большая тема, требующая серьезной проработки, — это методология долгосрочного планирования. Больше ста лет назад экономика (в России, по крайней мере,) существенно зависела от политической погоды, в современном мире форс-мажорные обстоятельства связаны, как правило, с иными факторами, но и помимо них, — мир стал изменчив на качественно более глубоком уровне: появляются и исчезают целые отрасли экономики и целые институты публичной сферы. Все это требует качественно новых подходов к государственному стратегическому управлению.

Список литературы:

1. Белогорцева Ю. А. Адаптация государственных программ к условиям нестабильной внешней среды: зарубежный и российский опыт // Интернет-журнал «Науковедение». Том 9. № 6 (2017). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/128EVN617.pdf>
2. Борщевский Г. А. Инструменты оценки реализации государственных программ Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 67. Апрель 2018 г.
3. Гавва Р. В. Программно-целевое планирование в России и за рубежом // Вестник университета. 2017. № 7–8.
4. Государственная автоматизированная информационная система «Управление». URL: <http://gasu.gov.ru/stratdocuments/> (дата обращения: 06.03.2020).
5. Государственная программа Российской Федерации // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственная_программа_Российской_Федерации/ (дата обращения: 06.03.2020).
6. Государственные программы // Правительство России. URL: <http://government.ru/programs/> (дата обращения: 06.03.2020).
7. Перечень федеральных целевых программ, предусмотренных к финансированию из федерального бюджета на 2020 год // Министерство экономического развития. Федеральные целевые программы. URL: <https://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/FcpList/Full/2020> (дата обращения: 06.03.2020).
8. Портал госпрограмм РФ. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/> (дата обращения: 06.03.2020).
9. Федеральные целевые программы России. URL: <http://www.programs-gov.ru/> (дата обращения: 06.03.2020).
10. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / изд. подг. А. В. Лебедев. отв. ред. И. Д. Рожанский. М.: Наука, 1989.

Некоторые способы хищения денежных средств, совершаемых в системе дистанционного банковского обслуживания

В. И. АЛЕСКЕРОВ,

профессор кафедры оперативно-технических мероприятий
Международного межведомственного центра
подготовки сотрудников оперативных подразделений
имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева,
кандидат юридических наук, доцент
(Всероссийский институт повышения квалификации
МВД России)
E-mail: valeskerov@mvd.ru

В. В. БАРАНОВ,

старший преподаватель
кафедры информационных технологий
(Академия управления МВД России)
E-mail: de_la_sergio@mail.ru

Some Ways of Embezzlement of Money Committed In the Remote Banking System

V. I. ALESKEROV,

Ph. D. in Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Operational and Technical Measures of the
International Interdepartmental Center for training of employees of operational units
Named after Lieutenant-General of police A. N. Sergeev
(All-Russian Advanced Training Institute of MIA of Russia)

V. V. BARANOV,

Senior Lecturer of the Department Information Technology
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 340.114.6

В работе анализируются некоторые способы хищения денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания, совершаемые с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации.

Дистанционное банковское обслуживание; компьютерная информация; телекоммуникационная сеть; субъективная особенность личности; киберпреступность; характерологическая особенность психологии личности преступника; информационные технологии; мобильный банк.

The article deals with some features of the embezzlement of money in the remote banking system, committed with the use of telecommunications and computer information.

Remote banking service; computer information; telecommunication network; subjective personality trait; cybercrime; the characteristic psychological characteristic of the personality of the criminal; information Technology; mobile bank.

На текущий момент лица, совершающие различного рода преступления, зачастую прибегают к возможностям сферы телекоммуникаций и информационных технологий. Так, если в недалеком прошлом они использовали простые методы их совершения, то на сегодняшний день с учетом быстро развивающейся всемирной глобальной сети Интернет [4] такие лица хорошо осведомлены о современных возможностях информационных технологий, которые широко используют для достижения своих преступных корыстных целей.

Данный вид правонарушений в обществе относят к киберпреступности (совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа киберпространству в рамках компьютерных систем или сетей, а также против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных) [1].

Если взять, к примеру, и рассмотреть часто совершаемый вид правонарушений, как хищение денежных средств, совершаемых в сфере дистанционного банковского обслуживания, то прорисовывается такая парадоксальная линия, в которой имеются следующие закономерности.

В большинстве известных случаев преступники, являющиеся как организаторами, так и собственными руководителями в механизме правонарушений, расписывая роль каждого участника организованной преступной группы, используя возможности современных телекоммуникационных технологий, а именно при совершении различных способов хищений денежных средств могут физически между собой не контактировать.

Все их общение, как на стадии договоренности, так и при совершении указанного вида преступлений, происходит с использованием мессенджеров (таких как: «Telegram», «WhatsApp», «Viber», «Imo»), шифрованных протоколов передачи данных и сеть «TOR» (гибридная анонимная сеть, предоставляющая возможность передавать данные в зашифрованном виде, разработчиками которой является иностранная компания «Core Tor People» США, г. Сиэтл)¹. Во всех случаях, в которых совершаются хищения денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания, способы, используемые при совершении преступлений рассматриваемой направленности, оплата происходит по безналичному расчету с использованием электронных кошельков, банковских карт (путем перевода) и криптовалют².

Считаем необходимым заметить, что одной из самых популярных разновидностей криптовалют является «биткойн» (псевдоним разработчика Сатоси Накамото), который применяется для оплаты товаров и услуг.

В частности, в сети «TOR» данная валюта применяется для оплаты различных незаконных сделок. Предметом данных незаконных сделок могут являться оружие, наркотики, торговля людьми и т. п. [3].

В качестве пояснения предлагаем рассмотреть некоторые способы преступлений, совершаемых в системе ДБО:

- использование вредоносных программ скрытого управления;
- использование программ считывания пароля;
- применение программ удаленного доступа;
- создание «зеркального сайта»;
- особенности перечисления денежных средств преступниками на «электронные кошельки»;
- ложная информация «проблема у родственника».

Использование вредоносного программного обеспечения для скрытого управления. В рассматриваемом случае преступниками используется вредоносное программное обеспечение, которое проникает и устанавливается в мобильное устройство потерпевшего.

Далее она самостоятельно (без непосредственных команд преступников) производит рассылку с него SMS-сообщений, управляя его банковскими продуктами через функционал «Мобильного банкинга».

Данное программное обеспечение проникает и устанавливается на телефон при открывании в сети Интернет страниц разных сайтов, которые поступают к потерпевшим посредством в SMS, MMS-сообщений или сообщений электронной почты. Помимо того потерпевшие могут сами неосознанно установить на свои мобильные устройства вредоносное программное обеспечение, замаскированное под игры либо иные программные продукты.

К признакам инсталляции и наличия вредоносного программного обеспечения на мобильном устройстве является перенаправление «пустых» SMS либо MMS-сообщений на телефонные номера, имеющиеся в записной книге мобильного устройства.

В момент открывания потерпевшим данного SMS либо MMS сообщения происходит дальнейшее инфицирование вредоносным программным обеспечением мобильных устройств, которые получили это сообщение.

¹ «Telegram», «WhatsApp», «Viber», «Imo» – приложения для мгновенного обмена сообщениями в реальном времени через Интернет.

² «TOR» – гибридная анонимная сеть, предоставляющая возможность передавать данные в зашифрованном виде.

³ «Core Tor People» – компания-разработчик сети «TOR».

Также потенциально возможно получение потерпевшими в форме SMS сообщения с номера «900» либо иных сервисных номеров разнообразной информации, которую потерпевший не запрашивал. Это связано с тем, что направление информации с сервисных номеров вызвано действиями вредоносных программ.

Одним из способов первичного средства выявления вредоносного программного обеспечения на мобильном устройстве является использование антивирусного программного обеспечения, периодическое получение и анализ детализации телефонных звонков, а также SMS сообщений. В случае наличия вредоносного программного обеспечения в разделе детализации «исходящих SMS сообщений» будут исходящие сообщения, которые владелец мобильного устройства направляет на номер сервисной службы «900» либо номера, используемые злоумышленниками для списания средств потерпевшего через поступившие SMS.

Использование программ считывания пароля. В данном способе хищения в индивидуальное мобильное устройство потерпевшего проникает и устанавливается вредоносное программное обеспечение, которое фиксирует вводимые пользовательские учетные данные (логин и пароль) в момент получения доступа к сервису удаленного банковского обслуживания (к примеру, «Сбербанк Онлайн»). Позже преступники, используя полученные учетные данные, входят в личный кабинет пользователя с другого компьютера и совершают хищение.

Применение программного обеспечения удаленного доступа. Злоумышленники могут использовать специализированное программное обеспечение, которое предварительно устанавливается на мобильное устройство потерпевшего лица. Программное обеспечение позволяет в режиме реального времени отправлять на него команды управления через сеть Интернет (действие аналогично программе «Android» и др.). Отличие от способа, рассмотренного выше, заключается в непосредственном управлении преступниками перечислением похищаемых денежных средств путем удаленного направления команд мобильному устройству (описанный способ встречается сравнительно реже иных).

Создание «зеркального» сайта. При данном способе хищения злоумышленником разрабатывается и запускается поддельная интернет-страница, адрес которой и внешний дизайн оформления трудноотличимы от официальных Интернет-ресурсов популярных контрагентов (банки, интернет-магазины, социальные сети). Когда пользователь в момент доступа на сайт Интернет-ресурса набирает наименование запроса на поисковом ресурсе (а не использу-

ет ранее сохраненную ссылку), в таком случае ему обычно предлагается выбор из нескольких вариантов. В случае, если пользователь далее реализует доступ на «зеркальный» сайт злоумышленника, то вводимые учетные данные (логин и пароль) для получения доступа к личному кабинету могут быть перехвачены и использованы злоумышленниками и для входа в аналогичный раздел на настоящем сайте под именем потерпевшего. Таким образом становится возможным подключение к счетам пользователя посредством услуг «мобильный банк» на любой абонентский номер, который находится в ведении злоумышленника либо перевод денежных средств с банковского счета пользователя из его личного кабинета, перехваченного злоумышленником. Описанный способ возможен к использованию в случаях, когда потерпевшим используется «личный кабинет» на банковском сайте.

Явным признаком посещения пользователем «зеркального» мошеннического сайта банка является наличие после ввода учетных данных на странице пользователя надписи о техническом обслуживании ресурса, либо любая иная информация о недоступности сайта.

В данном случае информационное SMS-сообщение от банка о входе пользователя в его личный кабинет может отсутствовать либо поступит сообщение, в котором будет указано: «Обратиться на сайт позже».

Подобные правонарушения в сфере информационных технологий совершаются преимущественно молодыми людьми, которые ранее не привлекались к уголовной ответственности. По статистике наибольшую криминальную активность могут проявлять лица в возрасте от 14 до 35 лет. Подавляющая их часть имеет специализированное образование, в сфере информационных технологий и программирования, однако встречаются и те, кто самостоятельно получил необходимые навыки и знания, способствующие самостоятельному совершению преступлений.

Их социальное положение в обществе может варьироваться в пределах от школьников и студентов до компетентных сотрудников организаций, компаний (фирм).

Отдельные члены преступных групп в некоторых случаях могут находиться в различных территориальных регионах и до момента поимки, задержания и доставки в органы внутренних дел лично не встречаются с другими соучастниками группы.

Для знакомства, а также координации своих действий они могут использовать анонимные сайты и специализированные сетевые ресурсы, где обсуждаются способы совершения злонаме-

ренных активностей, а также последующей маскировки своих следов.

Особенности перечисления денежных средств преступниками на «электронные кошельки». Злоумышленники при совершении правонарушений в сфере информационных технологий зачастую используют «электронные кошельки». Выбор злоумышленников в пользу «электронных кошельков» объясняется тем, что подобные ресурсы выполняют функционал банковского счета, при этом не требуя ни указания личных данных его владельца (указываются, как правило, вымышленные данные), ни процесса его непосредственной идентификации в моменты проведения финансовых операций. Примерами таких платежных систем являются: «РВК-money», «Yota», «Yandex-деньги», а также подобные им ресурсы. Регистрация «электронного кошелька» реализуется посредством сети Интернет, в этом случае возможно указать несуществующее имя пользователя, либо вообще вместо данных ввести случайный набор символов.

Злоумышленниками «электронные кошельки» зачастую используются в качестве «промежуточного звена» в цепочке перемещения похищенных денежных средств пострадавших. По мере поступления средств на используемые злоумышленниками ресурсы данные средства далее переводятся на иные «электронные кошельки», а также счета номеров абонентов сотовой связи либо на банковские реквизиты.

Для установления лиц, совершивших хищения денежных средств, сотрудникам органов внутренних дел нужно установить «IP-адрес», регистрации «электронного кошелька», с которого осуществлялся выход злоумышленника в сеть при осуществлении платежной операции, а также отследить путь перечисления данных денежных средств с «электронного кошелька» злоумышленника на иные «электронные кошельки» или счета цепочки путем запроса администрации электронной платежной системы.

В этом случае целесообразно постановить вопрос не только о банковских счетах, на которые переводились денежные средства, а также и об иных счетах банков, с которых совершались перечисления на выявленные «электронные кошельки» (для идентификации иных потерпевших и «электронных кошельках», используемых злоумышленниками).

Ложная информация «проблема у родственника». Злоумышленник производит звонок на телефон (стационарный, мобильный) потерпевшего и информирует его о том, что у его близкого родственника (или знакомого) возникла серьезная проблема (совершил правонарушение, попал в ДТП или иное) и предлагает потерпевшему по-

мощь в решении проблемы, за определенное вознаграждение. Потерпевший затем соглашается с условиями и ожидает субъекта, которому нужно передать средства.

Затем злоумышленник звонит в компанию, предоставляющую услуги «такси», и нанимает машину с водителем, в последствии узнает его номер телефона через оператора. Водителя такси преступник просит подъехать по условленному адресу, где потерпевший передает ему средства.

По ранее указанному адресу таксист получает оговоренную сумму и затем злоумышленник общается таксисту абонентские номера телефонов, на которые тот должен будет перевести денежные средства, которые он получил от потерпевшего. При помощи банкомата (или терминала) таксист осуществляет перевод денежных средств на телефонные номера, указанные ему злоумышленником (возможно использование сразу нескольких номеров).

Затем поступившие средства переводятся на банковский единый расчетный счет (пластиковую карту). Один из соучастников преступления снимает деньги с данного расчетного счета, используя при этом банкомат (либо терминал), и переводит их злоумышленнику.

В подобных схемах возможен и более упрощенный вариант, в котором исключается привлечение таксиста, в этом случае все платежные операции производятся непосредственно потерпевшим (аналогичная схема с сообщениями о блокировке банковской карты).

Таким образом, потерпевший соглашается на содействие, и преступник направляет ему номера телефонов, банковских реквизитов и т. д., на которые нужно в последствии перечислить средства.

Потерпевший посредством банкомата (либо терминала) осуществляет перевод оговоренной суммы денежных средств на реквизиты, указанные ему злоумышленником (может быть несколько расчетных реквизитов).

Затем, как и в случае с таксистом, денежные средства переводятся на банковский единый расчетный счет (пластиковую карту), и соучастник преступления обналчивает денежные средства с расчетного счета посредством банкомата (терминала или интернета), в дальнейшем уже осуществляет перевод денежных средств злоумышленнику.

В процессе документирования, а также раскрытия подобных видов преступлений сотрудникам управления «К» приходилось сталкиваться с определенными трудностями, связанными с тем, что способы совершения данных правонарушений многогранны и зачастую носят уникальный характер. В связи с этим необходимо постоянно разрабатывать и внедрять современ-

ные формы, а также методы проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Также необходимо отметить, что одной из важнейших составляющих в элементах криминалистической характеристики и методиках раскрытия преступлений в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации (компьютерных преступлений) является субъективная особенность личности преступника, которая на первоначальном этапе раскрытия преступлений может характеризоваться лишь незначительным составом информации, в связи с чем мы абсолютно согласны с мнением, высказанным Т. В. Ворошиловой, которая предлагает в том числе учитывать такие составляющие злоумышленников, как пол, возраст, социальное происхождение, уровень образования, род занятий, наличие специальности, семейное положение,

социальный статус, уровень материальной обеспеченности, место жительства, а также места проведения досуга и возможная принадлежность к определенной субкультуре [2].

Весьма немаловажное значение в раскрываемости любых видов компьютерных преступлений играют характерологические особенности психологии личности злоумышленника. Они позволяют при глубоком анализе выявить, а в последствии и сузить круг подозреваемых лиц, а также мотивы преступлений, установить способы их совершения, а также выдвинуть версии, что, естественно, верно ориентирует и приближает оперативных сотрудников и следователей к проведению оперативно-розыскных, оперативно-технических мероприятий и следственных действий, способствующих раскрытию данного вида преступлений.

Список литературы:

1. Баранов В. В., Шмонин А. В. Организация выявления, раскрытия и расследование хищений денежных средств в системе ДБО: учебно-практическое пособие / под науч. ред. д-ра юрид. наук, профессора А. В. Шмонина. М.: Академия управления МВД России, 2014.
2. Ворошилова Т. В. Социальная и психологическая характеристика личности компьютерного преступника. М., 2009.
3. Овчинский В. С. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: хрестоматия. М., 2017.
4. Тарасов А. М. Электронное правительство и информационная безопасность: учебное пособие. СПб., 2011.

Особенности способов преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий

В. Н. КАРАГОДИН,
доктор юридических наук,
профессор, директор
Екатеринбургского филиала
(Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации)
E-mail: uc.ural@mail.ru

Features of Ways of Crimes, Committed Through the Use of Digital Technologies

V. N. KARAGODIN,
Doctor of law, Professor,
Director Yekaterinburg branch
(Moscow Academy
Investigative Committee of the Russian Federation)

УДК 343.98

В статье рассматриваются некоторые особенности способов преступлений, определенные специфическими элементами обстановки и свойствами личности субъектов посягательств, связанные с использованием цифровых технологий. В частности, указывается, что цифровое пространство, как элемент обстановки преступления, обуславливает специфические содержание способов посягательства, особенности локализации и характера образующихся при этом следов. Отмечается, что в способах и следах преступления отражаются свойства личности не только субъектов их совершивших, но и других лиц.

Способ преступления; цифровые технологии; свойства личности; обстановка совершения преступления.

The article discusses some features of the methods of crimes, due to the specific conditions of the situation and the characteristics of the personality of the subjects of attacks, associated with the use of digital technologies. In particular, it is indicated that digital space, as an element of the crime environment, determines the specific content of the methods of encroachment, the peculiarities of localization and the nature of the resulting traces. It is noted that the methods and traces of the crime reflect the characteristics of the personality of not only the subjects who committed them, but also other persons.

Method of the crime; digital technology; features the individual; the environment Commission of the crime.

Продолжающаяся стремительная информатизация всех сфер деятельности коснулась и преступности. В практике расследования и теории криминалистики исследуются прежде всего действия по использованию цифровых технологий, являющихся элементами различных видов преступлений. Имеются все основания утверждать, что на сегодняшний день названные средства применяются для совершения не только компьютерных, но и других разновидностей преступных посягательств. Как известно, в теории

криминалистики в структуре способа совершения преступления выделяются взаимосвязанные действия по подготовке, совершению и сокрытию посягательства.

Представляется целесообразным выделение способов преступления, содержание которых составляют только действия по использованию указанных технологий. Таковыми являются прежде всего способы преступлений, предусмотренные гл. 28, ст. 1593, 1595 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ). В последнее время получило распростра-

нение совершения с помощью указанных способов разработанных действий; вовлечения несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для несовершеннолетних; публичные призывы к экстремистской деятельности; возбуждение ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства; оскорбление; клевета; оскорбление представителя власти и т. п.

Другую группу образуют способы, некоторые элементы которых связаны с выполнением действий по использованию современных технологий. Это могут быть подготовительные мероприятия или действия по непосредственному совершению посягательства либо по его сокрытию. Возможно сочетание действий, образующих различные элементы рассматриваемых способов: по подготовке и совершению; по совершению и сокрытию; по подготовке и сокрытию.

Не исключается и добавление к перечисленным действиям операций, не связанных с использованием цифровых технологий. Так, достаточно распространены способы совершения преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних, которые охватывают выполнение действий с использованием анализируемых технологий и операций в ходе непосредственного физического контакта с потерпевшей (им). Сначала несовершеннолетние используют средства электронной связи склоняются к обнажению перед встроенной в компьютер видеокамерой, а затем, путем угроз, шантажа принуждаются кличной встрече, в ходе которой в отношении них совершаются насильственные или ненасильственные действия сексуального характера.

В способы сбыта наркотических средств могут включаться операции по размещению в электронных сетях предложений о продаже названных объектов, онлайн оплате приобретателями предлагаемых товаров и действия по размещению предмета сделки в тайнике (закладке), данные о котором сообщаются в ходе электронной переписки покупателю после предварительной оплаты.

Выполнение указанных действий может предусматриваться заранее при планировании реализации способа преступления определенного содержания. В других случаях действия по использованию цифровых технологий дополнительно включаются в уже реализуемый способ преступления. Например, в ходе переписки в электронных сетях на несовершеннолетнюю оказывалось неправомерное воздействие с целью склонения к самоубийству. На завершающем этапе потерпевшая отказалась от выполнения задания по причинению себе смерти и прекратила переписку. Субъекты преступления попытались продолжить неправомерное воздействие на несовершеннолетнюю, связываясь с ней по телефону, к которому были при-

вязаны услуги по представлению доступа к сети Интернет. В процессе этого общения потерпевшей угрожали убийством, если она не выполнит задание по причинению себе смерти.

В настоящее время с помощью цифровых технологий совершаются самые разнообразные виды преступлений: вымогательства, мошенничества, экстремизм, терроризм, незаконный оборот наркотиков, развратные действия, изготовление и распространение порнографии, вовлечение в преступную деятельность, принуждение к самоубийству, подстрекательство к различным посягательствам и т. п.

Следует заметить, что некоторые элементы названных способов могут изменяться, поскольку их продуктивность и (или) содержание не приносят желаемого результата. Некоторые субъекты на этапе подготовки к совершению преступления предусматривают последовательную замену менее результативных действий на более продуктивные. Например, для получения неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации могут использоваться программные средства, предусматривающие различные варианты преодоления защиты электронных баз данных.

Высокая степень вариативности анализируемых способов совершения преступлений диктуется возможностью использования при этом средств компьютерной техники. Они позволяют контролировать и быстро оценивать продуктивность выполняемых действий, корректируя их в случаях неудовлетворенности трудоемкостью, продолжительностью и результативностью способа совершения преступления в целом или отдельных операций, являющихся его элементами.

Конечно же вариативность зависит от субъективных факторов, например от свойств личности субъектов преступления. Среди них нужно выделять специфические интеллектуальные характеристики названных лиц, позволяющие в разные сроки оценивать качество осуществляемых действий и результативность реализуемого программного продукта. Эти свойства личности не ограничиваются знаниями различных программ, но и умениями объективного определения эффективности, адаптации к условиям сложившейся ситуации, совершенствования, корректировки используемых программных продуктов.

Лица, обладающие подобными качествами, способны варьировать как применяемые способы преступления, так и отдельные их элементы. В то же время субъекты, не обладающие подобными качествами, могут использовать для оценки и совершенствования программных средств помощь других людей. При этом не всегда обязательно личное общение. Иногда достаточно обращение к информации по интересующей теме, размещен-

ной в автоматизированных базах данных и содержащихся в материалах переписки, общения пользователей сети Интернет. В частности, в настоящее время в электронных сетях практически открыто публикуются данные о прекурсорах, которые могут быть использованы для изготовления наркотических средств. Там же несложно отыскать и рекомендации по изготовлению взрывных устройств, их установке в различных условиях. В отличие от описания в печатных изданиях в электронных публикациях могут размещаться видеозаписи рекомендуемых операций. Подобное изложение информации об операциях, являющихся типичными элементами способов преступлений, обуславливает их повторяемость в действиях разных лиц. Как известно, в теории криминологии и оперативно-розыскной, следственной, экспертной и судебной практике различается повторяемость способов преступлений в действиях одного и того же или разных лиц [3].

В целом в способах преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, наблюдается определенное противоречие между вариативностью и устойчивой повторяемостью. Думается, что типизация подобных методов будет повышаться по мере разработки экспертных программ, предназначенных для оценки и корректировки уже реализуемых программных средств. Один из основателей науки кибернетики обращал внимание на то, что деятельность вычислительных машин основана на обобщенных моделях образасвойствреально существующих явлений. Она представляет собой набор операций, образующих определенный алгоритм действий в условиях данной ситуации. Однако при этом выбор основывается на данных параметрах оцениваемых свойства предлагаемых вариантов действий. Алгоритмы реализуются только с учетом установленных программой правил, другие во внимание не принимаются. Даже обучаемые программы разрабатываются на основе избранных человеком (даже с помощью компьютерной техники) параметров правил, процедур, свойств. Поэтому важное значение придавалось правильному распределению ролей, выполняемых функций в организации взаимодействия человека и вычислительной техники [2].

Хотелось бы обратить внимание, что вычислительные технологии рассматриваются как дополнение способностей мышления человека. Аналогичную трактовку цифровой среде дает Рэй Курцвейл, рассматривая ее как аналог, модель человеческого мозга. Он также подчеркивает необходимость правильного сочетания возможностей человеческого мозга и компьютера [5].

Подобная трактовка требует корректировки представлений о системе детерминации способов преступлений, в структуру которых включаются

операции по использованию цифровых технологий. Программы операций, выполняемых с использованием цифровых технологий, разрабатываются определенными людьми. Программы разной степени сложности разрабатываются субъектами, отличающимися по уровню специальной подготовки. Простейшие могут составляться обычными пользователями, не проходившими курса специального обучения, не занимавшими углубленным самообразованием. Для разработки некоторых более сложных программ требуется уже более углубленная подготовка. Наконец, конструирование некоторых компьютерных программ может осуществляться только специалистами в этой области, при этом значительная часть сверхсложных программ создается творческими коллективами. Процесс создания нередко включает в себя апробацию, после чего первоначальный вариант может существенно дорабатываться.

Таким образом, в действиях по использованию таких программ в процессе реализации способа преступления отражаются свойства личности разработчиков, которые могут быть даже не осведомлены о таком применении.

Некоторые субъекты вносят определенные изменения программы при выполнении действий по подготовке и (или) по непосредственному совершению преступления. Иногда изменения на разных стадиях реализации способа преступления вносятся различными субъектами. В этих случаях в способах преступления отражаются отличающиеся свойства личности разных исполнителей.

Уже выбор программы определенной сложности, разработанной и используемой в конкретные периоды времени, отражает уровень подготовки, наличие специальных знаний у субъекта преступления. Использование новейших программ, сведения о которых опубликованы в ограниченном количестве источников может свидетельствовать о том, что названный субъект постоянно интересуется информацией о новинках в этой сфере либо вел специальный поиск.

Некоторые субъекты осуществляют несанкционированный доступ к программному продукту, преодолевая различным образом средства защиты от неправомерного использования. Для этого требуются не только знания средств преодоления защитных барьеров, но и умения их использования.

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что в способах преступлений, связанных с использованием цифровых технологий, отражаются свойства личности разных субъектов. В действиях по применению современных технологий отражаются в основном интеллектуальные качества: специальные знания, умения практической их реализации, способности самостоятельного мышления и т. п. В подобных действиях могут отражаться и

волевые качества, которые требуются для осуществления в течение достаточно продолжительного времени мыслительных и поисковых операций по получению доступа к защищаемой информации.

В некоторых случаях для получения доступа к источникам подобной информации совершаются действия, связь которых с использованием современных технологий бывает очень трудно проследить. Например, члены преступлений группы совершили кражу банкомата, размещенного на наружной стене здания магазина в небольшом населенном пункте. Банкомат был украден для изучения его другими участниками группы, программистами по специальности, в целях разработки программы, позволяющей похищать удаленным способом денежные средства вкладчиков банка.

В анализируемых способах преступлений и их следах отражаются не просто свойства личности разных субъектов. Эти личностные качества могут быть довольно трудно различимы, а их сочетания — весьма необычными. Для исследования сходства и различия подобных признаков личности может потребоваться помощь специалистов в таких отраслях научного знания, как машинное программирование, психология и другие.

Следует отметить, что для выявления закономерностей отражения свойств личности в действиях по использованию цифровых технологий вообще и в преступной деятельности в частности, необходимы специальные исследования как психологов, так и криминалистов.

Определенные особенности рассматриваемых способов преступления обуславливаются спецификой обстановки их реализации. В структуре выполнения действий по использованию упомянутых технологий доминирующее значение занимает цифровое пространство или, как его еще называют, виртуальная реальность. Специфика этого компонента заключается в отсутствии у него четких территориальных границ. Образующиеся в цифровом пространстве следы часто не

дают возможности для выдвижения версий о том, на какой территории выполнялись действия, связанные с использованием вышеуказанных технологий. В свою очередь, это существенно затрудняет определение территориальных границ поисков неустановленного субъекта преступлений рассматриваемого вида. Упомянутые трудности, однако, не исключают полностью возможностей выдвижения версий о местах возможного пребывания неизвестного субъекта преступления.

Некоторыми авторами высказывалось мнение о якобы возникшей необходимости разработки новейших методов раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, поскольку существующие методы непригодны для этих целей [1, 4].

Подобные утверждения выглядят безосновательными. В частности, никто из авторов таких высказываний не указывает, почему при расследовании преступлений анализируемого вида не может использоваться версионный метод и многие другие разработанные в криминалистике.

Вышеизложенные особенности способов преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, несомненно, должны учитываться в практике расследования и теоретических изысканиях.

В то же время выявленная специфика, по нашему мнению, не оказывает существенного влияния на основные положения криминалистического учения о способе совершения преступления. Возможно, в ходе дальнейших исследований будут получены данные, существенно изменяющие представления о способе преступления. Пока же авторам смелых призывов к революционным преобразованиям криминалистической теории не удалось сколько-нибудь убедительно доказать необходимость таких преобразований, не говоря уже о том, чтобы определить их очередность, направленность и содержание.

Список литературы:

1. Бутырцева И. В. Особенности расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием средств в массовой информации либо электронных или информационных телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Вестник криминалистики. 2015. № 2.
2. Винер Н. Кибернетика и общества: сборник / пер. с англ. В. Желнинова. М., 2019.
3. Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления // Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина и И. М. Лузгина. М., 1978.
4. Ищенко Е. П. Киберпреступность: криминалистический аспект проблемы // Библиотека криминалиста. 2013. № 5.
5. Курцвейл Рэй. Эволюция разума, или бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов / пер. с англ. Т. П. Мосоловой. М., 2018.

Электронная платежная система как элемент обстановки преступления

М. В. КАРДАШЕВСКАЯ,
профессор кафедры криминалистики,
доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России
им. В. Я. Кикотя)
E-mail: kardashewsky@yandex.ru

Ю. В. ГАВРИЛИН,
заместитель начальника кафедры управления
органами расследования преступлений,
доктор юридических наук, доцент
(Академия управления МВД России)
E-mail: yuriy902@gmail.com

Electronic Payment System as an Element of the Situation of the Crime

M. V. KARDASHTWSKAYA,
Doctor of law, Professor
(Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia
they. V. Kikot, Professor, Department of criminalistics)

Y. V. GAVRILIN,
Doctor of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Crime Investigation
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.98

В статье проводится анализ электронной платежной системы с позиции места ее характеристики в структуре криминалистической характеристики преступлений. Предметом исследования выступили закономерности механизма совершения преступления с использованием электронной платежной системы. Целью статьи является дополнение существующих положений криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий.

Электронная платежная система; криминалистическая характеристика; хищения; обстановка совершения преступления; условия охраны имущества.

The article analyzes the electronic payment system from the position of its characteristics in the structure of criminalistic characteristics of crimes. The subject of the study was the regularities of the electronic payment system that affect the choice of the criminal method of committing a crime. The purpose of the article is to improve the theoretical provisions of criminalistic characteristics of crimes committed using modern information technologies.

Electronic payment system; the criminalistic characteristic; theft; the situation of committing a crime; the conditions for protecting property.

Развитие технического прогресса привело к появлению новых технологий, которые активно используются преступниками в своих корыстных целях. В 2019 г. зарегистрировано 294 409 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 68,5 % выше аналогичного показателя 2018 г. В общем массиве зарегистрированных деяний указанной категории преобладают мошенничества (136 709 или 46,4 %) и кражи (98 798 или 33,6 %). Их количество возросло, соответственно, на 42,6 % и 202,4 %¹.

В контексте развития в Российской Федерации цифровой экономики и информационного общества, получили широкое развитие такие инструменты осуществления расчетов, как электронные платежные системы, наиболее распространенные среди которых «Яндекс.Деньги», «WebMoney», «PayPal», «QIWI» и др.

Указанные системы широко используются и в противоправных целях: для расчетов при дистанционном сбыте наркотических средств и психотропных веществ, при совершении хищений денежных средств путем мошенничества, при совершении вымогательств и пр.

Примером типичной мошеннической схемы, при которой используются платежные системы, является следующий: Л, находясь на территории исправительной колонии, где отбывал наказание, путем набора цифр случайных абонентских номеров, отправлял им СМС сообщения о том, что владелец этого номера стал победителем розыгрыша, проведенного в рекламных целях и обладателем денежного сертификата в размере 100 000 руб. Подробности предлагалось узнать по абонентскому номеру, указанному в сообщении. После того как потерпевший, получивший смс-сообщение, перезванивал на указанный в СМС-сообщении номер, Л. сообщал ему заведомо ложную информацию о том, что он является представителем компании «Мобайл Телеком» и для получения денежного приза необходимо оплатить налоговый сбор путем перечисления денежных средств на QIWI Кошелёк, подконтрольны Л. и используемый им преступных целях. При этом перечисления обещанных «призовых» денежных средств не производилось².

Для разработки эффективных мер расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных системах необходимо проанализировать криминалистически значимую

информацию о данных правонарушениях в целях формирования структуры их криминалистической характеристики.

Криминалистическая характеристика каждого вида правонарушений представляет собой система криминалистически значимой информации о различных элементах преступления. Она является результатом проведения криминалистического исследования конкретного вида или группы преступлений. Входя в содержание методики расследования преступлений в качестве ее первого элемента, она существенно влияет и фактически определяет содержание других разделов методики. Поэтому правильное понимание структуры данной характеристики и содержание ее элементов оказывает большое влияние на эффективность рекомендаций, разработанных в методике.

Прежде всего, следует определить, что такое электронная платежная система. Ряд ученых [2, 3], которые занимались изучением электронных платежных систем, утверждают, что данные системы – это компонентный элемент банковской среды. Однако разница между классическими банковскими расчетными системами и электронными платежными системами заключается в том, что между банком и клиентом существует третье лицо – провайдер. Таким образом, хотя электронные платежные системы и представляют составную долю банковской системы, но в тоже время – это самостоятельная система, которую образуют юридические лица, осуществляющие расчетные операции³.

Основные принципы правового регулирования электронных платежей раскрыты в Федеральном законе «О национальной платежной системе». В ст. 3 данного ФЗ сформулированы основные понятия, к которым относятся, в рамках данной статьи «электронное денежное средство» (п. 18), «электронное средство платежа» (п. 19) и «операторы по переводу денежных средств» (п. 1)⁴.

В настоящее время Центробанком постоянно ведется контроль операторов электронных денежных средств, список их постоянно изменяется. Так, по состоянию на 28.02.2020 г. в этот

¹ Информация ГИАЦ МВД России «Состояние преступности январь - декабрь 2019 года» <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/>.

² Архив Воркутинского городского суда Республики Коми. Приговор № 1-278/2019 от 21 ноября 2019 г. по делу № 1-278/2019.

³ В соответствии с п.1 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», последняя представляет собой совокупность операторов по переводу денежных средств (включая операторов электронных денежных средств), банковских платежных агентов (субагентов), платежных агентов, организаций федеральной почтовой связи при оказании ими платежных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации, операторов платежных систем, операторов услуг платежной инфраструктуры, операторов услуг информационного обмена, иностранных поставщиков платежных услуг, операторов иностранных платежных систем, поставщиков платежных приложений (субъекты национальной платежной системы).

⁴ О национальной платежной системе: федер. закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

перечень входило 85 юридических организаций [4].

По мнению Н. В. Олиндера, электронные платежные средства и системы применяются преступником как средство совершения корыстного преступления (хищения), и умысел виновного лица направлен на завладение чужим имуществом путем изменения информации либо путем введения в компьютерную систему ложной информации [1].

Однако, если электронная платежная система – это юридическое лицо (группа юридических лиц), то она никак не может быть средством совершения преступления. Скорее, мы можем говорить о среде, обстановке совершения хищения. Для совершения данных преступлений такие элементы криминалистической характеристики, как место и время совершения преступления, не обладают существенным значением, т. к. не сказываются на выборе преступником способа совершения преступления. Однако, криминалисты, характеризуя обстановку совершения хищения, часто упускают из виду еще один существенный элемент обстановки – условия хранения имущества. Электронная платежная система, как юридическое лицо, на основании заключенного договора с пользователем этой системы обязуется выполнять только те операции с его денежными средствами, которые санкционировал пользователь, т. е. электронная платежная система – это место хранения имущества пользователя, обладающее специфическими условиями его хранения.

При этом субъекты платежной системы (операторы по переводу денежных средств, банковские платежные агенты (субагенты), операторы платежных систем, операторы услуг платежной инфраструктуры) в соответствии с требованиями, предъявляемым к ним финансовыми органами⁵, аккумулируют значительный массив ценной криминалистически значимой информации, включая информацию о банков-

ских счетах, включая дату, время их открытия (закрытия); об остатках денежных средств на банковских счетах; о совершенных переводах денежных средств; информацию, содержащуюся в оформленных в рамках применяемой формы безналичных расчетов распоряжениях клиентов и др.

Не менее пяти лет, начиная с даты осуществления клиентом действия, выполняемого с использованием автоматизированной системы, регистрации и хранению подлежат: дата и время (с точностью до секунды), осуществления финансовой операции, данные, позволяющие идентифицировать клиента в автоматизированной системе и установить устройства, с использованием которого осуществлен доступ к автоматизированной системе (IP-адрес, MAC-адрес, номер сим-карты, номер телефона); а также иная информация⁶.

Таким образом, электронная платежная система в криминалистической характеристике хищений должна рассматриваться как обстановка совершения преступления. Для ее формирования следует использовать следующую информацию:

- последовательность действий пользователя при регистрации в системе;
- последовательность осуществления расчетных и обменных операций;
- последовательность операций по внесению и получению денежных средств;
- специфика доступа к электронной платежной системе через сеть Интернет;
- аппаратные и программные средства, используемые при функционировании определенной электронной платежной системы;
- используемые средства защиты сведений.

Все эти сведения определяют способ действий преступника по хищению электронных платежных средств и оставляемые при этом следы. Выявленные в ходе формирования криминалистической характеристики закономерности будут лежать в основе выдвигаемых следственных версий и путей их проверки.

Список литературы:

1. Олиндер Н. В. Криминалистическая характеристика электронных платежных средств в системах // Lex russica. 2015. № 10.
2. Тедеев А. А. Электронные банковские услуги. М., 2005.
3. Успенский И. В. Интернет-маркетинг: учебник. СПб., 2003.
4. Перечень операторов электронных денежных средств / Банк России. URL: <http://Cbr.ru> (дата обращения: 11 апреля 2020 г.)

⁵ Положение Банка России от 09.06.2012 № 382-П (ред. от 07.05.2018) «О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств».

⁶ Более подробно см. глава 2 Положение Банка России от 09.06.2012 № 382-П «О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств».

Преступное сообщество (преступная организация) и ответственность их участников по российскому уголовному праву

С. А. КОРОТКОВ,
слушатель факультета
подготовки начальствующего состава органов внутренних дел,
(Академия управления МВД России)
E-mail: korotkov-s@bk.ru

Criminal Community (Criminal Organization) and Responsibility of Their Participants under Russian Criminal Law

S. A. KOROTKOV,
Listener of the Faculty of Senior Staff Training
law-enforcement bodies
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)
E-mail: korotkov-s@bk.ru

УДК 343

В статье раскрывается понятие преступного сообщества (преступной организации), проводится анализ его признаков, рассматриваются главные трудности в противодействии преступным сообществам (преступным организациям). На основе этимологического анализа, приводится авторская позиция по исследуемому вопросу. Учитывая критический анализ действующего законодательства, автором приводятся аргументы, которые свидетельствуют о возникшей необходимости оптимизировать нормы уголовного законодательства, устанавливающие, в свою очередь, уголовную ответственность за организацию или участие в деятельности преступного сообщества (преступной организации).

Преступное сообщество; преступная организация; совершение тяжких или особо тяжких преступлений; преступления; устойчивые связи; организованная преступность; устойчивость; сплоченность.

The article reveals the concept of a criminal community (criminal organization), analyses its signs, considers the main difficulties in countering criminal communities (criminal organizations). Based on etymological analysis, the author's position on the subject under study is given. Given the critical analysis of the current legislation, the author makes arguments that indicate the need to optimize the rules of criminal law, which, in turn, establish criminal liability for organizing or participating in the activities of a criminal community (criminal organization).

Criminal community; criminal organization; committing grave or especially grave crimes; crimes; stable ties; organized crime; resilience; cohesion.

Преступное сообщество (преступная организация) относится к одному из наиболее сложных вопросов в юриспруденции.

Статистические данные свидетельствуют о значительно высоком уровне проявления названного явления. Так, с января по сентябрь 2018 г. [6] организованными группами или преступными сообществами было совершено 13200 тяжких и особо тяжких преступлений, а общее

число расследованных преступлений анализируемых категорий преступлений значительно увеличилось на 6,3%. В период с января по сентябрь 2017 г. увеличение достигло до 7,9%, кроме того за рассматриваемый период было возбуждено 454 уголовных дела по бандитизму. Осуществляя свою деятельность, полиция в 2017 г. выявила — 1 082 террористических преступления, которые, как правило, готовятся и совершаются при

прямом участии преступных организаций, которые обладают прочными и многочисленными международными связями.

Преступное сообщество — основа организованной преступности.

Государство обязано принимать необходимые меры для предотвращения проявления организованной преступности, так как она несет серьезную опасность российскому обществу и всему миру порядку.

Несмотря на высокую опасность для общества организованной преступности, правовые нормы в российском уголовном законодательстве, которые предусматривают основания и меры обязательной ответственности за организацию преступного сообщества и участие в нем, возникли сравнительно недавно, точнее — с принятием в 1996 г. УК РФ. Поэтому объем теоретических исследований, посвященных этому вопросу, значительно меньше объема, который посвящен традиционным институтам уголовного права.

Целью создания преступного сообщества выступает совместное совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. Одним из обязательных признаков такого сообщества выступает руководство им, где руководитель координирует преступные действия участников. Следующий обязательный признак преступного сообщества (преступной организации) указывает на создание связей, обладающих «устойчивостью» между различными организованными группами, которые, в свою очередь, действуют абсолютно самостоятельно. Кроме того, в уголовном законодательстве и криминалистике обозначены такие основные признаки преступного сообщества (преступной организации), как: разработка планов на этапе подготовки к совершению преступлений и создание необходимых условий для их совершения организованными группами. В преступных сообществах (преступных организациях) присутствует такая особенность, как присвоение определенных обязанностей каждому участнику преступного сообщества (преступной организации), а также наблюдается разделение доходов между ними, которые были получены в результате преступной деятельности. В исследуемых видах преступлений наблюдаются такие обстоятельства, как оказание лицом посредством своего высокого положения влияния на участников организованных групп, а также принятие участия в собраниях организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях совершения минимум одного из указанных преступлений. В научной литературе авторы, исследовавшие преступное явление, выраженное в форме преступного сообщества (преступной ор-

ганизации) говорят о нем как о специфическом явлении, требующее к себе индивидуального подхода. Мнение авторов оправдано тем, что они ведут речь не только о групповом совершении преступлений, но и о всеобщей преступной деятельности, которая совершается совместно. Авторами научных работ и статей, исследовавшими вопрос о преступном сообществе (преступной организации), отмечается особый субъект, который следует использовать при квалификации, это устойчивое и в обязательном порядке организованное преступное формирование, которое характеризуется как единый, а также слаженный механизм. К организованной преступности относится либо систематическая криминальная деятельность, либо решение глобальных криминальных задач в какой-то ограниченный период, которые требуют единства, а также различных усилий многих субъектов [5].

К основным проблемам борьбы с преступными сообществами (преступными организациями) в уголовном законодательстве относятся: применение ст. 210 УК РФ, а именно отличие преступного сообщества (преступной организации), которое предусмотрено в данной диспозиции, от смежных составов преступлений, а также трудности, возникающие при квалификации отдельных видов преступлений, которые совершаются организованной группой или преступным сообществом.

Особое внимание обращено на проблемы применения ст. 210 УК РФ.

Составляющая этих проблем — это закрепление в ст. 210 УК РФ ряда оценочных признаков, при применении которых возникают сложности при осуществлении процедуры доказывания их уголовно-процессуальными способами и методами.

Сама проблема которая возникает во время доказывания, закрепленных в ст. 210 УК РФ признаков содержит не только уголовно-правовое, но в том числе и уголовно-процессуальное значение.

В определении ч. 4 ст. 35 УК РФ отражены такие обстоятельства, которые указывают на то, что преступное сообщество (преступная организация) является сплоченной организованной группой (организацией), которая создана для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданных в тех же целях [2]. Таким образом, в признак «организованности», касающийся как преступного сообщества, так и организованной группы, заложены обязательные характеризующие признаки: обязательное обозначение и постановка целей совместной деятельности, детальное взвешивание, обдумывание и плани-

рование преступных действий, а также наблюдается иерархическая структура и ведется распределение ролей среди соучастников преступного сообщества (преступной организации), в сфере управления установлена жесткая дисциплина с безоговорочным подчинением от низшего к высшему, организаторам ведется активная деятельность, направленная на создание системы для противодействия различным уровням контроля, в которую входят необходимые меры для обеспечения безопасности всех членов сообщества. Эти цели достигаются путем установления необходимых связей с коррумпированными лицами, которые занимают рабочие места в государственном аппарате. На законодательном уровне в определении преступного сообщества (преступной организации) включено такое понятие, как «организованные группы». В свое время в понятие организованной группы был включен признак «устойчивость». Термины «устойчивость» и «сплоченность» в уголовном законодательстве рассматриваются как оценочные и не выступают в качестве синонимов, однако они по смыслу и их содержанию схожи между собой, в результате чего возникают трудности при разделении их в правоприменительной деятельности. В отрасли уголовного права, в понятии как «устойчивость» присутствует факт наличия организатора, в функциональные обязанности которого входит создание группы путем подбора соучастников, распределение их ролей, установление дисциплины, а также он является руководителем группы, который ведет работу, направленную на целенаправленную, спланированную и слаженную деятельность всей преступной группы [1, 2, 3]. Напротив, термин «сплоченность», который относится к преступному сообществу, в УК РФ не раскрывается, и данный факт в правоприменительной деятельности вызывает сложности во время решения вопроса определения вида группового преступного формирования [6].

В отрасли уголовного права термин «сплоченность» выражается как организованное и психологическое единство намерений лиц, входящих в преступную организацию, кроме того, его характер определяется тесным взаимодействием участников преступного сообщества (преступной организации), распределением функций не только между участниками, но и среди групп или структурных подразделений. Авторы, исследовавшие эти признаки, говорят о том, что их характер является оценочным. Набор этих признаков не полный и может быть как уменьшен, так и увеличен, следовательно, ответственность при квалификации преступления о виде организованного преступного формирования ложится исключительно на суд [4].

Проведенный анализ большого объема теории, которая раскрывает понятие соучастия и место преступного сообщества среди форм соучастия, показал, что большинство авторов считают, что теорию аксессуарности соучастия нужно принимать за некий фундамент, который является основой всего соучастия. По их мнению, соучастники всегда должны осуществлять преступную деятельность совместно и умышленно, при этом каждый из участников должен находиться в причинной связи с преступными действиями исполнителя и с наступившим преступным результатом.

Из огромного количества попыток, которые были сделаны в отношении совершенствования понятия «соучастие», более всего подходит указание на умышленный характер преступлений.

Понятие преступного сообщества (преступной организации), — это довольно сложное понятие в отрасли уголовного законодательства.

В большей степени мнения авторов, исследовавших данную проблематику, сходятся в том, что преступное сообщество определяется как устойчивое объединение лиц, организованных преступных групп, имеющих в своей основе иерархическое построение, точное распределение ролей и жесткую дисциплину, объединенных единой целью осуществления преступной деятельности для получения материальной выгоды. В основном определении отличаются уровнем обобщенности и количеством оценочных признаков, которые дают характеристику преступного сообщества.

В связи с тем, что в ст. 210 УК РФ в настоящее время по-прежнему употребляются такие термины, как «преступное сообщество» и «преступная организация» в качестве синонимов, на этой почве в отрасли уголовного права проявляются споры и возражения. Чтобы уйти от них, следует считать, что термин «преступная организация» является информационно избыточным, и на стадии квалификации преступлений, совершенных преступными сообществами, усложняет восприятие текста УК РФ. В связи с этим многими авторами предлагается само наименование «преступная организация» исключить из текста УК РФ.

В диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ не отражена дополнительная цель преступного сообщества, которая отражена в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Данная цель определяет такое обязательное обстоятельство, как получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Это говорит о том, что в ч. 1 ст. 210 УК РФ цель организации преступного сообщества уже имеется, так как она закреплена в ч. 4 ст. 35 УК РФ [2].

На сегодняшний день в нашей стране довольно высок уровень преступлений, совершаемых преступными сообществами (преступными организациями), однако в действующем Уголовном кодексе РФ законодатель заложил крепкий фун-

дамент, полезная функция которого направлена на борьбу со всеми проявлениями такой преступности, но имеются недостатки, которые требуют оперативного вмешательства, и законодатель должен оперативно реагировать на них.

Список литературы:

1. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» под ред. Г. А. Аванесова. — 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015.
2. Виденькина Ж. В. Уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия организованной преступности // Уголовное право. 2015. № 8.
3. Липина М. А. Понятие преступного сообщества и его признаки // Наука через призму времени. 2017. № 6.
4. Мондохолов А. Н. Ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней): научно-практический комментарий. М., 2017.
5. Попова А. В. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики: монография. М., 2017.
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — сентябрь 2018 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/14696015> (дата обращения: 14.04.2020).

Роль мер уголовно-правового поощрения в уголовно-правовом предупреждении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных дистанционным способом

С. И. КУРИЛОВ,
старший преподаватель кафедры
управления органами расследования преступлений
(Академия управления МВД России)
E-mail: Skurilov78@mail.ru

The Role of Criminal Law Promotion Measures in the Criminal Law Prevention of Crimes Related To Illicit Trafficking Of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances Committed Remotely

С. I. KURILOV,
Senior lecturer of the Department of management of crime investigation bodies
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.8

В статье идет речь о роли уголовно-правового поощрения, которое заключается в освобождении от уголовной ответственности за добровольное прекращение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенного дистанционным способом, добровольную их выдачу, активное содействие раскрытию и (или) предотвращению, пресечению и изобличению соучастников данного преступления лицом, впервые совершившим указанное преступление при условии отсутствия другого преступного деяния.

Поощрение; уголовно-правовое предупреждение преступлений; незаконный оборот наркотических средств; информационно-телекоммуникационные сети.

The article deals with the role of criminal law encouragement, which consists in the release from criminal responsibility for the voluntary termination of illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances committed remotely, their voluntary extradition, active assistance in the disclosure and (or) prevention, suppression and exposure of accomplices to this crime by a person who has committed the specified crime for the first time, provided that there is no other criminal act.

Promotion; criminal law prevention of crimes; illicit drug trafficking; information and telecommunications networks.

Несмотря на то, что в 2019 г. зарегистрировано на 5,0 % меньше, чем за аналогичный период 2018 г., преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ – 190,2 тыс. преступлений, произошел рост на 31,2 % преступлений данного вида, совершенных дистанционным способом – 24,7 тыс. преступлений, что является каждым

двенадцатым преступлением и составляет 8,4 % из числа зарегистрированных в том же году преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, – 294,4 тыс. преступлений [5].

К тому же перспективы и тенденции развития преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных техноло-

гий в 2020 г., оставляют желать лучшего, т. к. уже за 1 квартал данного года наблюдается их рост на 83,9 % по сравнению с АППГ. 19,9 % составляет удельный вес вышеуказанных преступлений, из-за чего на 4 % в Российской Федерации поднялся в целом уровень преступности [2].

В связи с этим Президент РФ при подведении итогов работы МВД за 2019 г., в своем докладе отмечая, что противодействие незаконному обороту наркотиков является важнейшим направлением в работе, сказал: «Нужно работать здесь более гибко и решительно, жестко, но строго в рамках закона». Также В. В. Путиным было обращено внимание на совместную деятельность МВД России и Роскомнадзора, в части блокирования различных источников, пропагандирующих наркотики в информационно-телекоммуникационных сетях, а ГД и Правительству РФ указано о необходимости возвращения к вопросу об установлении уголовной ответственности за вышеуказанное деяние [3].

Такая ситуация свидетельствует о том, что в правоприменительной практике имеются проблемы, связанные с эффективностью уголовно-правового предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных дистанционным способом.

Для решения обозначенной проблемы в современных условиях возникает необходимость в применении не только мер уголовно-правового принуждения, но и мер уголовно-правового поощрения. Такую работу по противодействию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на наш взгляд, можно назвать «более гибкой работой», т. к. указанные меры оказывают воздействие на граждан в целях предупреждения преступлений, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных дистанционным способом. Данные меры отражены в поощрительных нормах, содержащихся в Общей части (освобождение от уголовной ответственности вследствие деятельного раскаяния, примирение с потерпевшим с возмещением ущерба, с назначением судебного штрафа и др.) и специальных нормах-примечаниях Общей части уголовного закона Российской Федерации (освобождение от уголовной ответственности вследствие добровольного: прекращения преступной деятельности, освобождения похищенного лица; добровольная выдача предметов, запрещенных к свободному обороту, и др.)¹.

Вместе с тем некоторые обстоятельства связанные с недостаточной теоретической разработан-

ностью поощрительных норм, а также встречающиеся в практической деятельности разногласия и коллизии по их применению не позволяют эффективно выполнять задачу уголовного законодательства по предупреждению преступлений вышеуказанного вида. Данная ситуация, в свою очередь, порождает проблемы в теории уголовного права, законодательной и правоприменительной практике, касающиеся рассматриваемой сферы деятельности, и повышает актуальность указанной проблемы.

Сложность в противодействии преступлениям связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенным дистанционным способом, состоит в том, что данные противоправные деяния совершаются бесконтактно. Взаимодействие между участниками совершения преступления происходит опосредованно, например через социальные сети, мессенджеры и другие электронные и информационные ресурсы телекоммуникационных сетей. Специфичен и способ реализации наркотических средств и психотропных веществ, заключающийся в распространении вышеуказанных предметов, изъятых из оборота, через специально созданные сайты, доступ к которым ограничен, а также через социальные сети, содержащие информацию: о возможности их приобретения, установления контакта сбытчика и приобретателя, о способе и порядке расчета, о месте и времени получения «заказов» и т. д. [1].

Учитывая вышеуказанные особенности, считаем возможным использование мер уголовно-правового поощрения в уголовно-правовом предупреждении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных дистанционным способом. Предупредительное назначение поощрительных мер будет выражаться в стимулировании государством виновного лица к активным постпреступным действиям в виде способствования раскрытию и (или) предотвращению, пресечению данных преступлений. Такие социально полезные и желательные действия станут являться проявлением деятельного раскаяния, которое должно быть только добровольным, заключающимся в проявлении инициативы, в оказании помощи правоохранительным органам. Данные действия будут свидетельствовать о меньшей степени общественной опасности виновного и способствуют эффективной реализации предупредительной задачи уголовного законодательства. За выполнение таких стимулирующих действий к лицу, с учетом целесообразности и допустимости, могут быть применены меры поощрительного характера. Результатом применения таких поощрительных мер будет являться устранение предпола-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] : в ред. от 07.04.2020 г. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.04.2020).

гаемого уголовно-правового обременения в виде освобождения от уголовной ответственности лица и только, при условии по нашему мнению, что лицо, впервые совершило указанное преступление, и при отсутствии другого преступного деяния.

Необходимо отметить, что в отношении категории преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, более выраженной предупредительной направленностью обладает группа поощрительных предписаний к ст.ст. 228, 228.3 УК РФ. В соответствии с этим следует согласиться с профессором Э. А. Саркисовой, что указанная категория норм напрямую способствует предупреждению ряда преступлений, т. к. предупреждают более тяжкие преступления или совершение новых преступлений и в связи с этим относится к нормам с «двойной превенцией» [4]. Данные примечания содержат стимулирующие постпреступные позитивные действия, главным образом заключающиеся в добровольной сдаче предметов, изъятых из оборота, за которые лиц подлежат уголовно-правовому поощрению в виде освобождения от уголовной ответственности.

Однако в связи с вышеуказанным считаем, что целесообразным будет внесение дополнения, по аналогии рассмотренных составов преступлений, в норму статьи 228.1 УК РФ, предусмотрев в примечании освобождение от уголовной ответственности за добровольное прекращение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенного дистанционным способом, добровольную их выдачу, активное содействие раскрытию и (или) предотвращению, пресечению и изобличению соучастников данного преступления лицом, впервые совершившим ука-

занное преступление, при условии отсутствия другого преступного деяния.

Подводя итог, следует акцентировать, что роль мер уголовно-правового поощрения в уголовно-правовом предупреждении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных дистанционным способом, заключается в том, что они:

- оказывают воздействие на граждан в целях предупреждения преступлений;
- содержатся в специальных нормах-примечаниях Особенной части уголовного закона Российской Федерации;
- выражаются в стимулировании государством виновного лица как активным постпреступным действиям в виде добровольной выдачи предметов, запрещенных к обороту, добровольного прекращения, содействия раскрытию и (или) предотвращению, пресечению и изобличению соучастников данных преступлений;
- являются проявлением деятельного раскаяния;
- проявляются только в добровольной инициативе, в оказании помощи правоохранительным органам;
- свидетельствуют о меньшей степени общественной опасности виновного и способствуют эффективной реализации предупредительной задачи уголовного законодательства;
- устраняют предполагаемое уголовно-правовое обременение в виде освобождения от уголовной ответственности лица, но только при условии, если им впервые совершено указанное преступление и отсутствует другое преступное деяние.

Список литературы:

1. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учеб. пособие : в 2 ч. / [А. В. Аносов и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2019. — Ч. 1.
2. Официальный сайт «Рамблер». Об этом сообщает «Рамблер». URL: https://news.rambler.ru/crime/44017025/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 10.04.2020).
3. Расширенная коллегия МВД по итогам 2019 года. URL: <http://crimescience.ru/?p=20850> (дата обращения: 10.04.2020).
4. Саркисова Э. А. Уголовно-правовые средства предупреждения преступлений. Минск, 1975.
5. Сборник МВД РФ ФКУ ГИАЦ. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2019 года. Ф. 3 — ЕГС (493). М., 2020.

Криминальная эксплуатация человека как угроза национальной безопасности Российской Федерации

О. П. ЛЕВЧЕНКО,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)
E-mail: levchenko.nc@gmail.com

The Criminal Exploitation of Man as a Threat to the National Security of the Russian Federation

O. P. LEVCHENKO,
professor of the department
organ management crime investigation,
candidate of law
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.97

В статье идет речь о криминальной эксплуатации человека, которая рассматривается как угроза национальной безопасности Российской Федерации.

Криминальная эксплуатация человека; торговля людьми; организованная преступность; преступная деятельность.

The article deals with the criminal exploitation of man, which is considered in the context of threats to the national security of the Russian Federation.

The criminal exploitation of man; trafficking in persons; organized crime; criminal activity.

Высокий уровень организованной преступности и криминализация общественных отношений формируют обширный спектр угроз национальной безопасности. Одной из таких угроз, по мнению автора, является преступная деятельность в сфере криминальной эксплуатации человека.

Стратегия национальной безопасности нашего государства как основополагающий документ, регламентирующий основные угрозы национальной безопасности Российской Федерации, свидетельствует о том, что к таковым относятся деятельность организованной преступности, включая транснациональную, которая связана в том числе с организацией незаконной миграции и торговлей людьми.

Наряду с этим следует привести некоторые оценочные позиции в части рассматриваемого вида преступной деятельности. Госдепартамент США: каждый год продается и

покупается порядка 4 млн людей. ЮНИСЕФ: 10 млн детей каждый год используются как секс-рабы. Международная организация труда: ежегодный объем доходов — 32 млрд долларов. По некоторым экспертным оценкам, ежегодная мировая прибыль от работорговли — 9,5 млрд долларов, по другим — 19 млрд долларов [1].

В начале 2000-х годов торговля людьми, совершаемая с целью эксплуатации человека, а также использование рабского труда представлены как новые неисследованные наукой и практикой проблемы. Именно в этот период в Российской Федерации наблюдается проявление научного интереса к данным видам преступлений, однако через призму торговли людьми, что, по мнению автора, является одним из препятствий на пути к развитию знаний в исследуемой сфере преступной деятельности. Научные исследования в области уголовного

права, криминологии и криминалистики были ориентированы на изучение таких феноменов как «торговля людьми с целью эксплуатации» и «использование рабского труда». Правоприменитель же в лице правоохранительных органов, вооружившись современными научными методиками, сконцентрировал свое внимание на выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании именно этих видов преступлений, предусмотренных ст. 127.1, 127.2 УК РФ, которые, по глубокому убеждению автора, не являются определяющими в системе высокоорганизованной преступной деятельности, основанной не столько на торговле людьми, сколько на эксплуатации человека.

Следует отметить, что именно посредством организации криминальной эксплуатации людей в различных сферах (детская педофилия, порнобизнес, проституция, трансплантация органов и тканей, использование суррогатного материнства, эксплуатация труда в условиях приближенных к рабству) криминальный бизнес получает такие объемы доходов, о которых упомянуто выше.

Первые международные акты, касающиеся эксплуатации человека, приняты еще в конце прошлого века. В результате проведенной международно-правовой работы в рассматриваемой сфере международным сообществом под эгидой ООН заложена система противодействия таким антисоциальным явлениям. Эта работа нашла свое отражение в двух международных документах: в Протоколе по профилактике, пресечению и наказанию торговли людьми, особенно женщинами и детьми и Протоколе против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху. В большинстве стран соответственно приняты либо специальные законы, либо отдельные нормы в уголовном законодательстве, которые предусматривают ответственность за совершение этих преступлений.

Очень часто поднимался вопрос о том, что Российская Федерация в части противодействия торговле и эксплуатации в отношении человека до двухтысячных годов не предпринимала каких-либо активных действий в этом направлении, что свидетельствовало о якобы серьезных пробелах, которые следует нивелировать с учетом огромной практики и накопленных знаний зарубежных партнеров. С использованием ресурсов международных организаций они в эти годы осуществляли подготовку и устраивали на территории нашей страны различные международные конференции, тренинги, семинары под маркой «обмена опытом» в рассматриваемой области правоохранительной деятельности. Автор статьи, регулярно участвовавший

в подобных мероприятиях, сделал для себя ряд выводов, суть которых заключается в том, что на этих научно-представительских собраниях в большей степени нам (представителям российских правоохранительных структур) приходится обучать наших зарубежных партнеров и раскрывать им глаза на методологические основы противодействия организованной преступной деятельности. Это же касалось и преступной деятельности в сфере криминальной эксплуатации людей. Все потому, что в отличие от иных государств Российскую Федерацию в части науки и практики отличает высокий уровень ее методологической основы.

Существовавшие в нашей стране меры уголовно-правовой охраны свободы человека, а также специфика организации правоохранительной деятельности государственных органов нашей страны в полной мере позволяли осуществлять не только противодействие различным проявлениям против свободы человека (это и торговля людьми, и использование рабского труда), но и вести активную борьбу с главным предметом деятельности организованных преступных формирований в рассматриваемой области, коим является криминальная эксплуатация человека.

До включения в Уголовный кодекс Российской Федерации таких статей, как 127.1 (торговля людьми), 127.2 (использование рабского труда), в нашем государстве успешно пресекалась деятельность организованных преступных формирований, которые специализировались в том числе на вербовке и эксплуатации людей как на территории России, так и за границей.

В качестве примера так называемое «калужское дело». В период 1998–2001 гг. на территории Российской Федерации действовало преступное сообщество, созданное гражданами ряда зарубежных стран, члены которого обманым путем, а также путем угроз и насилия вывозили россиянок, в том числе и несовершеннолетних, в ОАЭ и Королевство Таиланд с целью принуждения к занятию проституцией. По материалам уголовного дела, в эти страны вывезено 46 девушек. Группа действовала свыше трех лет, носила устойчивый характер, имела развитые межрегиональные и международные связи, располагала значительными денежными средствами, получаемыми от проституции. Оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия проводились в том числе и в республиках Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан, направлялись международные поручения в Королевство Таиланд и ОАЭ.

В Уголовном кодексе Российской Федерации ранее существовала только одна норма,

которая отражала суть торговли людьми как купли-продажи человека – ст. 152 «Торговля несовершеннолетними», и такое воззрение законодателя было неспроста. Данный вид противоправных уголовнонаказуемых деяний, по сути, единственный, при объективной реализации которого человек (ребенок в нашем случае) продавался и покупался в подавляющем своем большинстве (65 % случаев) без цели его эксплуатации. Основная цель в таких случаях была иной: нивелировать законодательные установки и механизмы по вопросам усыновления или удочерения. А вот иные преступления, которые можно условно представить как входящие в правовое понятие торговли людьми, в нашем уголовном законе имели место.

По глубокому убеждению автора, уголовно-правовые средства противодействия рассматриваемому направлению организованной преступной деятельности до 2003 г. (в это время введены нормы в УК РФ о торговле людьми) имелись, активная борьба в этом направлении велась специализированными правоохранительными органами, но при этом основным предметом такой деятельности была не борьба с торговлей людьми, а борьба с ее последствиями – с криминальной эксплуатацией человека.

Зададимся вопросом: Какой смысл в борьбе с куплей-продажей человека, когда можно ориентировать силы и средства правоохранительных органов на очевидные проявления криминальной эксплуатации человека? Вопрос риторический. Оказывая государственное влияние на проявления преступности в сфере криминальной эксплуатации человека, можно бороться с этим явлением целенаправленно. Однако, как уже отмечалось, государство бросило все свои усилия на борьбу с фактами купли-продажи людей. Отдельные специализированные элементы системы правоохранительных органов столкнулись с массой проблем, связанных с доказыванием подобной «сделки» в отношении человека, ввиду того, что это сложно, да и вообще, на взгляд автора, в принципе бессмысленно. Именно поэтому первоначальный рост выявленных преступлений, предусмотренных ст. 127.1, 127.2 УК РФ, отмечен последующим снижением, а результаты рассмотрения в судах уголовных дел о таких преступлениях свидетельствуют о периодическом исключении из обвинения упомянутых статей.

Аналогичная ситуация и за рубежом. Например, в столице Германии ежегодно по таким делам проводится порядка 150 процессов, однако судами обвинительные приговоры в торговле людьми выносятся лишь по каждому пятому уголовному делу. В большинстве случаев при

осуществлении следствия либо в ходе судебного рассмотрения уголовных дел о торговле женщинами в этой стране действия обвиняемых лиц в конечном итоге квалифицируются как поддержка проституции, а обвинение в торговле людьми нивелируется.

Отмеченное позволяет говорить о том, что современные нормы, связанные с уголовно-правовой охраной свободы человека от проявлений криминальной эксплуатации и сопутствующей ей торговли людьми, оказались не столь эффективны, а причина очевидна. Она заключается в том, что объект уголовно-правовой охраны, коим является свобода человека, исследован в отрыве от детального изучения такого явления, как преступная деятельность в сфере криминальной эксплуатации человека. В УК РФ введено противоречивое, не основанное на семантике русского языка понятие «торговля людьми», в то время как дословный перевод преступления «trafficking in persons», введенного Протоколом о предотвращении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми следующий: «перемещение людей».

Заслуживает внимания интерпретация этого термина М. Клейменовым и С. Шамковым. Они предложили определить рассматриваемый вид преступлений («trafficking in persons») как «криминальное перемещение людей» [2].

Торговля людьми – вне всякого сомнения законодательно определенный вид уголовнонаказуемого противоправного деяния. Но при этом хотелось бы обратить внимание на диспозицию ст. 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Имеется в виду перечень действий, определенный в первой части упомянутой нормы уголовного закона: вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека. У автора несколько вопросов:

1. Что это за действия?

2. Это элементы иного вида преступления, который по своему содержанию отличается от торговли людьми?

3. А может, это действия, образующие подготовку, совершение и сокрытие преступления?

В криминалистической науке указанные выше действия называют одной простой фразой: способы совершения преступления.

Следует сделать акцент на отдельных видах преступлений, которые предусмотрены Уголовным кодексом Российской Федерации: убийство (в целях использования органов или тканей потерпевшего); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (в целях использования органов или тканей потерпевшего); незаконное распространение порнографических материалов или предметов; изготовление и оборот ма-

териалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних; похищение человека; незаконное лишение свободы; торговля людьми; использование рабского труда; незаконное усыновление (удочерение); вовлечение в занятие проституцией; организация занятия проституцией; организация незаконной миграции.

Если проанализировать механизм совершения перечисленных видов преступлений, то можно в конечном итоге сказать, что вербовка, перевозка, а также иные действия, перечисленные в ч. 1 ст. 127.1 УК РФ, — это либо отдельные элементы способов, либо конкретные способы приготовления, совершения и сокрытия преступлений. Данное утверждение не вызывает сомнений и не нуждается в обосновании. Но несмотря на это, только один вид преступлений (торговля людьми) законодателем определен как вербовка, перевозка и т. д. (см. ч.1 ст. 127.1 УК РФ). Такая формулировка усложняет процесс применения правоохранительной и судебной системой нашей страны ст. 127.1 УК РФ.

Таким образом, можно сделать определенный вывод о том, что в Российской Федерации

уголовно-правовые меры борьбы с торговлей людьми и работоторговлей, эксплуатацией человека и рабством не в полной мере отражают специфику современной высокоорганизованной преступной деятельности в сфере криминальной эксплуатации человека. По всей видимости, требуется комплексное изучение всех аспектов возникновения и функционирования данного вида преступной деятельности как самостоятельного явления и разработка родовой методики расследования преступлений в сфере криминальной эксплуатации человека. Актуальность и злободневность данного направления заключается в объективной необходимости получения новых научных знаний о преступлениях рассматриваемой категории, выявления и разрешения противоречий между их объективной реальностью и общественными отношениями, складывающимися при осуществлении правоохранительной деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, в целях повышения результативности борьбы с криминальной эксплуатацией человека, которая представлена как угроза национальной безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

1. Торговля людьми и легализация преступных доходов. Вопросы противодействия: научно-практич. пособие / [А. Андриани и др.]; под ред. О. П. Левченко. М., 2009.
2. Клейменов М. П., Шамков С. В. Криминальное перемещение людей: возможности противодействия // Торговля людьми. Социокриминологический анализ / под общ. ред. Е. В. Тюрюкановой и Л. Д. Ерохиной. М., 2002.

Доступ воспрещен: преступления против несовершеннолетних, совершаемые в цифровой среде

О. В. МАЙОРОВА,
адъюнкт кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
(Волгоградская академия МВД России),
E-mail: agentola@mail.ru

Access Is Prohibited: Crimes against Minors Committed In a Digital Environment

O. V. MAYOROVA,
Graduated in a military academy
(Volograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

УДК 303.63:343.98.068

В предлагаемой статье анализируются противоправные действия в отношении детей и подростков в информационно-телекоммуникационной сети Интернет как современная тенденция преступности в отношении несовершеннолетних. Автором приводятся данные криминальной статистики, освещаются факторы, способствующие росту такого рода преступлений, а также анализируются способы технической реализации злоумышленниками своих преступных намерений в сети Интернет в отношении несовершеннолетних потерпевших.

Интернет; несовершеннолетние потерпевшие; преступления против несовершеннолетних в интернет; посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних; детская порнография.

This article analyzes illegal actions against children and adolescents in the information and telecommunications network Internet as a modern trend in juvenile delinquency. The author provides the data of criminal statistics, highlights the factors contributing to the growth of such crimes, and also analyzes the methods for the technical implementation by criminals of their criminal intentions on the Internet in relation to minor victims.

Internet; juvenile victims; crimes against minors on the Internet; sexual abuse of minors; child pornography.

Преступность является угрозой любого государства и общества. В современном мире, в связи с научно-техническим прогрессом и глобализационными процессами, данная угроза возрастает многократно.

Преступления против несовершеннолетних находятся в центре внимания как общества в целом (о чем свидетельствует множество публикаций в различных средствах массовой информации, особенно, в сети Интернет в случаях совершения таких преступлений), так и государства в лице его следственных, судебных и правоохранительных органов.

Потенциальными жертвами преступлений дети были всегда. Причиной этому служат обусловленные малолетним возрастом доверчивость, открытость всему новому, любознательность, отсутствие страха неизвестности. Все эти факторы способствуют тому, что дети становятся идеальными мишенями для преступников.

Интернет вокруг нас: в кармане в смартфоне со всеми его многочисленными приложениями, сервисами; он в наших домах, на рабочем месте, наши дети с его помощью получают образование, мы совершаем покупки в онлайн-магазинах, мы узнаем в сети новостии, смотрим кино премьеры, оформляем

официальные документы и общаемся с родственниками, живущими за тысячи километров от нас. Варианты использования Интернета для незаконной деятельности в отношении несовершеннолетних потерпевших следующие: сексуальная эксплуатация, сексуальные домогательства, порнография (использование несовершеннолетних с целью изготовления порно материалов, либо распространение таковых материалов посредством информационно-коммуникационной сети). Возможность стать жертвой преступления против половой неприкосновенности по своим социальным последствиям для ребенка является наиболее опасной среди всего перечня преступных посягательств в отношении несовершеннолетних.

УК РФ¹ содержит несколько статей, закрепляющих составы преступлений, совершенных против половой неприкосновенности несовершеннолетних (малолетних): ст. 132 «Насильственные действия сексуального характера», ст. 135 «Развратные действия», ст. 242 «Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», ст. 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», ст. 242.2 «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2014 г. «О судебной практике по делам о преступлении против половой неприкосновенности и половой свободы личности»² в качестве развратных признает также действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей.

Противоправные действия, совершенные в интернет-пространстве в отношении несовершеннолетних, к сожалению, давно уже являются одной из угроз современной действительности, что подтверждается статистическими данными.

Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации свидетельствует о высокой адаптированности преступности к новейшим достижениям научно-технического прогресса [1]. На фоне уменьшения общего количества потерпевших за период с 2013 по 2017 гг. возросло число несовершеннолетних, ставших

жертвами преступлений – с 89053 чел. до 105519 чел. В большинстве случаев жертвами преступления становятся дети в возрасте от 1 года до 13 лет (50–53 %).

По данным ГИАЦ МВД России, за 2019 год в Российской Федерации зарегистрировано 294 409 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 68,5 % больше по сравнению с 2018 г. В сети Интернет, согласно официальным статистическим данным, совершено половина таких преступлений, с использованием средств мобильной связи – более 1/3. В январе – феврале 2020 г. зарегистрировано более 60 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [2].

Интернет развязал преступникам руки, предоставив широчайший арсенал средств для реализации ими своих преступных намерений. Кто знает, довел бы злоумышленник свой преступный замысел до конца, в реальности, если бы интернета не существовало? Стал бы он искать жертву преступления в своем ближайшем окружении, или ограничился лишь сексуальными фантазиями на интересующую его тему?

К сожалению, интернет со всеми его поистине безграничными возможностями смел все препятствия между преступником и его потенциальной жертвой, создав все условия для противоправного общения.

Возможности интернет-общения многогранны, это:

1) переписка в социальных сетях, мессенджерах (сервисах быстрого обмена сообщениями), включающая как текстовую составляющую, так и фото-, видеоконтент, которым обмениваются пользователи;

2) видеозвонки (с помощью «Skype», «WhatsApp» и пр.);

3) онлайн-эфир в соцсетях («VK», «Одноклассники», «Instagram»);

4) закрытые форумы по интересам и видео-хостинги (к примеру, закрытые форумы для педофилов со сложной системой доступа).

И здесь речь идет не только о способах реализации злоумышленником своего преступного намерения, которое он выберет в зависимости от типа личности, характера, своих психологических особенностей (к примеру, аудиоформат общения; получение видеоконтента онлайн с целью достижения сексуального удовлетворения либо запись такого рода видеоматериала для просмотра впоследствии; текстовая переписка; фотографии), но и о таких немаловажных преимуществах виртуального общения, как скорость, быстрота получения желаемого (в настоящее время меньше минуты требуется, что-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

бы посредством поисковых программ найти в сети требуемую информацию) и латентность, «тайность» преступного общения (современные смартфоны и высокое покрытие территории нашей страны мобильным интернетом позволяют преступнику удовлетворить любой свой интерес).

Функционал интернета как телекоммуникационной сети позволил осуществить преступникам то, что раньше казалось трудно достигаемым. В сеть с целью реализации своих преступных намерений может выйти на охоту как самый закомплексованный преступник, преследующий удовлетворение личного интереса (в случае совершения развратных действий, к примеру), так и хорошо организованная группировка, у которой существует отлаженный механизм по монетизации результата своей преступной деятельности (если речь идет о преступлении, предусмотренном ст. 2421 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», ст. 2422 «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов» УК РФ).

Безграничность интернет-пространства, как цифровой среды совершения преступлений, создает определенные трудности в ходе их выявления и расследования. Зачастую с огромным трудом удается установить сведения о потерпевших, данные преступников, а также географическое нахождение мест совершения преступления (локацию преступников).

Социальные сети Интернета все чаще становятся «орудием» преступления в отношении детей. Знакомясь через указанные сети с несовершеннолетними (малолетними), преступники в процессе переписки отправляют последним фото и видео порнографического характера, а в дальнейшем путем уговоров или предложений денежного вознаграждения склоняют потерпевших к совершению различных действий сексуального характера. Начав реализацию своего умысла в сети, в виртуальной среде, злоумышленник зачастую заканчивает его в реальном, окружающем нас материальном мире. Такие преступления наносят непоправимый психотравмирующий вред несовершеннолетнему, который не проходит бесследно и оказывает негативное влияние на всю его дальнейшую жизнь.

Преступнику не нужно теперь выходить в реальный мир с целью поиска потенциальной жертвы, что, несомненно, в разы рискованнее для него. Смартфон, ноутбук, стационарный компьютер с выходом в сеть – и жертва найдена (и не одна!), общение налажено, процесс пошел, а обнаружится ли преступное намерение – об этом ли размышляет злодей, когда у

него в телефоне фото или видеофайлы с несовершеннолетним потерпевшим, к которому он вошел в доверие?

Можно также говорить и о том, что интернет посредством программных решений сделал возможным одновременное совершение преступного посягательства в отношении множества жертв (к примеру, одновременное общение с несколькими потерпевшими посредством онлайн – видеосервисов, мессенджеров, видеоконференций, онлайн-эфиров и т.п.). Интернет трансграничен, несовершеннолетние потерпевшие могут проживать в любой точке земного шара, главное, чтобы там был выход в сеть.

К сожалению, ученые-криминологи в своих прогнозах, касающихся будущих показателей зарегистрированных преступлений рассматриваемой категории в отношении несовершеннолетних неутешительны: ожидается рост такого рода преступлений. Способствовать этой негативной тенденции будут несколько факторов:

1) отсутствие четко регламентированного законодательного запрета либо ограничения на доступ детей и подростков к информационным порталам и ресурсам Интернет;

2) отсутствие контроля со стороны взрослых за виртуальной жизнью несовершеннолетнего в социальных сетях;

3) активизация различных категорий преступников, в том числе педофилов в интернет-пространстве, использующих дистанционные технические возможности вербовки и иных анонимных манипуляций сознанием и поведением подростков в сети;

4) несовершенство действующего законодательства в сфере контроля за лицами, ранее судимыми, отбывавшими наказание за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних;

5) действующие в различных регионах страны карантинные меры и режим самоизоляции в связи с распространением вируса COVID-19, негативным последствием которых явился всплеск преступности (тяжких преступлений, связанных с бытовым насилием, а также резкий рост преступлений в сети Интернет).

Стремительное развитие новых коммуникационных технологий и дальнейшее расширение влияния информационных ресурсов на повседневную жизнь граждан будут только способствовать совершению преступлений против личности путем использования интернет-пространства. Представляется, что усиливающаяся виртуализация социальной жизни детей и подростков предопределяет дальнейший рост преступлений против половой

неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних, что продолжит негативную тенденцию последних лет. Вот почему организация и расследование преступлений

обозначенной категории регулярно выявляет множество вопросов, требующих дальнейшего рассмотрения в рамках обновляемой частной криминалистической методики.

Список литературы:

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018.
2. Состояние преступности в России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450> (дата обращения: 15.04.2020).

Современные уголовно-правовые способы борьбы с компьютерными преступлениями

Е. З. СИДОРОВА,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук
(Восточно-Сибирский институт МВД России)
E-mail: ketrik6@mail.ru

М. Д. ИВАНОВА,
курсант факультета подготовки
следователей и судебных экспертов
(Восточно-Сибирский институт МВД России)

Modern Criminal Legal Ways to Combat Computer Crimes

E. Z. SIDOROVA,
Candidate of Law Sciences,
Lecturer of Department of Criminal Law and Criminology
(East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

M. D. IVANOVA,
Student of the faculty of Training Investigators and Forensic Experts
(East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

УДК 343.34

В настоящее время достаточно актуальным направлением государственной политики выступает борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации. Обусловлено такое положение возрастающим значением в жизни общества и государства информационных технологий. Предметом исследования выступают общественные отношения, связанные с использованием уголовно-правовых способов борьбы с компьютерными преступлениями. Цель исследования заключается в изучении современных уголовно-правовых способов борьбы с компьютерными преступлениями. На основании всестороннего анализа сделаны выводы о перспективах развития данного института.

Компьютерные преступления; уголовно-правовое регулирование; борьба с преступностью; компьютерные технологии; преступления, интернет-технологии.

At present, the fight against crimes in the field of computer information is a fairly topical area of state policy. This situation is caused by the increasing importance of information technologies in the life of society and the state. The subject of the research is public relations related to the use of criminal law methods to combat computer crimes. The purpose of the research is to study modern criminal-legal ways to combat computer crimes. Based on a comprehensive analysis, conclusions are made about the prospects for the development of this Institute.

Computer crimes; criminal law regulation; crime control; computer technologies; crimes; Internet technologies.

Современное общественное развитие показывает, что интеллектуальная сфера жизнедеятельности представляет одно из центральных направлений, а также важнейший государственный ресурс. В этой связи оче-

видна необходимость надлежащего правового регулирования данной сферы. Общество очень подвержено информатизации на современном этапе развития, все более на различные уровни распространяются глобальные сети коммуни-

кации, что, в частности, порождает новые взаимоотношения, формы взаимодействия. Различные информационные технологии активно применяются в самых разных сферах (финансовой, торгово-промышленной, банковской и пр.). Технический прогресс и бурное развитие различных направлений, в том числе в сфере информации и компьютерных технологий, повсеместно наблюдается и требует особых мер защиты, среди которых меры уголовно-правового характера.

На сегодняшний день в структуре Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) преступления в сфере компьютерной информации входят в состав главы 28 и включают в себя следующие составы преступлений:

- ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации»;
- ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»;
- ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей»;
- ст. 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации».

Имеют место различные вопросы применения составов преступлений, отраженных в гл. 28 УК РФ, а также присутствуют спорные вопросы квалификации, которым будет уделено внимание в рамках данной работы. Тем не менее необходимо отметить важную проблему, которая должна решаться в тесном взаимодействии с применением мер уголовно-правового воздействия в сфере компьютерных преступлений.

С целью снижения как уровня преступности в целом, так и преступлений исследуемой категории, возрастает потребность контроля действий пользователей в сети Интернет. Действительно, в последние десятилетия вопросы борьбы с компьютерными преступлениями связаны во многом с информационными ресурсами, распространяемыми именно в сети Интернет.

Государственное регулирование сети Интернет во взаимосвязи с мерами по борьбе с преступностью является весьма обычным явлением в целом ряде стран. При этом в течение последних десятилетий происходит становление и развитие таких мер. Хотелось бы отметить некоторые из них. В США с 2001 г. действует Закон «Об объединении и укреплении Америки», закрепляющий обязанность провайдера осуществить предоставление необходимой информации о пользователях при наличии требования ФБР [1]. Практикуется введение в общественных местах (образовательных

организациях, библиотеках и др.), где используется Интернет, специальных фильтров. Последние ограничивают доступ к сайтам, где расположена недопустимая для несовершеннолетних информация, в частности, содержащая порнографические материалы.

Обобщая существующие подходы, можно отметить, что национальная политика США в отношении киберпреступности достаточно активна. Наряду с противодействием порнографии, имеет место борьба с терроризмом и экстремизмом во Всемирной сети. В странах Европейского союза действует Конвенция о киберпреступности 2001 г., которая значительное внимание уделяет взаимодействию правоохранительных органов в борьбе с подобными явлениями, а также иным важным аспектам взаимодействия различных субъектов в борьбе с преступностью, в т. ч. затрагивающим проблемы борьбы с детской порнографией. В уголовном законодательстве Германии действует большое количество статей, связанных с преступлениями, совершаемыми с использованием Интернета и компьютерных технологий. Кроме этого, в 2007 г. в МВД Германии была создана специальная группа, занимающаяся мониторингом и анализом сайтов, через которые может распространяться противоправная информация.

Заслуживает внимания опыт Китая, где осуществляется комплексный подход к контролю за сферой Интернета. Китайские власти осуществляют фильтрацию контента сайтов. При этом имеется техническая возможность блокировки сайтов со стороны правительства, если информация, расположенная на сайтах, вступает в противоречие с законодательством страны.

К числу существенных достижений в части регулирования деятельности в сети Интернет необходимо отметить:

- обязательную регистрацию пользователей в интернет-кафе;
- обязательную регистрацию веб-сайтов и новостных сайтов и контроль за их деятельностью со стороны соответствующих государственных органов;
- создание специальной интернет-полиции, компетенции которой относится выявление материалов и публикаций, нарушающих законы КНР;
- на интернет-провайдеров возложена ответственность за содержание сайтов, они подвергаются цензуре;
- регистрация телефонных пользователей действует только под настоящими именами;
- существует установка на все компьютеры внутри страны интернет-фильтров (еще на заводе), их цель – блокировать сайты, на которых размещена порнография, материалы о насилии (данная мера в данный момент в полной мере не реализуется).

В Республике Казахстан установлено полномочие за судебными органами требование удалить материалы, противоречащие законодательству от владельцев сайтов¹. Следует отметить, при этом обращение в суд может осуществляться вне зависимости от расположения владельца сайта с юридической позиции.

Очевидно, что на сегодняшний день, многие страны осуществляют борьбу с преступностью, в частности, в сфере компьютерных преступлений, посредством усиления контроля за интернет-пространством. Представляется, что такое активное усиление контроля данной сферы не является случайным и заслуживает внимания с учетом положительного опыта зарубежных государств.

В качестве объекта преступлений в сфере компьютерной информации выступают общественные отношения в сфере обеспечения конфиденциальности компьютерной информации, защиты информации и ее передачи в соответствии с установленными законом требованиями. Предметом преступления выступает та или иная компьютерная информация.

В свою очередь внешне проявление преступлений, то есть объективная сторона этих деяний, может выражаться и в форме действий (ст.ст. 272, 273 УК РФ), и в форме бездействия (ст.ст. 274, 274.1 УК РФ). Большинство составов (за исключением ч. 1 ст. 273, ч. 1 ст. 274.1 УК РФ) материальны.

Как правило, с субъективной стороны имеет место либо только умышленная форма вины (части 1, 2 статьи 274.1 УК РФ), либо как умышленная или неосторожная форма вины (остальные составы главы 28 УК РФ). Субъектом преступления может стать как лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (по ст.ст. 272, 273 УК РФ), так и лицо, обладающее признаками специального субъекта (ст. 274 УК РФ), что свидетельствует о повышенной социальной опасности совершения подобного преступления.

Помимо использования собственного служебного поведения в качестве квалифицированных и особо квалифицированных составов выступают и иные основания, такие как предварительный сговор, нанесение тяжких последствий и др.

Нельзя не отметить те проблемы, которые существуют в вопросах применения уголовно-правовых мер борьбы с компьютерной преступностью. Важность приобретает для отечественного законодательства расширение терминологического аппарата в части применения многих важных понятий в сфере компьютерной преступности. Так, повышенным значением обладает закрепление на офи-

циальном уровне таких понятий, как киберпространство, виртуальное пространство, фишинг и иные термины, которые непосредственно связаны с преступлениями в исследуемой сфере.

Несомненно, в последние годы в гл. 28 УК РФ вносились изменения. Так, в примечании к ст. 272 УК РФ отражается понятие компьютерной информации. Тем не менее учеными выделяются и проблемы в связи с этим. Так, А. И. Коробеев, Р. И. Дремлюга, Я. О. Кучина отмечают, что данное нововведение породило ряд новых правовых проблем. Причина их заключается в том, что любые сигналы напрямую связаны с носителями информации и средствами их хранения. В зависимости от этого они могут быть электрическими, электромагнитными, оптическими и так далее. В УК РФ, однако, речь идет исключительно об электрических сигналах. Между тем информация преобразуется в электрический сигнал лишь в момент обработки и ее конечной передачи. В этой связи в теории уголовного права существует предложение уточнить формулировку, назвав электрический сигнал конечным, т. е. уже поступившим в вычислительное устройство [2].

Действительно, проблема эффективного применения терминологии, равно как и использование высокотехнологических решений в расследовании преступлений данной категории при проведении следственных действий — важная задача. При этом эффективное правоприменение положений гл. 28 УК РФ в отсутствие закрепления многих понятий становится затруднительным. Учеными предлагались различные подходы к решению данной проблемы. Так, И. И. Сухих предлагает все принципиально важные нормы относительно информации, в том числе, компьютерной, закрепить в Информационном кодексе [3].

При квалификации преступлений по составам, закрепленным в рамках главы 28 УК РФ, возникает достаточно большое количество вопросов. Следует отметить некоторые из них: выступает ли в качестве признака уничтожения такая компьютерная информация, которая далее была восстановлена; каким образом квалифицировать уничтожение информации, если сам носитель уничтожен не был; как установить пределы незаконного копирования; каким образом квалифицировать несанкционированное ознакомление с компьютерной информацией, если копирование отсутствовало, но далее информация была использована в противоправных целях, и др. Очевидно, что спектр действий, связанных с неправомерным использованием компьютерной информации, очень велик, что диктует необходимость разработки эффективных уголовно-правовых мер воздействия.

Подводя итоги данного исследования, необходимо сделать ряд выводов.

¹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185): заключена в г. Будапеште от 23 нояб. 2001 г.: в ред. от 28 янв. 2003 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Преступность в сфере компьютерной информации представляет повышенную опасность для нормальной жизнедеятельности как отдельных граждан и юридических лиц, так и государства в целом. Объяснить такое положение можно повышенным уровнем информатизации, развития технологий, внедрения компьютерного оборудования практически во все сферы жизни общества.

2. На основании существующей обстановки возникает потребность в реализации государственной политики в плане поддержания определенных стандартов и защиты информации, в т. ч. полученной в связи с применением компьютерных технологий. На примере отдельных зарубежных стран были рассмотрены вопросы усиления контроля пользования сетью Интернет. Представляется, что Российская Федерация может использовать подобный зарубежный опыт в рамках своей страны.

3. Необходим пересмотр положений главы 28 УК РФ в части возможности закрепления новых составов преступлений. Так, интерес вызывает отражение состава, когда имеет место незаконное завладение компьютерной информацией для дальнейшего неправомерного доступа к охраняемой информации.

Современные уголовно-правовые способы борьбы с компьютерными преступлениями нуждаются в дальнейшем исследовании, которое позволит выявить наиболее важные правоприменительные проблемы и пути их решения. Представляется, что значение закрепления в структуре УК РФ преступлений в сфере компьютерной информации обладает повышенной значимостью, поскольку компьютерные технологии положены в основу работы многих важных систем, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность общества и государства.

Список литературы:

1. The «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA PATRIOT ACT): Act of 2001. URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/3162/text/enr> (дата обращения: 12.04.2020 г.).
2. Коробеев А. И., Дремлюга Р. И., Кучина Я. О. Киберпреступность в РФ: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3.
3. Сухих И. И. Проблемы борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации // Вестник УРФО. Безопасность в информационной сфере. 2011. № 2.

Идеологема «отечественный уголовный процесс»

А. Н. КОНЕВ,

начальник Академии управления МВД России,
доктор технических наук,
кандидат юридических наук, доцент
(Академия управления МВД России)
E-mail: akonev@mvd.gov.ru

Ideology «Domestic Criminal Process»

A. N. KONEV,

Doctor of Technology, Candidate of Law,
Associate Professor,
Head of Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 316.75

В статье рассматриваются идеологемы в идеосфере современного уголовного судопроизводства. Автор приходит к выводу, что юридический феномен «отечественный уголовный процесс» предназначен для решения прагматических задач и является национальным достоянием.

Уголовный процесс; идеосфера; идеологема; процессуальные проблемы; состязательность; инквизиционность; объективность истины.

The article considers ideologems in the ideosphere of modern criminal proceedings. The author concludes that the legal phenomenon of the “domestic criminal process” is designed to solve pragmatic problems and is a national treasure.

Criminal proceedings; ideosfer; ideologem; procedural problems; competitiveness; inkvizitsionnost; objectivity of the truth.

Наверное, немного найдется ученых, которые станут искренне возражать против того, чтобы маркировать «состязательность» и «инквизиционность» интеллектуальной меткой «идеологема». Их экзистенциально-идеологическую потенцию искусственно придумывать и доказывать не нужно, поскольку она сама себя презентует весьма ярко и энергично, и сторонникам состязательности и инквизиционности остается лишь подставлять свои «паруса» этим идеологическим «ветрам» и заботится о том, чтобы эти ветра не поломали «мачты» их концепций. Указанные идеологемы являются не просто составными частями одноименных идеологий, они являются идеолого-образующими концептами. Поэтому быть или не быть этим идеологемам в идеосфере современного уголовного судопроизводства — это вопрос риторический. Не риторическим же видится другой вопрос — есть ли

еще в этой идеосфере идеологемы с равным или хотя бы близким по энергетике потенциалом? Нам представляется, что «состязательность» и «инквизиционность» в мире уголовно-процессуальных идеологем не одиноки.

Предполагаем, что почти единогласно в ряд актуальных идеологем может быть включена и «объективная истина». Есть мнение, что принцип материальной истины является своего рода символическим кодом современной науки уголовного процесса, во всяком случае, научного направления, выступающего за развитие российского уголовного процесса в русле континентальных традиций. Именно материальная истина, по мнению Л. В. Головки, является для представителей этого направления «квинтэссенцией, определяющей подходы к решению многих более локальных процессуальных проблем» [2].

Таким же кодом, но со знаком «минус» «объективная истина» является и для другого вектора развития науки уголовного процесса, объединяющего ученых, выступающих за смену парадигмы развития российского уголовного процесса с отказом от континентальных ценностей и заимствованием *чисто состязательной* уголовно-процессуальной идеологии, характерной для англосаксонской процессуальной семьи (Англии, США и др.). Главным объектом критики они избирают «принцип материальной истины», характерный для дореволюционного, советского и западного континентального уголовного процесса. На его место ставится принцип состязательности, который должен пронизывать не только судебные, но и досудебные стадии уголовного процесса» [2].

Получается удивительная ситуация, когда идеологема «объективная истина» равно востребована противоположными научными направлениями, но востребована и в противоположной интерпретации. Таким же образом и идеологема «состязательность» и «инквизиционность» имеют свою «территориальную» интерпретацию. И уголовно-процессуальная концептология призвана разглядеть эти полярные интерпретации, а также уловить и «серединый» смысл лежащих в их основе концептов, во всяком случае ответить на вопрос: имеется ли таковой в наличии.

Рассматривая рациональное и эмоциональное наполнение всех названных (трех) идеологем, мы приходим к выводу, что все они представляют собой не автономные образования, а определенный мировоззренческий узор, который и создает предпосылки для нужной идеологической интерпретации. Все эти идеологемы являются таковыми только в определенном мировоззренческом контексте, материализованном в традиционном для данного контекста восприятия идей. Сегодня мало кто помнит советский фильм режиссера Г. В. Александрова «Цирк», в котором есть один интересный эпизод, позволяющий понять механизм действия идеологем. Отрицательный герой в качестве железного аргумента, порочащего положительную героиню, предъявляет публике ее незаконнорожденного ребенка (чернокожего мальчика). В понимании злодея это чистая идеологема, которая должна была вызвать однозначную бурную негативную реакцию, свойственную определенным общественным кругам США в тридцатые годы прошлого века. И он оказывается искренне поражен, увидев прямо противоположный эффект (положительный и доброжелательный). В советском мировоззрении, незнающем идеологии расовых преступлений, идеологема: «Черный ребенок, господи! Черный ребенок !!!» не сработала.

Поэтому необходимо понимать, что идеологема, в отличие от концепта, не может рассматри-

ваться как универсальная данность. Идеологема — дитя мировоззрения. Вспомним лозунг российских революционеров: «Из искры возгорится пламя». Это и есть схема перехода «искры» концепта в «пламя» идеологема. Но для пламени мало одной искры, нужно и топливо, и кислород.

Эта образная схема вполне применима и к пониманию идеологических процессов, протекающих в современном уголовном судопроизводстве. Поэтому, глядя на идеологический узор, сплетающийся из «состязательности», «инквизиционности» и «объективной истины», необходимо осознавать, что в этом узоре есть еще одна нить, которая не всегда заметна исследователям, но без которой этот мировоззренческий узор давно рассыпался бы на ворох не связанных волокон. Этот скрепляющий элемент у всех на виду, но найдется совсем немного исследователей, которым пришла в голову мысль о том, что такой же идеологемой, не уступающей по идеологическому потенциалу всем выше названным, является формула «отечественный уголовный процесс».

С одной стороны, само словосочетание «отечественный уголовный процесс» нельзя назвать редким в уголовном процессе, равно как нельзя назвать его и общеупотребительным. В научных текстах оно употребляется в разных контекстах и зачастую без строго определенного смысла, преимущественно в качестве красивого синонима термина «российский уголовный процесс» [3, 4]. Особо почитаема эта формула в историческом контексте, поскольку она является более точным и нейтральным понятием, без всяких идеологических нюансов объединяющей в себе досоветский, советский и постсоветский периоды становления нашего родного уголовного судопроизводства. Вот в «Курсе уголовного процесса», на который мы только что ссылались, историческая глава называется «Развитие отечественного уголовного процесса». Не обошлись без этой терминологии и авторы параграфа, посвященного истории предварительного следствия «Генезис отечественного предварительного расследования (досоветский и советский период)».

Термин «отечественный уголовный процесс» востребован представителями разных направлений уголовно-процессуальной науки. Однако, если следовать дифференциации научных направлений, предложенной Л. В. Головкин, то можно сказать, что представителям первого (назовем его условно процессуально-патриотическим направлением) присуще более теплое, душевное, в каком-то смысле даже «сыновье», отношение к «отечественному уголовному процессу». А вот в текстах поклонников «вестернизации» российского судопроизводства слова «отечественный уголовный процесс» лишены подобной душевной

ауры. Здесь «отечественный уголовный процесс» несет в себе в лучшем случае нейтральный эмоциональный окрас. Конечно же, наука в качестве доводов не приемлет душевного отклика. Но в части анализа идеологом этот отклик оказывается весьма нужным инструментом. Но душевный отклик не единственный наш аргумент. Есть и рациональные доводы. Анализ особо ярких патриотических публикаций показывает, что для определенного круга участников формула «отечественный уголовный процесс» действительно является не просто фигурой речи, не просто обычным синонимом российского судопроизводства, а выступает самой настоящей идеологемой, проводником в мир осознанной национальной идеологии уголовного процесса.

Так, профессор В. Т. Томин в своей последней монографии, посвященной принципам уголовного процесса, недвусмысленно делает следующий акцент: «Прошу обратить внимание на следующее усиленно подчеркиваемое автором обстоятельство: принципы уголовного процесса, о которых говорит автор, — это принципы отечественного уголовного процесса» [4]¹.

И сама формула «отечественный уголовный процесс» в этом послыше звучит величественно и внушительно. Профессор В. Т. Томин использует ее именно как идеологему, но идеологему с неявным интуитивным значением, как обращение к читателю, который утратил само понимание отечества. И поэтому тезис об отечественном уголовном процессе В. Т. Томин пытается выразить через ряд, казалось бы, отвлеченных штрихов, посвященных совсем не уголовному процессу, а политической обстановке, в которой оказалось само социальное понимание Отечества.

Попробуем передать наше видение этих томинских штрихов, не прибегая к простому пересказу текста. По сути, это даже не изложение авторской позиции профессора, а констатация нашего душевного отклика на упреки и намеки к общей идеологической обстановке.

Первый штрих касается понимания того, что уголовный процесс невозможно понять вне контекста его исторической и духовной родины — Отечества России. «Отечество» само это слово важнейшая идеологема. Отечество — это не просто кусок территории, не просто место под солнцем и луной; Отечество — это особый социально-духовный мир со своей историей, культурой, традициями, со своими нравственными и духовными ценностями. И этим «ароматом» отечества, ауры Родины должен быть пропитан и уголовный процесс. Только в таком мировоззренческом ключе

может быть правильно понят и уголовный процесс. «Отечественный уголовный процесс» — это не просто юридическая материя, не особый правовой вид уголовно-процессуальной формы; это живой удивительный узор, в котором переплетается жизнь народная и жизнь правовая. Формула «отечественный уголовный процесс» пытается донести до общества мысль, что правовая культура не автономна от общей культуры страны, не автономна она и от господствующего и «партизанского» мировоззрения.

Второй штрих — это срез современной исторической обстановки, в которой отечественная культура подвергается опасной трансформации. Внешние и внутренние попытки переиначить историю, разбавить национальные традиции космополитическими и импортными нововведениями и реконструкциями, имеющими своей целью извести самобытность нашей отечественной культуры, опошлить и вульгаризировать самосознание народа и т. д. — все это создает предпосылки и необходимый фон для появления и наполнения особым смыслом идеологем «отечество» и отчасти дочерней идеологемы «отечественный уголовный процесс». Сама эта идеологема звучит как призыв к пробуждению, сопротивлению, к отстаиванию своего культурного и духовного суверенитета, в т. ч. и в области уголовного судопроизводства.

Особое внимание для создания понимающего фона «отечественного уголовного процесса» В. Т. Томин уделит феномену внутренней русофобии, которая, по его мнению, в России традиционна, а в последние годы особенно распространена. «Это даже не свойственное русскому характеру самоедство. Это привычное для отечественного полунинтеллекта применение двойных стандартов при сравнении отечественного и западного» [5].

Все эти установки работают и в области уголовного судопроизводства. Есть немало весьма авторитетных ученых, которые, полагают, что нам просто нужно принимать и внедрять западные идеологии. Так, по мнению профессора А. С. Александрова «Россия может прогрессивно развиваться только через развитие институтов правового государства, демократии; переходя на европейские стандарты справедливого уголовного судопроизводства» [1]. В свою очередь, отечественное подвергается суровой, преимущественно идеологической критике. «Советская теория, — пишет, А. С. Александров, — умерла в 1991 г. вместе с философией марксизма-ленинизма, но остались трупоеды, которые размножились до невозможности и выдают продукты своей жизнедеятельности за науку... Я не вижу ни одной достойной персоны, ни одной заслуживающей внимания мысли относительно теории доказательств» [1].

¹ Последние слова в монографии даже выделены полужирным шрифтом.

Полагаем, что подход, выпавший в этой цитате, понятен без комментариев. Отметим только, что здесь изложен не только сугубо антисоветский подход к отечественной теории уголовного процесса. По другим высказываниям, профессора А. С. Александрова можно судить о том, что он также категоричен и в более широкой исторической оценке достижений теоретиков российского уголовного процесса. Как известно, причисление отечественного уголовного процесса к числу уголовного процесса смешанного типа – это не советское изобретение. За этим термином стоят имена великих русских процессуалистов, что не мешает А. С. Александрову говорить о том, что смешанное судопроизводство – это «изобретенный процессуалистами эвфемизм, призванный прикрывать неприглядную физиономию нашего уголовного процесса и убожество теории его оправдывающей» [1].

Учитывая, что у профессора А. С. Александрова в подобном подходе есть предшественники и последователи, мы можем говорить о том, что в науке уголовно судопроизводства имеется течение, которое не приемлет самой идеи самобытного отечественного уголовного процесса. Для них идеологема «отечественный уголовный процесс» лишь повод для жесткой критики. Мы не отрицаем за этим течением право на жизнь и отстаивание своей позиции. Мы просто констатируем этот факт и подтверждаем, что заметки В. Т. Томина о том идеологическом фоне, в котором обитает «отечественный уголовный процесс», имеют под собой не умозрительные, а эмпирические основания.

Надо заметить, что бытие идеологема «отечественный уголовный процесс» не может быть простым по определению. Она формируется в объятиях противоречия, генерируемого непростым взаимодействием между категориями «общее» и «особенное», «глобальное» и «национальное». «Уголовный процесс, – подчеркивает Л. В. Головкин, – представляет собой универсальное явление, характерное для правовой си-

стемы любого государства, каковы бы ни были ее национальные особенности. В этом смысле он является *классическим* элементом системы права, без которого даже теоретически невозможно себе представить правовое регулирование. В то же время обязательное присутствие уголовного процесса в той или иной правовой системе, конечно, не означает, что он везде существует в идентичной и неизменной форме. Поэтому необходимо различать универсальность уголовного процесса как *общего понятия* и его разнообразие в плане организации, правового оформления, практики применения и т. п. при *конкретном воплощении* данного понятия в отдельном государстве в соответствующую историческую эпоху. Иными словами, уголовный процесс существует везде, но единого стандарта уголовного процесса никогда не было, нет и быть не может, по крайней мере, на сегодняшний день. В силу этого юридино-техническое понимание уголовного процесса всегда отражает определенные национальные представления о нем и определенный исторический опыт конкретного государства» [2].

Таким образом, идеологема «отечественный уголовный процесс» пытается воплотить и транслировать через себя специфический синтез универсальных и национальных концептов. В самой этой формуле звучит идея о том, что наше уголовное судопроизводство не является банальным воплощением импортных уголовно-процессуальных технологий. Все технологические заимствования непременно проходят национальную адаптацию. В результате появляется особенный «отечественный уголовный процесс», который представляет собой не просто юридический феномен, предназначенный для решения прагматических задач. Отечественный уголовный процесс – это национальное достояние, которое нужно беречь от идеологических диверсий, проводимых под маркой его технологического совершенствования по разным не отечественным стандартам.

Список литературы:

1. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / Под ред. А. С. Александрова. М., 2015.
2. Курс уголовного процесса / Под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головкин. – 2-е изд., испр. М., 2017.
3. Александров А. И. О задачах и принципах отечественного уголовного процесса: в поисках утраченного // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 3 (278).
4. Томин В. Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство. Лекция-монография. Нижний Новгород, 2007.
5. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009.

Роль МВД России в борьбе с легализацией денежных средств, полученных преступным путем

Ю. С. КОСТЫРЯ,
доцент кафедры финансово-экономического,
материально-технического и
медицинского обеспечения,
кандидат экономических наук, доцент
(Академия управления МВД России)
E-mail: kos.mos@bk.ru

The role of the Russian ministry of internal affairs in combating legalization of money obtained by criminal way

Yu. S. KOSTYRYA,
Associate Professor,
Department of Financial and Economic
logistical and medical support
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 340.114

В статье исследуется современная общественно опасная проблема, подрывающая установленную законом экономическую деятельность государства и связанная с формированием и легализацией преступных доходов. Исследуется и оценивается роль МВД России в противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Легализация (отмывание) доходов; зоны риска; взаимодействие ведомств; методы противодействия.

The article examines a modern socially dangerous problem that undermines the state's economic activity established by law and is associated with the formation and legalization of criminal proceeds. The role of the Ministry of Internal Affairs of Russia in countering the legalization (laundering) of proceeds of crime is investigated and evaluated.

Legalization (laundering) of income; risk zones; interaction of departments; methods of counteraction.

Легализация преступных доходов, полученных незаконным путем, является не только одной из ключевых угроз национальной безопасности России, но и транснациональной проблемой. В процесс легализации доходов, полученных преступным путем, вовлечены, как правило, международные кредитно-финансовые организации, через которые проходят потоки преступных доходов, полученных в результате различных фиктивных финансовых операций, с последующей конечной целью — это придание им правомерного вида.

С принятием в нашей стране Федерально-го закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противо-

действию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» раскрываемость таких преступлений стала намного эффективней. В настоящее время проводится большая работа по совершенствованию всей системы противодействия отмыванию незаконных доходов. Но еще остается много проблем, в том числе и в деятельности правоохранительных органов, в сфере борьбы с легализацией денежных средств, полученных преступным путем.

По оценкам Международного валютного фонда, преступные организации ежегодно легализуют от 0,5 до 1,5 трлн долл., что составляет до 5 % мирового ВВП. Аккумуляция

капитала отдельными лицами и преступными формированиями, внедрение его в легальный гражданский оборот, а также использование за пределами страны позволяет получать значительные преимущества в конкурентной борьбе, создает неблагоприятный климат для любых инвестиций и ведет к подрыву национальной экономики¹ [1].

Легализация денежных средств представляет собой достаточно трудоемкий процесс, который включает большое количество разнообразных операций и сделок, совершаемых с применением различных методов. Целью преступников как правило, является сокрытие следов происхождения доходов, которые получены из теневых источников, уклонение от налогообложения и создание условий для комфортного доступа к денежным средствам, полученным незаконным путем, создание условий для инвестирования в легальный бизнес.

Учитывая то обстоятельство, что экономические взаимосвязи между странами развиваются, а роль Российской Федерации на мировом рынке становится все более значимой, легализация денег стала одним из основных видов криминальных экономических операций. Результат незаконной экономической деятельности, как правило, связан с деятельностью криминальных организаций в различных сферах, а именно кредитно-финансовой, бюджетной и налоговой сферах, а также в области коррупционных правоотношений.

Легализуя (отмывая) незаконные доходы, преступники наносят обществу колоссальный ущерб, который состоит в том, что деньги и имущество выпадают из легального экономического оборота, нарушается работа рыночных механизмов, снижается уровень потенциального ВВП, падает престиж страны на мировой арене.

Необходимо отметить, что легализация (отмывание) доходов, полученных незаконным путем, является заключительным этапом перехода преступности в высокодоходный и эффективный вид незаконного предпринимательства. В ходе этого процесса происходит противоправная и в высшей степени опасная для общества концентрация экономической, а вслед за ней и политической власти в руках неконтролируемой группы лиц [1].

Поэтому преступная деятельность в сфере легализации (отмывания) доходов совместно

с другими ведомствами привлекает большое внимание правоохранительных органов государства, и в частности МВД России.

МВД России, являясь одним из основных участников российской системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, обеспечивает выявление и расследование преступлений, связанных с отмыванием незаконных доходов и финансированием терроризма, а также принятие мер с целью последующего возмещения ущерба.

Говоря о работе МВД России в этой сфере деятельности, необходимо заострить внимание на тесном взаимодействии и сотрудничестве с Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Только совместная работа позволяет эффективно выявлять и противодействовать легализации денежных активов, полученных незаконным путем.

В свою очередь, Росфинмониторинг тесно взаимодействует с МВД России, а именно инициативно направляет информацию о признаках совершения преступлений и других фактах, которые относятся к его компетенции, а также отвечая на запросы МВД России о наличии конкретной информации в отношении физических и юридических лиц. МВД России постоянно работает в направлении возврата активов, украденных из крупнейших кредитных организаций.

Отмечая совместную работу, необходимо осветить результаты такого взаимодействия. В 2019 г. Росфинмониторингом выявлены незаконные операции и затем материалы по ним переданы в правоохранительные органы на общую сумму 51 миллиард рублей. Совместно с МВД России, Банком России, Генпрокуратурой и другими правоохранительными ведомствами удалось пресечь деятельность 25 «теневых» площадок с оборотом около 38 миллиардов рублей. За последние 3 года общее количество выявленных и зарегистрированных юридических лиц с признаками «однодневки» снизилось с 1,5 млн до 120 тысяч, то есть в 14 раз. Объем сомнительных операций с их участием сократился более чем в 5 раз – с 4,6 трлн руб. до 905 млрд руб.

Следующий пример совместной работы – это бюджетная сфера. Одной из важнейших задач МВД России является участие совместно с другими правоохранительными органами в сохранности бюджетных денег при реализации нацпроектов, объем финансирования в 2012 г. составил 2,2 трлн рублей.

¹ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон № 115-ФЗ от 7 августа 2001 г. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

Результатами этой работы является то, что с признаками сомнительных операций в 2019 г. выявлены более 3 тыс. исполнителей контрактов на сумму свыше 133 млрд руб. По выявленным фактам в МВД России и другие правоохранительные и контрольно-надзорные органы направлено более 560 материалов, связанных с тематикой нацпроектов. Возбуждено 11 уголовных дел, отменены и расторгнуты контракты в сфере закупок на 1,1 млрд руб., предотвращены картельные сговоры на 5,5 млрд руб. [2].

Все перечисленные примеры наглядно иллюстрируют высокую степень важности взаимодействия и совместной работы на межведомственном уровне правоохранительных органов, причем, как в направлении пресечения преступлений и наказания виновных, так и для профилактики потенциальных нарушений.

Необходимо отметить, что основой общей системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, является риск-ориентированный подход. Оценка рисков и их минимизация является главной задачей этой системы. Это отражено в Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утвержденной Президентом Российской Федерации 30 мая 2018 г.

Оценку эффективности функционирования этой системы проводит ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег Financial Action Task Force). Следует сказать, что Российская Федерация является членом этой организации с 2003 г.

В 2019 г. прошла масштабная оценка экспертами ФАТФ Российской системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. Основной площадкой проведения мероприятий являлся Росфинмониторинг при участии МВД России и других правоохранительных ведомств, таких как ФСБ России, Генеральная прокуратура, СК России, Банк России. МВД России принимало участие во всех мероприятиях, связанных с оценкой деятельности Российской системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем.

Экспертами ФАТФ было отмечено, что правоохранительные органы России регулярно получают и эффективно используют данные финансового расследования и другую соответствующую информацию для сбора доказательств, позволяющих расследовать слу-

чай отмывания денег, финансирования терроризма и предикатных преступлений, а также для отслеживания преступных доходов. Прокуроры дополнительно обеспечивают использование оперативных финансовых данных в процессе разработки дел, поскольку они систематически анализируют расследования для проверки того, что правоохранительные органы отрабатывают все возможные финансовые элементы в ходе расследований.

При оценке эффективности деятельности МВД России в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных незаконным путем, эксперты ФАТФ выставили рейтинг «высокий уровень» за работу, связанную с выявлением и расследованием фактов терроризма, рейтинг «значительное соответствие» выставлен за эффективное международное сотрудничество, а также за работу по возмещению причиненного ущерба, рейтинг «умеренная эффективность» выставлен за непосредственную работу по противодействию легализации преступных доходов. Уровень рейтинга обусловлен тем, что, по мнению экспертов ФАТФ, значительная часть доходов, полученных преступным путем в России, затем легализуется за границей, при этом для вывода денег используются сложные схемы с привлечением профессионалов, которые занимаются выводом денег. Количество преступлений, зарегистрированных по ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» является незначительным — 2017 г. — 37, 2018 г. — 25. Несмотря на то что Россия является одной из стран с высоким риском легализации доходов полученных преступным путем, по факту выявляется небольшое количество экономических преступлений этого вида.

Как правило, в качестве альтернативы по таким преступлениям применяются другие статьи УК РФ, а именно 172 «Незаконная банковская деятельность» и 193 «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации»

По мнению экспертов ФАТФ, заказчики незаконных услуг по выводу денег за рубеж правоохранительными органами отрабатываются слабо, а в некоторых случаях, когда доказан факт незаконного происхождения денежных средств, организаторам и другим участникам не предъявляется обвинение в отмывании доходов.

Именно применение ст. 193 УК РФ в качестве альтернативы ст. 174 УК РФ является

препятствием международному сотрудничеству в случаях, когда необходимо обоюдное признание преступления связанным с отмыванием доходов, полученных преступным путем.

По правилам регулярного мониторинга очередной отчет Российской Федерации в рамках взаимных оценок ФАТФ состоится в 2023 г., и внимание экспертов будет направлено на устранение ранее выявленных недостатков.

Рассмотрим основные угрозы по отмыванию доходов, которые могут формироваться в различных сферах деятельности и на которые должны реагировать правоохранительные органы.

Кредитно-финансовая сфера. Основные угрозы — мошенничество с кредитными средствами и средствами, находящимися на расчетных, текущих и депозитных счетах, преднамеренное или фиктивное банкротство финансовых организаций, незаконная банковская деятельность. К лицам, которые потенциально несут угрозу, относятся недобросовестные руководители и собственники финансовых организаций.

Бюджет. Основной угрозой является мошенничество, присвоение или растрата бюджетных денежных средств и активов, а также налоговые преступления, в частности незаконное возмещение НДС и уклонение от уплаты налогов юридическими лицами.

Коррупция. Основная угроза — это преступления коррупционной направленности, совершаемые как государственными служащими, так и сотрудниками коммерческих и иных организаций (злоупотребление полномочия-

ми, получение и дача взяток, посредничество во взяточничестве, коммерческий подкуп).

Незаконный оборот наркотиков. Основная угроза — это масштабное производство наркотиков и их последующий транснациональный трафик (контрабанда), в том числе через территорию РФ, подпольное производство синтетических наркотиков на территории РФ.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на усилия, принимаемые МВД России и другими правоохранительными ведомствами, еще остается много проблемных вопросов. В частности, отмечается высокий уровень латентности такого рода преступлений. Как правило, в большинстве случаев участники и конечные бенефициары завуалированы, а также основной сферой совершения преступлений является экономическая деятельность, которая традиционно является более трудной для оперативного сопровождения, чем общеуголовная преступность.

Учитывая результаты деятельности МВД России совместно с Росфинмониторингом и другими правоохранительными ведомствами, а также беря во внимание результаты исследований международных организаций, можно сделать вывод, что реальный уровень легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных преступным путем в России, выше, чем отражается в официальной статистике.

Поэтому основной путь, который позволит успешно противостоять проблеме легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных преступным путем в России, — это наращивание взаимодействия и совместных усилий МВД России с другими структурами с учетом современных вызовов и реалий.

Список литературы:

1. Котомцева К. В. Влияние проблем правоприменения на количественные параметры оценки преступлений при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ / К. В. Котомцева // Молодой ученый. 2019. № 38 (276).
2. Росфинмониторинг: официальный сайт. — URL: <http://www.fedsfm.ru> (дата обращения: 21.05.2020).

К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве

В. Н. СИЗОВА,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)
E-mail: svnn@inbox.ru
ORCID 0000-0002-0996-4389

On the Issue of Criminal Liability of Legal Entities in Russian Criminal Legislation

V. N. SIZOVA,
Penal law,
Leading researcher at the research center
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.271

В статье подвергаются исследованию вопросы эффективности осуществляемой сегодня уголовно-правовой политики, рассматриваются сложившиеся на сегодняшний день уголовно-правовые реалии, формулируется вывод о научной и практической целесообразности включения института уголовной ответственности юридических лиц в российское уголовное законодательство.

Российское уголовное законодательство; эффективность уголовно-правовой политики; институт уголовной ответственности юридических лиц.

The article examines the effectiveness of the current criminal law policy, examines the current criminal law realities, and makes a conclusion about the scientific and practical feasibility of including the Institute of criminal liability of legal entities in the Russian criminal legislation.

Russian criminal legislation; effectiveness of criminal law policy; Institute of criminal responsibility of legal entities.

В статье автором предпринята попытка научного осмысления одного из самых обсуждаемых на сегодняшний день вопросов в рамках системы российского уголовного законодательства, его концептуальных положений и перспектив совершенствования, проблем эффективности осуществляемой сегодня уголовно-правовой политики – вопрос об уголовной ответственности юридических лиц.

Данный вопрос является одним из наиболее дискуссионных и актуальных из многочисленного числа краевых проблем, подвергшихся обсуждению на этапе осуществления фундаментального реформирования российского уголовного законодательства, а также уголовного зако-

нодательства ряда государств, получивших статус правовой самостоятельности в результате распада СССР. Сразу оговоримся, что итогом проводимых дебатов стало формирование двух основных позиций по проблеме уголовной ответственности юридических лиц – сторонников и противников включения указанного института в структуру уголовного законодательства.

Рассмотрение вопроса. Прежде всего, отметим, что группа сторонников идеи включения в российскую уголовно-правовую систему института уголовной ответственности юридических лиц [4], выстраивает свою позицию, используя следующие аргументы: причинение значительного материального ущерба в результате совершения преступных

деяний в области экологии, экономики, налоговой сферы. При этом, суммы денежных штрафов, назначаемых за совершение указанных деяний в рамках гражданского и административного законодательства абсолютно не соответствуют размеру причиненного вреда, тогда как ущерб, который может причинить противоправная деятельность юридического лица, ощутимо превосходит ущерб, причиняемый тем или иным физическим лицом.

В юридической литературе указывается на то, что вопрос об уголовной ответственности руководителей (представителей) юридических лиц является достаточно сложным в силу наличия фактов объективного вменения, поскольку хотя данному лицу и было известно об осуществлении преступной деятельности организации (предприятия), что-либо предпринять самостоятельно оно все равно не имело возможности. Например, если речь идет о загрязнении окружающей среды. В таком случае на практике представляется затруднительным определить конкретное виновное лицо, так как указанная преступная деятельность осуществляется, как правило, на протяжении многих лет. Однако, вопрос об уголовной ответственности решается в отношении того лица, непосредственно при котором случилось преступное загрязнение окружающей среды [4].

Учеными-юристами отмечается взаимосвязь и взаимообусловленность норм административного и уголовного права. В связи с обсуждением проблем введения в уголовное законодательство положений об уголовной ответственности юридических лиц подчеркивается, что наличие в административном законодательстве подобных норм, в свою очередь, обуславливает необходимость наличия таких норм и в системе уголовного законодательства [2].

Отметим, что положениями, содержащимися в первом из проектов Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, в качестве субъекта уголовной ответственности могло выступать лишь физическое лицо [9]. Спустя некоторое время разработчиками данного проекта было предложено внести в него дополнения об уголовной ответственности в отношении юридических лиц за совершение экологических преступлений. При этом в качестве основания привлечения к уголовной ответственности юридического лица указывалось на наличие состава преступления в действиях физического лица с обязательным установлением корыстной или иной заинтересованности юридического лица. Предложенная авторами проекта система наказаний в отношении юридических лиц должна была включить в себя возложение обязанности загладить причиненный вред, денежные штрафы, запрет на дальнейшее осуществление деятельности [10].

Авторы, принимавшие участие в работе над созданием другого проекта Уголовного кодекса Российской Федерации, обосновывали необходимость включения института уголовной ответственности юридических лиц в систему уголовного законодательства целесообразностью повышения эффективности противодействия совершаемым преступлениям в сфере экологии, а также усиления уголовно-правовой охраны других ключевых объектов [1].

Авторы данного проекта указывали на целесообразность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц в предусмотренных уголовным законодательством случаях при совершении виновного деяния в интересах юридического лица, которое повлекло причинение или угрозу причинения вреда, предусмотренного уголовно-правовыми нормами. Подчеркивалась необходимость обязательного установления причинной связи и вины при признании той или иной организации субъектом преступления, поскольку именно организация наделяет управляющий орган (который представляет конкретное физическое лицо/лица) возможностью принимать и реализовывать управленческие решения, координирующие деятельность самой организации, исходя из чего можно сделать вывод о ее (организации) обязанности нести ответственность [4, 6].

Проект Общей части Уголовного кодекса РФ, опубликованный в 1994 г., в качестве основания уголовной ответственности юридических лиц предусматривал следующее положение: юридическое лицо должно подлежать уголовной ответственности за совершение предусмотренных уголовным законом деяний в случаях, если оно виновно в неисполнении или ненадлежащем исполнении прямого предписания закона, устанавливающего обязанности либо запрет на осуществление определенной деятельности; виновно в осуществлении деятельности, не являющейся соответствующей учредительным документам или заявленным целям; совершенное деяние причинило вред личности, обществу или государству и было совершено в интересах данного юридического лица [3].

В систему наказаний, назначаемых юридическим лицам, вошли следующие виды — штраф; запрещение заниматься определенной деятельностью (могло быть как основным, так и дополнительным видом наказания); ликвидация юридического лица, заключающаяся в прекращении деятельности юридического лица (в данном случае разработчики проекта предложили оставить за судом право дополнительно назначать частичную или полную конфискацию принадлежащего юридическому лицу имущества).

Подлежали рассмотрению в проекте вопросы, связанные с рецидивом преступной деятельности юридического лица, который, как считали разработчики проекта, должен влечь обязательное усиление ответственности. В соответствии с предлагаемыми положениями существовала возможность освобождения юридического лица от уголовной ответственности (наказания) в связи с истечением срока давности либо изданием акта амнистии.

По мнению видных ученых-юристов Наумова А. В., Келиной С. Г., Никифорова А. С., первые обсуждения вопроса об уголовной ответственности юридических лиц стали происходить, начиная с 1991 г. [4, 5].

Положительно решение данного вопроса было отражено в предварительных проектах Уголовного кодекса, но в процессе дебатов и в результате проведенного голосования в первом чтении в Государственной Думе указанная инициатива не была поддержана.

Что касается оппонентов сторонников введения института уголовной ответственности юридических лиц в российское уголовное законодательство, то здесь следует отметить их доводы о том, что сама концепция уголовной ответственности юридических лиц, берущая свои истоки в англосаксонской правовой семье, является чуждой для романо-германской правовой системы, которая оказалась приоритетной для российского уголовного законодательства [8].

Отметим, что действительно, историческая обусловленность института уголовной ответственности юридических лиц первоначально формировалась в рамках американской уголовно-правовой системы. Речь идет о знаменитом антитрестовском законодательстве, в том числе, законах Шерма-

на [7], ставшим орудием в противодействии проявлениям монополизма, являющегося пагубным элементом для развития рыночной экономики. Данные законодательные акты предусматривали возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение действий, направленных на ограничение конкуренции в торговой или промышленной сфере и устанавливали за совершение подобных действий значительные штрафы, делая тем самым крайне невыгодным нарушение корпорациями имеющихся запретов. Однако, в юридической литературе указывается, что уже вскоре данные законодательные установления приняли многие страны, уголовно-правовые системы которых базировались на романо-германской правовой семье [5].

Вывод. Таким образом, представляется возможным отнести институт уголовной ответственности юридических лиц к общезначимым и многогранным явлениям, не обусловленным специфическими особенностями правовой системы и правового устройства какой-либо отдельно взятой страны. Особую актуальность сегодня приобретает данный вопрос для российской уголовно-правовой системы, поскольку противоправные действия со стороны корпораций могут оказаться не охваченными административными или гражданско-правовыми нормами либо действие указанных норм может быть недостаточно эффективным. У автора нет сомнений, что положительное решение этого вопроса, в конечном счете, благоотворно отразится, прежде всего, на современном развитии экономических отношений в стране, а также поспособствует результативной уголовно-правовой охране жизни и здоровья населения, экологической сферы, общественной безопасности и т. п.

Список литературы:

1. Полный курс уголовного права. Т. I: Преступление и наказание. // Юридический центр Пресс. 2018.
2. Айсин С. Б. Юридическое лицо как субъект преступления: введение в теорию: (Учебное пособие) – Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2010.
3. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998.
4. Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи / под ред. С. Г. Келиной и А. В. Наумова. М., 1994.
5. Наумов, А. В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2.
6. Никифоров А. С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи. М., 1994.
7. Шпаковский Ю. Г., Потапчук И. В. Право в историческом преломлении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
8. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Материалы IX Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2014.
9. Хутов К. М. Социальные и правовые предпосылки формирования уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. // № 3 (35) 2014 ж. а за стан Республикасы За нама институтыны жаршысы.
10. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. 2-е изд. СПб., 2008.

Некоторые аспекты использования информационных технологий в предупреждении корпоративного мошенничества в сфере банковской деятельности

С. И. ДОЛГАНОВ,
адъюнкт 3 факультета
(подготовки научных и научно-педагогических кадров)
(Академия управления МВД России)
E-mail: dolganoff.stanislav@yandex.ru

А. С. ЖЕЛУДКОВ,
начальник дежурной смены дежурной части
(ОМВД России по г. Кузнецку УМВД России по Пензенской области)
E-mail: lirik220@mail.ru

Some Aspects of the Use of Information Technologies in Preventing Corporate Fraud in the Banking Sector

S. I. DOLGANOV,
Adjunct of the 3rd Faculty
(Training of Scientific and Pedagogical Staff)
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)
E-mail: dolganoff.stanislav@yandex.ru

A. S. ZHELUDKOV,
Head of the duty shift of the duty unit
(Ministry of Internal Affairs of Russia in the city of Kuznetsk,
Ministry of Internal Affairs of Russia in the Penza Region)
E-mail: lirik220@mail.ru

УДК 343.722

В настоящей статье рассматриваются вопросы использования информационных технологий в целях предупреждения преступлений категории корпоративного мошенничества в сфере банковской деятельности. Рассмотрены проблемы предупреждения присвоения банковскими служащими активов вкладчиков и собственников в банковских учреждениях и кредитных организациях. В исследовании проведен анализ состояния защищенности активов с учетом уровня современного технологического развития, предложены меры предупреждения банковских преступлений.

Экономическая безопасность; банковская деятельность; преступление; предупреждение; информационные технологии.

This article discusses the use of information technologies to prevent crimes of corporate fraud in the banking sector. The problems of preventing Bank employees from appropriating assets of depositors and owners in banking institutions and credit organizations are considered. The study analyzes the state of asset security, taking into account the level of modern technological development, and suggests measures to prevent Bank crimes.

Economic security; banking; crime; prevention; information technologies.

В настоящее время одним из национальных приоритетов государства является экономическая безопасность. Не случайно отечественным законодателем разработана «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Из положений документа следует, что «Стратегия направлена на обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также на недопущение снижения качества жизни населения». К числу основных угроз экономической безопасности относятся «высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере», «уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы»¹.

Несмотря на предпринимаемые меры и определенную закрытость банковской системы, преступным элементам при помощи работников банков удается получать доступ к информации и активам в обход комплексов систем безопасности. В дополнение к этому, так же необходимо отметить, что нередко инициаторами совершения противоправных действий выступают и сами банковские служащие. Обладая необходимыми знаниями в сфере банковской деятельности и информации технологий, они находят лазейки в системах безопасности своих организаций и получают возможность для хищения и присвоения активов, получения преступных доходов [11]. Использование банковским работником своего положения в целях личного обогащения путем злоупотребления активами организации — работодателя, совершения преступлений против интересов организации в сфере банковской деятельности определяется таким понятием как «корпоративное мошенничество в сфере банковской деятельности».

В современных реалиях развития и взаимодействия банковских систем разных стран, необходимо учитывать зарубежный опыт предупреждения корпоративного мошенничества [4]. Так если учитывать, что в России данной проблеме научное сообщество уделяет достаточно непродолжительное время, то в других странах имеются целые направления и школы исследований такого явления как корпоративное мошенничество с учетом специфики банковского сектора. Впервые проблемы мошенничества и коррупции именно внутри организаций были описаны в 1939 г. представителем американской науки Э. Х. Сатерлендом, давшим

этому явлению такое название как «беловоротничковая преступность» [9]. Также весомый вклад в изучение такого явления как корпоративное мошенничество внесли Ковасич Дж. Л. [5] и Уэллс, Дж. Т. [14]. Они не только описали сам механизм совершения преступления, но и предложили меры предупреждения данного вида противоправной деятельности.

Из числа отечественных исследователей стоит отметить Скипина Д. Л., Сахно Ю. С., Бадену Л. А., Кузнецова М. О., которые приложили усилия направленные на разработку механизма минимизации совершения корпоративного мошенничества [10]. А также Лизяеву В. В., которая рассмотрела важность своевременного предупреждения совершения внутрикорпоративного мошенничества как «фактор повышения эффективности организации» [6].

Однако, некоторые исследователи зачастую забывают, а может быть не считают нужным, учитывать тот факт, что хищение активов, к которым сотрудник имеет доступ, не только в отношении крупных банков, обладающих существенными финансовыми ресурсами для выстраивания многоуровневой системы безопасности, но и в отношении организаций не столь значительным, меньшим по занимаемому в банковском секторе масштабам. Многие меры и рекомендации действительно способствуют предупреждению корпоративного мошенничества, но нельзя забывать том, что не все участники банковской системы могут себе их позволить, и, в желании сэкономить, оказываются в зоне риска совершения мошеннических действий. В данном случае необходимо обратить внимание на информационные технологии, способные заменить «армии» аудиторов и работников служб безопасности.

С того момента как банковские и иные операции с денежными средствами стали осуществляться с использованием информационных средств, преступность в сфере информационных технологий непрерывно развивается [12]. Атакам подвергаются межбанковские системы переводов, системы управления банкоматами. На сегодняшний день в данном направлении законодателем предпринимаются необходимые меры, так в 2018 г. был принят Федеральный закон от 27.06.2018 № 167-ФЗ² [1], который способствовал внедрению банками антифрод-систем для защиты вкладчиков от преступных посягательств. Однако не стоит забывать о необходимости применения защит-

¹ О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ от 15.05.2017 г. № 20 ст. 2902.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части противодействия хищению денежных средств: федер. закон от 27 июня 2018 г. № 167-ФЗ // СЗ РФ от 02.07. 2018 г. № 27 ст. 3950.

ных мер не только в отношении внешних угроз, но и в отношении внутренних [13].

В данном случае можно привести слова заместителя председателя правления ПАО «Сбербанк» С. Кузнецова из интервью СМИ от 17.02.2020 г. «По словам Кузнецова, банку удастся защищать своих клиентов от атак мошенников в 97% случаев. Но, сосредоточившись на внешней угрозе, Сбербанк не заметил ее внутри. Прошлой осенью стало известно об утечке данных около 5000 клиентов, которую организовал один из сотрудников.» [7].

Таким образом, важность систем внутреннего контроля не только не теряет своей актуальности, но наоборот вызывает повышенный интерес. Современные системы fraud-мониторинга, внедряемые в сфере банковской деятельности способны фиксировать изменения в поведении сотрудников банка, и позволяют выявлять злоумышленников из числа банковских служащих на начальных этапах совершения ими преступных деяний. Так, например, если сотрудник банка ежедневно в среднем рассматривал примерно 40 заявок на выдачу кредита, но в какой-то из рабочих дней ему «удалось» обработать 350 заявок, то такое резкое изменение отслеживается системой и сотрудник службы безопасности получает возможность осуществить проверочные мероприятия в отношении конкретного банковского работника. Исходя из того, что fraud-мониторинг дает возможность контролировать банковских служащих постоянно, осуществляется именно предупреждение преступлений, а не только минимизация последствий.

Рассмотрим как работают системы fraud-мониторинга. На сегодняшний день на отечественном рынке банковских услуг указанные системы представлены как иностранными, так и отечественными компаниями. Несмотря на то что все системы fraud-мониторинга выполняют функцию выявления и предотвращения мошеннических действий, они применяются как схожие, так различные методы для их выполнения.

Многие системы, такие как «ARIC White Label» от компании «Featurespace» (Великобритания), «Intellinx» от компании «Intellinx Ltd» (Израиль) позволяют отслеживать действия клиентов, осуществлять защиту исходя из выявленных в их поведении аномалий. Осуществляют защиту не только от внешних злоумышленников, но и от внутренних, которыми зачастую являются ключевые банковские работники. Ко всему прочему данные системы направлены не только на предотвращение типовых мошеннических действий, но и обеспечивают заказчику защиту от вредоносного программного обеспечения.

Что касается отечественных разработчиков, то в данном случае хотелось бы отметить разработ-

ки «SmartTracker.FRAUD» от компании «Центр речевых технологий» (г. Санкт-Петербург), «Jet Detective» от компании «Инфосистемы Джет» (г. Москва) и «Kaspersky Fraud Prevention» от компании «Лаборатория Касперского» (г. Москва). По своим характеристикам и функциональным возможностям отечественные разработки находятся на достойном уровне по сравнению с иностранными, также имеют свои индивидуальные методы противодействия злоумышленникам.

«SmartTracker.FRAUD» является комплексом идентификации с применением достижений биометрии, который способен идентифицировать пользователей системы и клиентов по внешности. Комплекс способен предотвращать мошенничества, связанные с выдачей работниками банков кредитов и денежных средств по подложным документам.

«Jet Detective» является универсальным решением для противодействия банковским преступлениям, с применением технологий машинного обучения, а также использования искусственного интеллекта. Программное обеспечение предназначено для защиты организаций от мошеннических действий, контроля процессов при помощи анализа событий с использованием приемов поведенческой аналитики по операциям, сотрудникам и клиентам. Особенностью «Jet Detective» является обработка операций в режиме онлайн, прогнозирование появления возможных аномалий.

«Kaspersky Fraud Prevention» также, как и «Jet Detective» способно обнаруживать проявления мошенничества в режиме реального времени до начала проведения транзакций. А также распознавать действия по отмыванию денег используя способности по выстраиванию взаимосвязей между участниками операций, электронными устройствами при помощи которых осуществляются платежи и переводы.

Как справедливо отмечают Разина О. М., Костерина, Т. М. «В научно-практическом плане достаточно интересной представляется точка зрения специалистов КПМГ (ведущей компании в аудиторской деятельности), которые в своем докладе обращают внимание на то, что, в отличие от ретроспективного анализа, непрерывный фрод-мониторинг позволяет отслеживать мошеннические операции на еженедельной или ежемесячной основе» [8].

Как правило программные комплексы используют следующие индикаторы возможной противоправной деятельности среди сотрудников банков:

— дробление кредитов, оформленных на одного заемщика;

– оформление кредитной карты без заявки о ее выдаче, а также выдача кредитных карт клиентам с просроченной задолженностью;

– операция совершена сотрудником вне его рабочего времени;

– сторнирование приходных и расходных операций на протяжении операционного дня;

– осуществление расходных операций с использованием счетов клиентов, долгое время не пользующихся денежными средствами;

– массовое оформление кредитных карт, оформление с последующим закрытием через короткий промежуток времени вкладов на крупные суммы. Следует отметить, что перечень индикаторов возможной противоправной деятельности может подвергаться корректировке, что способствует эффективности работы систем fraud-мониторинга.

Но как быть участникам рынка, которые находятся в «зоне риска» совершения в отношении них мошеннических действий, однако не могут позволить себе дорогостоящих средств защиты?

В данном случае мы предлагаем создать на основании действующих в сфере банковской деятельности нормативно-правовых актов компьютерную программу, позволяющую пользователю загрузив комплекс переменных получить результат планируемой или проведенной банковской операции. Использование такого инструмента позволит перепроверять действия банковских служащих небольших по штату банковских офисов, в которых зачастую один сотрудник совмещает несколько должностей и может практически без согласования осуществлять многие операции. На сегодняшний день, использование информационных средств удаленного доступа к базам данных дает возможность применения одного программного продукта на несколько структурных подразделений с аккумуляцией информации в центральном офисе организации. Осуществлять проверки несколько раз в рабочее время, а не осуществлять выезды с аудиторскими проверками по мере возможности. Сам факт установки такого программного обеспечения в банковской организации может служить сдерживающим фактором для работников, имеющих намерения противоправной направленности.

Рассмотрим использование подобных возможностей информационных технологий. Примером послужит авторская программа, написанная на языке программирования C++ с использованием условий взятым из инструкции ЦБ РФ по осуществлению валютных операций [3]. В данном примере представлена часть инструкции, а именно вторая глава первого раздела.

Ниже представлены некоторые скриншоты пользовательского интерфейса, созданного для наглядности работы программы с электронными кнопками и «всплывающими» подсказками, хотя следует отметить, что для ее установки не требуется специальных познаний в программировании, так же как интерфейс, так и сама программа могут редактироваться и обновляться. Пользователь сам задает условия и получает результат, основанный на нормах, установленных законодателем (рис. 1, 2, 3).

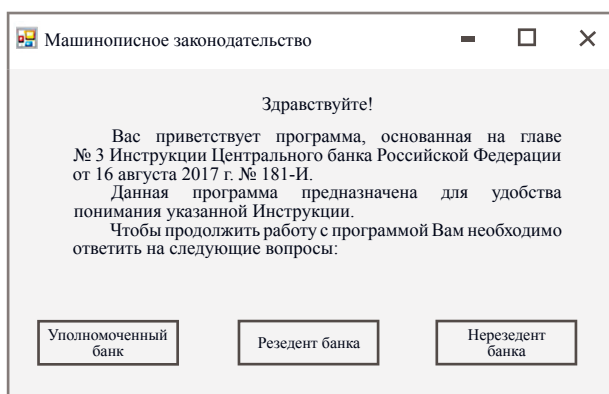

Рисунок 1. Запуск программы

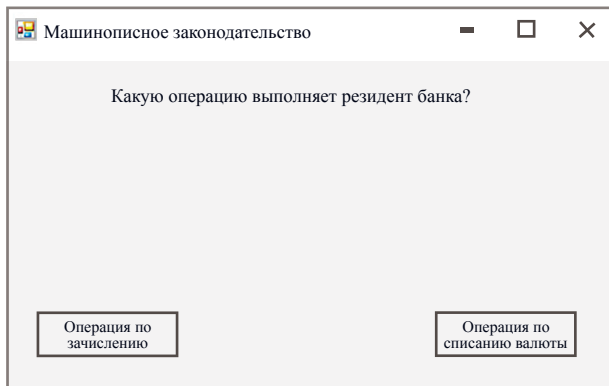

Рисунок 2. Выбор вида операции

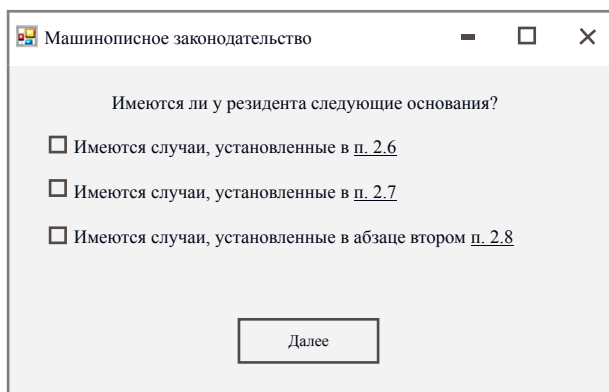

Рисунок 3. Выбор условий, «всплывающие» подсказки

Участник сферы банковских отношений, имея в распоряжении такую программу сможет проверить правильно ли совершены действия работником банка, задав соответствующие условия, благодаря подсказкам изучить возможно сложный для его понимания нормативный акт, а не верить на слово банковскому работнику, совершающему операции с валютой.

В заключении необходимо отметить, что в целях обеспечения противодействия корпо-

ративному мошенничеству в банковской сфере рационально обратиться к накопленному опыту государств, в которых рассматриваемая проблема не является такой острой, в отличие от России ввиду более эффективного правового регулирования и более широкого использования технологий. Полагаем, что применение мер представленных в работе, могут способствовать предупреждению совершения преступлений в банковском секторе.

Список литературы:

1. Инструкция Банка России от 16 августа 2017 г. № 181-И «порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» // Вестник Банка России. 2017. № 96–97.
2. Единые государственные стандарты по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов Российской Федерации. Колл. авт. / Под общ. ред. В. И. Авдийского, В. М. Безденежных и В. К. Сенчагова; отв. ред. Ю. В. Трунцевский. СПб.: Образовательный центр «СоветникЪ», 2013.
3. Ковасич Дж. Л. Противодействие мошенничеству. Как разработать и реализовать программу мероприятий. М., 2011.
4. Лизяева В. В. Предупреждение и выявление фактов внутрикорпоративного мошенничества как один из факторов повышения эффективности и качества управления организацией: Монография / М., 2015.
5. Оверченко М. «Сбербанк сегодня защищает клиентов от мошеннических атак в 97 % случаев». 17.02.2020 // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/characters/2020/02/17/823193-sberbank> (дата обращения: 29.02.2020).
6. Разина О. М., Костерина Т. М. Инновационные инструменты фрод-мониторинга в практике внутреннего аудита банка // Вопросы инновационной экономики, 2015 том 5 выпуск 4.
7. Сатерленд Э. Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сборник статей: Перевод с английского Перевод с английского / Под ред.: Никифоров Б. С.; Пер.: Никифоров А. С., Яковлев А. М.; Вступ. ст.: Кудрявцев В. Н., Никифоров Б. С. М., 1966.
8. Скипин Д. Л., Сахо Ю. С., Баденова Л. А., Кузнецов М. О. Корпоративное мошенничество: понятие, сущность, риски, влияние на экономическую безопасность // Экономические отношения. 2019. Том 9. № 3.
9. Трунцевский Ю. В., Чесноков А. А. Некоторые проблемы использования источников информации о злоупотреблениях в процедурах банкротства // Алтайский юридический вестник. 2015. № 2 (10).
10. Трунцевский Ю. В. О проблемах правового регулирования взаимоотношений государства и бизнеса // Юридический мир. 2011. № 4.
11. Трунцевский Ю. В. Меры уголовно-правового воздействия: понятие и виды // Российская юстиция. 2015. № 5.
12. Уэллс Дж. Т. Корпоративное мошенничество. Уроки негативной стороны бизнеса. М., 2010.

Использование информационных технологий в выявлении и исследовании следов незаконной охоты

В. П. ЛАВРОВ,
главный научный сотрудник научно-исследовательского центра,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
(Академия управления МВД России)

С. С. СЕНЬКЕВИЧ,
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических и научных кадров
(Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя)
E-mail: senkevichsergey84@gmail.com

The use of information technology in the detection and investigation of traces of illegal hunting

V. P. LAVROV,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor,
Chief Research Officer, Research Center
(Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

S. S. SEN'KEVICH,
Adjunct of the Scientifically Pedagogical and the Scientific Personnel
(Moscow University of the Interior Ministry of Russia
named after V. Ya. Kikotya)

УДК 343.9

В статье рассматриваются возможности некоторых информационных технологий, которые используются в практике расследования преступлений, но пока не нашли достойного применения при раскрытии и расследовании незаконной охоты в Республике Беларусь и Российской Федерации. Раскрываются возможности достижений криминалистической техники, базирующейся на информационных технологиях.

Информационные технологии; незаконная охота; новейшие средства криминалистической техники; криминалистические учеты; судебно-компьютерная экспертиза.

The article discusses the possibilities of some information technologies that are used in the practice of crime investigation, but have not yet found a worthy application in the detection and investigation of illegal hunting in the Republic of Belarus and the Russian Federation. The article reveals the possibilities of advances in forensic technology based on information technologies.

Information technologies; illegal hunting; the latest means of forensic technology; forensic accounting; forensic computer expertise.

Значение информационных технологий и оказываемое ими влияние на все стороны жизнедеятельности человека, в современных условиях, трудно переоценить. Кримина-

листическая наука также не стала исключением — она в настоящее время характеризуется активной интеграцией последних достижений цифровых разработок, а также внедрением техниче-

ских средств, произведенных на их основе. Не осталась в стороне, и методика расследования преступлений отдельных видов, в формировании которых информационные технологии получили и будут получать все большее значение в том числе и методика расследования незаконной охоты.

Преступная деятельность, также характеризуется интенсивным использованием информационных технологий, не будет преувеличением сказать, что в настоящее время преступники используют в той или иной мере компьютерные средства и системы, разработанные на их основе. Наметилась тенденция компьютеризации преступности. Не остались в стороне и лица, занимающиеся незаконной охотой, хотя данный вид преступной деятельности можно условно охарактеризовать как «традиционный», т.е. при совершении браконьерства используются все те же средства, применявшиеся до информатизации общества, только претерпевшие со временем некоторую конструктивную модернизацию, но сохранившие основные принципы работы (оружие, ножи, капканы и т. д.). Однако, все чаще в своей деятельности преступники для связи между собой, обнаружения, преследования и добычи животных используют новейшие технологии.

С целью урегулирования и единообразного понимания сущности информационных технологий, законодатель в Российской Федерации определил, что информационные технологии включают в себя процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления информации, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов¹.

В Республике Беларусь подход к определению сущности данного понятия несколько шире, однако принципиальных различий не имеет, так под информационной технологией понимается – совокупность процессов, методов осуществления поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации, а также пользования информацией и защиты информации².

Переходя непосредственно к раскрытию содержания влияния информационных технологий на криминалистическую науку, считаем уместным привести в пример тот факт, что некоторые ведущие ученые-криминалисты высказываются о не-

обходимости создания частной криминалистической теории «Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем» и включении ее в криминалистическую технику [8]. Позднее Е. Р. Россинская несколько изменила свой подход к данной проблеме и предложила создание «новой частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, предметом которой служат закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений» [7]. Мы считаем, что исследование данного вопроса является актуальным и разделяем научную позицию автора в этом вопросе.

Информационные технологии мы будем рассматривать в двух аспектах, первом как средства совершения преступления, во втором случае как инструмент по обнаружению, изъятию, фиксации и в дальнейшем изучению доказательственной информации.

Так преступники, при осуществлении действий, связанных с незаконной охотой, используют возможности мобильных сетей, в качестве средства связи между собой, определения своего местонахождения; возможности GPS – навигации для передвижения к месту охоты, выставления координат в месте расположения тайника с дичью; квадрокоптеры используются для обнаружения и преследования предмета преступного посягательства. Широкое распространение получило использование тепловизоров при осуществлении ночной незаконной охоты.

В свою очередь, изучение архивных уголовных дел, свидетельствует, что по уголовным делам о незаконной охоте, при изъятии компьютерной техники, средств мобильной связи, следователями практически не назначались исследования указанной техники, связанные с изучением хранящейся на ней информации, и даже ей оценки как источника дополнительной информации о преступной деятельности подозреваемых (обвиняемых)³. Все процессуальные действия сводились к осмотру указанных объектов, без назначения соответствующих исследований. Изъятие техники было обусловлено обеспечением возмещения материального вреда, причиненного преступлением. При добровольном возмещении вреда, вышеперечисленные вещи возвращались собственнику. Таким образом, можно констатировать факт отсутствия должной проверки подозреваемого (обвиняемого) на предмет причастности к другим преступлениям, следственным путем. Среди

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об информации, информатизации и защите информации: Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 102-З. Доступ из справ.-правовой системы «Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь».

³ В ходе сбора эмпирического материала изучено 189 уголовных дел, расследованных на территории Республики Беларусь по ст.ст. 282 и 282-1 УК Республики Беларусь за период времени с 2013 по 2019 гг.

практических сотрудников бытует мнение, что компьютерно-техническая экспертиза не является «типичной» для незаконной охоты, а назначение соответствующих экспертиз вызывает определенные трудности.

В этой связи нельзя не согласиться с Е. Р. Россинской которая отмечает, что «в криминалистической науке пока мало изучены компьютерные средства и системы – носители криминалистически значимой компьютерной информации, сама информация в цифровом виде, являющиеся объектами криминалистического исследования; закономерности возникновения, движения и видоизменения потоков криминалистически значимой информации с использованием компьютерных средств и систем. Исключение составляет фрагментарное рассмотрение этих вопросов в методике расследования преступлений в сфере компьютерной информации».

Большинству криминалистов-практиков (следователей, дознавателей – по нашему мнению), возможности получения криминалистически значимой компьютерной информации, имеющей доказательственное значение, практически неизвестны, что обусловлено не разработанностью теоретических и технологических аспектов информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности» [7].

Вместе с тем, к указанным причинам необходимо еще отнести не желание практических работников назначать соответствующие экспертизы, с целью экономии времени, так как производство судебных компьютерно-технических экспертиз потребует дополнительного времени (исследования не проводились при условии наличия по уголовному делу достаточного количества доказательств, подтверждающих причастность подозреваемого (обвиняемого) к совершенному преступлению, единичные случаи проведения экспертиз имелись и характеризовались информативностью полученной доказательственной базы). По нашему мнению, такая практика является контрпродуктивной и требует существенной корректировки. Тем более, что значительная часть преступлений о незаконной охоте остается не раскрытой (см. таблицу 1).

В свою очередь, компьютерно-техническая экспертиза, позволяет решить большое количество задач, стоящих перед органами уголовного преследования и включает в себя следующие подвиды:

– судебная аппаратно-компьютерная экспертиза – направлена на изучение аппаратных средств, компьютерной системы;

– судебная программно-компьютерная экспертиза – предназначена для исследования программного обеспечения;

– судебная информационно-компьютерная экспертиза заключается в поиске, обнаружении и анализе информации, хранящейся на носителях;

– судебная компьютерно-сетевая экспертиза, решает все вышеуказанные задачи, проводится, когда объекты исследования интегрированы в единую компьютерную технологию [6].

Не стоит забывать о возможностях предоставляемых новейшими достижениями криминалистической техники, которые уже внедрены в практику отдельных подразделений Следственного комитета Российской Федерации и показали свою эффективность. Как пример, можно привести такие средства как: «Мобильный криминалист», «Cellebrite UFED», «MOBILedit». Они позволяют обнаружить и извлечь необходимую (в том числе удаленную) информацию из мобильных устройств, сим-картах и флеш-картах, размещенных в них. Об эффективности применения данной техники и ее возможностях указывал председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин давая интервью журналистам. Также он акцентировал внимание на возможностях нового криминалистического средства под названием источник криминалистического света, позволяющего рассмотреть биологические следы, которые ранее при помощи имеющихся средств обнаружить было невозможно [1]. Создание и использование подобных технических средств стало возможным ввиду интенсивного развития информационных технологий.

О необходимости повсеместного внедрения данной разновидности техники и активного ее использования при раскрытии и расследовании преступлений, в том числе и незаконной охоты, сви-

Таблица 1. В таблице приведены сведения о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ст.282 УК Республики Беларусь за период времени с 2012–2019 г.

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Количество приостановленных преступлений в связи с неустановлением лица подлежащего ответственности	%
2012	261	141	54,02%
2013	247	172	69,64%
2014	184	106	57,6%
2015	175	120	68,57%
2016	167	92	55,09%
2017	170	112	65,88%
2018	175	107	61,14%
2019	168	98	58,33%

детельствуют данные полученные сотрудниками института повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, согласно которым полученная информация при помощи новейших технических средств в 90% случаев оказала помощь в раскрытии преступлений [10].

Для обнаружения мобильных устройств, диктофонов и другой техники принцип функционирования которой основан на электронике применяются локаторы нелинейного типа – «САУМАН», «Лорнет», «NR-900», «Pegas», «Orion» и т.п «ЕНМД1», «BVS WH», «NR-СНР», «BVS WH-L» и др., которые могут быть спрятаны как в автомобилях, так и по месту жительства лиц занимающихся незаконной охотой [9].

Также к новейшим образцам криминалистической техники необходимо отнести образцы, которые были разработаны с помощью информационных технологий, либо принцип действия, которых основан на ее применении. Повсеместное внедрение данных образцов криминалистической техники будет способствовать наиболее эффективному проведению осмотра места происшествия по преступлению на незаконной охоте. К таким образцам следует отнести:

«Маска – очки», предназначены для обнаружения и предварительного исследования микрообъектов. Позволяют увеличить их в 10 раз, принцип действия основан на ИкиУФ-излучении. Использование при осмотре автомобилей, схронов позволит осуществить наиболее качественный осмотр с целью обнаружения микрообъектов, оставленных преступниками на месте преступления;

Портативный малогабаритный многофункциональный осветитель предназначен для осмотра транспортных средств, изучения документов на предмет наличия механических исправлений;

«Устройство установления содержания документов, поврежденных механическим способом», представляет собою симбиоз информационных технологий и устройств, базирующихся на химических принципах работы. О назначении данного устройства говорит само название, используется для восстановления документов, поврежденных механическим путем. Применение данной техники при раскрытии и расследовании незаконной охоты, может иметь место при обнаружении на месте происшествия поврежденных листов бумаги, на которых имеется информация, могущая способствовать установлению личности собственника, а также определения содержания уничтоженных охотничьих путевок. В практике расследования незаконной охоты имелись случаи «случайного» уничтожения данных документов, связано это в первую очередь с тем обстоятельством, что охотничьи путевки, в которых до начала охоты не заполнены обязательные реквизиты, являются не-

действительными. В свою же очередь охота по такой путевке считается охотой без надлежащего разрешения, что влечет привлечение лица, ее осуществляющего, к установленной законом ответственности, которое целью оказания противодействия уничтожает данный документ [5].

Еще одним из направлений использования информационных технологий при раскрытии и расследовании незаконной охоты являются автоматизированные информационно-поисковые системы. Их применение на практике позволяет решить ряд задач:

– использование автоматизированных идентификационных баллистических систем (АБИС), например, «ТАИС», «Арсенал», «Поиск», позволяют проверить изъятое с места происшествия пули, по имеющимся учетам, с целью идентификации оружия из которого был произведен выстрел, а также по изъятому оружию осуществить проверочные мероприятия с целью определения использования данного оружия по другим преступлениям;

– учеты следов рук позволяют в случае необходимости идентифицировать человека, а также проверить его на причастность к другим фактам незаконной охоты, по которым лица совершившие их остались не установленными, однако при этом в материалах уголовного дела имеются изъятые следы рук;

– учет следов подошв обуви, позволяет осуществить проверку подозреваемого (обвиняемого) на причастность к другим преступлениям;

– учет протекторов шин транспортных средств;

– использование ДНК-учетов, которые позволяют идентифицировать лицо, оставившее следы биологического происхождения. В настоящее время в Республике Беларусь создаются ДНК-учеты животных, а также проводятся исследования, которые предоставляют возможность идентифицировать конкретную особь, но пока только определенных видов – данная методика постоянно совершенствуется и видовой состав животных, по которым становится возможным проведение соответствующих исследований постоянно расширяется (идентификация животных является более сложной задачей);

– с июня 2018 г. в ИСОД МВД России введен модуль «Уголовное дело», предназначенный для накопления криминалистически значимой информации, по конкретному уголовному делу. Информация при этом включает в себя, номера банковских карт, IMEI – номера средств связи, банковских счетов, электронных кошельков и пр., как представляется по уголовным делам о незаконной охоте, может использоваться при поиске скрывшихся подозреваемых, обвиняемых [3].

Подводя промежуточный итог, становится возможным констатировать тот факт, что боль-

шинство современных учетов по своей сути являются информационными технологиями, содержащими криминалистически значимую информацию, а другие базируются на использовании указанных технологий.

К новейшим средствам, базирующихся на информационных технологиях, которые целесообразно использовать для фиксации метапроисшествия, следует отнести возможности современных устройств фото и видеосъемки, а также квадрокоптеры. Использование в комплексе указанных средств, позволяет, при наличии соответствующего программного обеспечения в дальнейшем осуществить построение 3D- модели места происшествия. По нашему мнению, необходимо подробнее остановиться на квадрокоптерах, которые в настоящее время характеризуются надежностью, возможностью съемки местности в высоком разрешении, передачей видеоинформации в режиме реального времени, имеют функции записи, выставления точек координат, в случае утери сигнала связи с управляющим абонентом возвращаются в автоматическом режиме к месту пуска. Как представляется, не маловажным фактором в пользу их повсеместного использования при осуществлении следственных действий по уголовным делам о незаконной охоте, является возможность удаленной рекогносцировки интересующей местности, что обеспечивает безопасность участников проводимого следственного действия, предоставляет возможности по поиску и обнаружению, а в случае необходимости и преследования предполагаемых преступников, которые могут иметь при себе оружие. В настоящее время возможности квадрокоптеров не ограничены указанными характеристиками, по нашему мнению, заслуживает внимание опыт их использования в качестве средств по обнаружению и поимке браконьеров за рубежом. Так в 2013–2014 гг. компанией «Google» в качестве гуманитарной помощи ряду африканских стран были переданы боевые дроны, оборудованные липучей сетью и дротиками со снотворным. Использование указанной техники для отслеживания и поим-

ки браконьеров помогло снизить отстрел слонов и носорогов на 80% [4]. Эффективность применения новейших технологий налицо. По нашему мнению, данный вид технологии целесообразно было бы использовать для предотвращения фактов браконьерства в отношении животных, находящихся на грани уничтожения (Беларусь – зубр, Россия – уссурийский тигр и т. д.).

По нашему мнению, представляет интерес создание автоматизированной информационной системы, которая позволяет провести алгоритмизацию работы следователя по уголовным делам о незаконной охоте, использовать метод моделирования в повседневной деятельности. Как справедливо отмечает Васильева М. А. «метод компьютерного моделирования позволяет существенно улучшить информационно-аналитическую деятельность следователя, повысить ее результативность при выдвижении версий, определении вопросов, подлежащих выяснению при формировании перечня необходимых следственных действий и их последовательности по каждой из сформулированных версий, а также оперативно производить корректировку плана в связи с получением в ходе расследования новой информации» [2].

На основании вышеизложенного, представляется, что внедрение новейших технических средств, программного обеспечения, базирующихся на новейших информационных технологиях позволяет решить задачи, которые до недавнего времени являлись не разрешенными. Огромное количество технологий, которые могут быть использованы в повседневной работе следователя для раскрытия и расследования незаконной охоты получили широкое распространение в современном обществе, т. е. они стали массовыми, широко используются в быту (квадрокоптеры и т. д.) не требуют значительных затрат на их приобретение, дополнительного обучения по их применению, в большинстве случаев имеют интуитивно понятный интерфейс, поэтому вопрос о их повсеместном внедрении должен решаться в кратчайшее время.

Список литературы:

1. Бастрыкин А. И. След в след. // Российская Газета. 19 октября 2016. № 236(7104).
2. Васильева М. А. Вопросы интеграции в решении криминалистических задач по расследованию экологических преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32.
3. Гаврилин Ю. В., Лыткин Н. Н. Практика организации взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно – коммуникационных технологий // Труды Академии управления МВД России, 2018. № 4 (48).
4. Жданов Ю., Овчинский В. Полиция будущего. М., 2018.
5. Лобачева Г. К. Инновационные технические средства – возможности использования для криминалистических исследований. // Алтайский юридический вестник. 2019. № 1 (25).

6. Россинская Е. Р. К вопросу о частной теории информационно - компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2.
7. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации. // Lex russica (Русский закон). 2019. № 3 (148).
8. Россинская Е. Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. №3-2.
9. Удилов Т. В., Чибунин В. М., Шапочанский В. Н. Специальная техника органов внутренних дел: уч. метод. пособ. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016.
10. Чибунин В. М., Шипов О. В. Особенности использования специальных криминалистических средств для извлечения данных мобильных устройств и их анализа. // Современный ученый. 2019. № 4.

Стратегии информационного противоборства в социальных сетях

Б. А. ТОРОПОВ,
доцент кафедры информационных технологий,
кандидат технических наук, доцент
(Академия управления МВД России)
E-mail: torbor@mail.ru

Information confrontation strategies in social networks

B. A. TOROPOV,
Assistant professor of information technologies department
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 004.942

В статье рассматривается определение и описательная модель социальной сети как Интернет-сервиса, позволяющего его участникам вступать в информационные взаимодействия и осуществлять информационные взаимовлияния. На основе построенной модели, а также предположения о наличии центров управления, способных инициировать информационные влияния в социальных сетях и управлять ими автором проводится классификация элементов стратегического взаимодействия противоборствующих центров.

Социальные сети; информационные влияния; информационное противоборство; стратегия.

The paper considers the definition and descriptive model of a social network as an Internet service that allows its participants to enter into information interactions and carry out information influences on each other. Basing on the constructed model, as well as the assumption of the presence of control centers, which can initiate information influences in social networks and manage them, the author classifies the elements of strategic interaction of opposing centers.

Social networks; information influence; information confrontation; strategy.

Вопросы, связанные с манипулированием информационными влияниями в обществе на сегодняшний день актуальны как никогда в свете стремительного увеличения Интернет-аудитории по всему миру, а также вовлеченности этой аудитории в специфические Интернет-сервисы те, что принято в обиходе именовать социальными сетями.

Рассмотрение стратегий информационного противоборства в социальных сетях Интернета, необходимо начать с определения того, что понимается под социальной сетью. Ведь хотя понятие «социальная сеть» сегодня, как правило, и употребляется в отношении отдельных Интернет-сервисов, оно родилось задолго до самого Интернета и имеет различные толкования.

В научном обиходе понятие укоренилось достаточно давно, и впервые стало употребляться в области психологических, социологических и антропологических исследований.

Отображение социальных связей между людьми как сетевых структур фигурирует в серии работ психолога Я. Л. Морено [2, 5], в 1938 им введена концепция социограмм графов, в которых вершины это люди, а ребра связывающие их отношения.

Анализу социальных и биологических систем как сетей посвящены работы А. Б. Рапопорта [6, 7], одного из предтеч современного социально-сетевых анализа как самостоятельного научного направления. В своих трудах он применяет социограммы.

Заметные исследования, где сетевой подход применялся к описанию социальных структур, проводились как в первой, так и во второй половинах XX века. Однако непосредственно появление термина «социальная сеть» принято ассоциировать с работой социолога и антрополога Дж. Барнса, где он, исследуя взаимоотношения внутри островного приходского сообщества в Норвегии, приво-

дит следующий тезис [4]: «Каждый человек имеет определенный круг друзей, а эти друзья имеют, в свою очередь, собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие — нет. Я нашел удобным говорить о такого рода социальных полях как о сетях. Под этим мне видится система точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками этой системы являются люди, и линии соединения этих точек указывают, какие люди и как взаимодействуют друг с другом». Здесь Дж. Барнс описывает ни что иное, как уже известную на тот период времени социограмму.

Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили в [1] приводят понимание феномена социальной сети на качественном уровне: «социальная структура, состоящая из множества агентов (субъектов индивидуальных или коллективных, например, индивидов, семей, групп, организаций) и определенного на нем множества отношений (совокупности связей между агентами, например, знакомства, дружбы, сотрудничества, коммуникации)».

С конца 1990-х годов получают бурное развитие Интернет-сервисы, предоставляющие людям возможности создания виртуальных профилей и коммуникации с другими людьми посредством этих профилей. На первый план выходит понимание социальной сети как Интернет-сервиса.

Такая, более узкая, интерпретация понятия «социальная сеть» приводится, например, в работе Д. Бойд, Н. Элисон [3]: «сетевые услуги, которые позволяют частным лицам строить общественные или полуообщественные профили в пределах ограничений, наложенные системой, определять список других пользователей, с которыми они могут общаться и делиться информацией, просматривать и связывать их список контактов с другими, созданными пользователями внутри системы».

Таким образом, следует отметить двойственность в трактовке понятия «социальная сеть»: с одной стороны — социальная структура, с другой стороны — специфическая реализация такой структуры при помощи Интернет-технологий.

Общность двух толкований рассматриваемого понятия социальной сети раскрывается в [1], где отмечается 21 свойство социальной сети реального мира, которое необходимо учитывать при анализе информационных процессов в социальных сетях Интернета. Эти свойства в основном связаны со следующими интегральными характеристиками сети:

отсутствие иерархической организационной структуры, и равные стратегические возможности для всех участников;

теоретико-игровые взаимодействия агентов, каждый из которых стремится извлечь выгоду из социальных взаимодействий — обрести более высокую

репутацию, оказаться в конформной ситуации относительно окружения;

субъектность агентов, подразумевающая у каждого участника сети своей системы ценностей (мнения о распространяемой в социальной сети информации), наличия собственного набора стратегий по распространению информации в сети и множества предпочтений на этом наборе (например бездействовать, распространять информацию, активно препятствовать ее распространению), социального статуса (репутации, показывающей, в какой мере к его мнению прислушивается окружение), отдельного мнения о репутации каждого участника своего окружения, а также уровня конформизма (характеристика, показывающая в какой мере агент склонен жертвовать своим собственным мнением в угоду мнениям окружения); значимое влияние структуры социальной сети на результаты распространяемых информационных влияний;

возможность образования коалиций агентов.

Кроме характеристик, общих для социальных сетей в широком смысле и для социальных сетей Интернета, следует обратить внимание и на существенные различия, обусловленные особенностями последних:

формализованность взаимоотношений агентов, предполагающая ограниченный спектр возможных стратегий поведения агента по отношению к окружению — размещение публичных сообщений и направление частных сообщений, комментирование чужих публичных сообщений, добавление других пользователей в друзья, оформление подписок, вступление в группы и прочее, все это осуществляется при помощи детерминированных процедур и интерфейсов Интернет-сервиса;

нечеткая субъектность и нечеткая активность агентов, обусловленные, во-первых, необязательностью принадлежности профиля социальной сети ровно одному реально существующему человеку, равно как и необязательностью принадлежности одного человека ровно одному профилю, во-вторых, наличием в социальной сети большого количества малоактивных или совсем неактивных агентов, например, профилей, принадлежащих умершим людям;

сохранение истории активности агентов, которая совместно с формализованностью отношений позволяет проводить существенно более эмпирически подкрепленные научные изыскания в отношении социальной сети Интернета, нежели это было возможно в отношении социальных сетей реального мира.

Таким образом, социальную сеть в понимании Интернет-сервиса можно рассматривать как частный случай социальной сети в общем, но с учетом наложенных на нее допущений и ограничений,

связанных с технологиями реализации и функционирования.

С точки зрения формализованной модели практически нет разницы в описании двух случаев социальной сети. Наиболее точно и интуитивно понятно она описывается как граф $G(V, E)$, в котором множество вершин $V = \{v_i | i \in \mathbb{N}[1, n]\}$ соответствует агентам, а множество ребер $E \subseteq \{e_{ij} = (v_i, v_j) | (v_i, v_j) \in V^2\}$ соответствует связям между агентами. Матрица $g = \{e_{ij} | v_i, v_j \in V\}^{|V| \times |V|}$ называется матрицей сопряженности и отражает структуру графа.

Далее возможно несколько вариантов моделей разной степени сложности. Наиболее простой случай, предполагает симметричность $e_{ij} = e_{ji}$ и отсутствие весов $e_{ij} \in \{0, 1\}$ у связей между агентами, а также отсутствие петель $\forall e_{ij} | i \neq j$.

Однако, как правило, в социальных сетях в общем и в Интернет-сервисах в частности эти условия или частично или полностью не выполняются.

Во-первых, связи не симметричны. В таких сервисах, как «ВКонтакте», «Facebook» и им подобных операция оформления подписки одним пользователем на публичные сообщения другого не предполагает взаимной подписки. Таким образом $e_{ij} \neq e_{ji}$.

Во-вторых, каждый участник социальной сети в разной степени доверяет, уважает, прислушивается к мнениям тех, на кого он подписан к участникам своего окружения. Для моделирования этого аспекта связей в социальной сети можно задать веса ребер $e_{ij} \in \mathbf{R} [0; 1]$. Более того, отношение одного пользователя к мнению другого может быть предвзято негативным, и принимая решение по некоторому вопросу он всегда склоняется к противоположному от этого пользователя мнению, тогда веса ребер могут быть и отрицательными $e_{ij} \in \mathbf{R} [-1; 1]$. Это свойство можно моделировать также при помощи введения дополнительной новой характеристики связей направленности влияния $\gamma(e_{ij}) \in \{-1; 1\} | e_{ij} \in \mathbf{R} [0; 1]$. Второй способ представляется более предпочтительным, поскольку при дальнейшем построении моделей будет удобнее использовать матрицу сопряженности стохастическую справа, что позволит отразить важный аспект влияния агентов друг на друга, а именно: агент подвержен влиянию всего своего окружения, но в разных долях, образующих в совокупности 100 %.

Кроме того, в этом случае важно также отразить уровень убежденности агентов в собственном исходном мнении и ввести в граф петли, то есть отказаться от свойства $e_{ij} \neq e_{ji}$ агент находится под влиянием своего окружения и одновременно в какой-то степени склонен придерживаться соб-

ственной изначальной позиции. Развивая это положение, будем считать $\mu_i = 1 - e_{ij} | v_i \in V$ характеристикой конформизма агента v_i , то есть его склонностью доверяться совокупному мнению окружения в ущерб собственной исходной позиции, а

$$\rho_j = \frac{\sum_i e_{ij} * \gamma(e_{ij})}{|\{e_{ij} \neq 0\}|}$$

примем за репутацию агента v_j , то есть за его собственную среднюю способность влиять на агентов, составляющих окружение, причем влиять напрямую, для чего в числитель выражения введен сомножитель $\gamma(e_{ij})$ — направленности влияния. Обратные влияния, когда окружающие глядя на поведение агента стремятся поступать наоборот в этом случае будут присущи скорее агентам с низкой репутацией.

Описанные характеристики агентов, связанные с влиянием на окружение и подверженности влиянию со стороны окружения важны по той причине, что играют первейшую роль при распространении по социальной сети информационных влияний.

Информационное влияние это размещение отдельными агентами информационных сообщений, целью которых является склонение изначально нейтральных агентов к определенному мнению. Проявлением подверженности распространяемому влиянию со стороны изначально нейтрального агента служит уже самостоятельное размещение этим агентом аналогичного по смыслу или идентичного изначально информационного сообщения.

В социальной сети может одновременно разворачиваться некоторое множество влияний $O = \{o_1, o_2, \dots, o_m\}$. Важным ограничением дальнейших построений примем положение о том, что каждый агент хотя и может одновременно находиться под m влияниями в разной степени, но в итоге декларирует свою принадлежность только не более чем к одному из них.

Влияния рассматриваются как взаимоисключающие, и у каждого агента есть набор действий $\Theta = \{\theta_0, \theta_1, \theta_2, \dots, \theta_m\}$, среди которых θ_0 остаться нейтральным, не декларировать своей принадлежности ни к одному из влияний, $\theta_1 - \theta_m$ — продекларировать свою принадлежность к одному из влияний от 1 до m .

Учитывая описанную выше модель социальной сети и наличие указанных взаимоисключающих, а значит противоборствующих, влияний, можно говорить о ситуации информационного противоборства.

Если в ситуации информационного противоборства за каждым из имеющихся влияний

стоит некий интересант — центр влияния, то это информационное противоборство разворачивается между данными центрами.

Какие цели могут преследовать эти центры. Логика подсказывает, что глобально таких целей может быть две:

1) максимизация собственного влияния, то есть количества участников сети, принявших действие в пользу влияния, инициированного центром;

2) минимизация противоборствующего влияния или противоборствующих влияний. Очевидно, что в реальном информационном противоборстве каждый из центров будет преследовать некоторую композицию приведенных целей. Далее на уровне описания рассмотрим, какими способами центры могут пытаться достигать своих целей.

Элементы стратегического взаимодействия центров информационного влияния в социальных сетях:

1. «Вброс» («посев») собственного информационного влияния. Этими жаргонными терминами описывается первичное появление информационных сообщений, инициированное центром влияния. В терминах рассмотренного описания социальной сети — это манипулирование действиями θ , которые выбирают участники сети, отобранные для осуществления влияния.

2. Блокирование участников социальной сети — представителей противоборствующего влияния. В терминах теории графов — изоляция подмножества вершин $V' \in V$.

3. Исключение или ослабление связей между участниками социальной сети, в результате чего отдельные сообщения становятся недоступны к прочтению отдельными участниками. В терминах теории графов — исключение из графа подмножества ребер $E' \in E$ или (в случае ослабления связей) — манипулирование весами ребер, принадлежащих к E' .

4. Создание информационного шума, предполагающее со стороны центров инициацию новых «шумовых» влияний, которые снижают вероятность принятия участниками сети истинных изначально инициируемых влияний.

Список литературы:

1. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / Под ред. чл. корр. РАН Д. А. Новикова. М.: Издательство физико-математической литературы, 2010.
2. Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический Проект, 2004.
3. Boyd, Danah & Ellison, Nicole. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. J. Computer-Mediated Communication. 2007. V. 13. pp. 210-230.

В терминах описанной модели — это добавление новых элементов к множеству влияний O .

Приведенный перечень элементов стратегий центров информационного влияния, безусловно, можно расширять и детализировать. Однако, совокупности приведенных элементов могут определять те или иные стратегии информационного противоборства. Рассмотрим некоторые, наиболее очевидные из них:

Прямое «честное» информационное противоборство предполагает использование «вбросов» («посевов») с отбором наиболее влиятельных участников социальной сети для их инициации, что позволит в короткие сроки обеспечить большой охват аудитории и за счет этого повысить количество полученных сторонников.

Информационное подавление предполагает со стороны центра блокирование участников сети и исключение связей между участниками с тем, чтобы как можно сильнее снизить эффективность противоборствующих влияний.

Информационное «размывание» предполагает создание одного или нескольких «шумовых» влияний, которые отвлекают внимание участников сети и снижают вероятность их подверженности противоборствующим влияниям. При этом инициация каждого нового «шумового» влияния вновь требует использования «вбросов» («посевов»).

В заключение можно предположить, что в реальных ситуациях информационного противоборства центры прибегают к некоторым комбинациям рассмотренных стратегических элементов, соответственно, формируют некоторые комплексные стратегии.

Актуальной научно-практической задачей сегодня является повышение эффективности рассмотренных стратегических элементов применительно к реальным социальным сетям или отдельным группам пользователей этих сетей. Дело в том, что реализация каждого из описанных стратегических элементов предполагает отбор вершин/ребер социального графа для их задействования в информационном противоборстве либо для исключения из графа, также в интересах достижения целей противоборства.

4. Barnes John Arundel. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human relations. 1954. V.7. pp. 39-58
5. Moreno, Jacob L.; Jennings, Helen Hall (Jan 1938). "Statistics of Social Configurations". Sociometry. 1 (3/4): 342–374. doi:10.2307/2785588.
6. Rapoport, Anatol, 1953, "Spread of information through a population with sociostructural bias: I. Assumption of transitivity." Bulletin of Mathematical Biophysics, 15, 523-533. 1957, "Contribution to the Theory of Random and Biased Nets." Bulletin of Mathematical Biology 19:257-77.
7. Rapoport, Anatol (December 1957). "Contribution to the theory of random and biased nets". Bulletin of Mathematical Biophysics. 19 (4): 257–277. doi:10.1007/BF02478417.

Применение нейросетевых технологий для идентификации наркомаркетов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет

Е. Е. ХОХЛОВ,
адъюнкт факультета научных и научно-педагогических кадров
(Академия управления МВД России)
E-mail: Ehohlov1000@mail.ru

Application of Neural Network Technologies for Identification of Drug Markets in the Internet Information and Telecommunications Network

E. E. KHOKHLOV,
Adjunct 3rd Faculty
(Training of Scientific and Pedagogical Staff)
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.575

В научном труде рассматривается вопрос об использовании искусственных нейронных сетей для идентификации наркомаркетов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В связи с появлением новых форм противоправной деятельности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий, уязвимости информационной структуры в контексте повышения уровня интеграции преступных сообществ, а также транснационализация преступности и ее латентный уровень усложняют и маскируют преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Следовательно, сформированная и функционирующая государственная система мониторинга наркоситуации в настоящее время не эффективна в полном объеме. В этом случае, с помощью современного нейроинструментария, в совокупности с применяемыми методами сбора и обработки данных о распространении наркотиков, предоставит возможность более полной детализации и композиции процессов наркотизации населения, а также доработать механизм функционирования системы мониторинга наркоситуации.

Незаконный оборот наркотиков; наркомаркет; мониторинг наркоситуации; искусственные нейронные сети; информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.

This research paper discusses the use of artificial neural networks to identify drug markets in the Internet information and telecommunications network. Due to the emergence of new forms of illegal activity using information, communication and high technologies, the vulnerability of the information structure in the context of increasing integration of criminal communities, as well as the transnationalization of crime and its latent level complicate and mask crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. Consequently, the established and functioning state system for monitoring the drug situation is currently not fully effective. In this case, with the help of modern neuro-tools, together with the methods used for collecting and processing data on drug distribution, it will provide an opportunity to more fully detail and compose the processes of population narcosis, as well as to Refine the mechanism of functioning of the drug monitoring system.

Illegal drug trafficking; drug market; monitoring of drug situation; artificial neural networks; information and telecommunications network Internet.

Реализация Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. (в период 2010–2020 гг.) на основе анализа состояния наркоситуации в Российской Федерации сформировала функциональную государственную систему мониторинга наркоситуации, которая в настоящее время обеспечивает постоянное наблюдение за ее развитием. Достижение целей мониторинга наркоситуации осуществляется посредством непрерывного получения и анализа информации о состоянии процессов и явлений в сфере оборота наркотиков и их прекурсоров, своевременного выявления негативных тенденций развития наркоситуации, новых угроз национальной безопасности, возникающих вследствие незаконного оборота наркотиков, а также вызывающих их факторов, прогнозирования развития наркоситуации и выработки предложений по ее улучшению¹. Непрерывное получение и анализ информации о состоянии процессов и явлений в сфере оборота наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту, профилактики незаконного потребления наркотиков, лечения, реабилитации и ресоциализации лиц, допускающих незаконное потребление наркотиков в немедицинских целях, своевременное выявление негативных тенденций развития наркоситуации, новых угроз национальной безопасности, возникающих вследствие незаконного оборота наркотиков, а также вызывающих их факторов; прогнозирование развития наркоситуации и выработка предложений по ее улучшению являются основными задачами мониторинга наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах².

Государственная система мониторинга формируется на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации (в разрезе муниципальных образований). На федеральном уровне мониторинг наркоситуации осуществляет Государственный антинаркотический комитет (далее – ГАК), на уровне субъектов Российской Федерации – антинаркотические комиссии в субъектах Российской Федерации³. Статистические сведения по установленным

формам, информационно-аналитические сведения и экспертные оценки в субъектах Российской Федерации предоставляются: территориальными органами ФСБ России, МВД России, ФТС России, ФСИН России, Роспотребнадзором, Россельхознадзором, Росздравнадзором, управлениями Судебного департамента в субъектах Российской Федерации, органами исполнительной власти в сфере здравоохранения и образования, в сфере труда, занятости и социальной защиты населения, в сфере физической культуры, спорта, туризма и молодежной политики, в сфере культуры, средств массовой информации и массовых коммуникаций, сельского хозяйства, военными комиссариатами субъекта Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, имеющими подведомственные образовательные учреждения, а также иные участники, в том числе органы местного самоуправления, общественные объединения и организации. Перечисленные участники мониторинга наркоситуации осуществляют обобщение, анализ и оценку ведомственных статистических данных, а также результатов их антинаркотической деятельности.

Согласно Проекту Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г., одной из угроз национальной безопасности в сфере контроля за оборотом наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту, является появление новых форм противоправной деятельности преступных организаций и группировок, в том числе с масштабным использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, инновационных коммуникационных технологий и других высоких технологий⁴. Текущее состояние наркоситуации характеризуется и подтверждается сведениями о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Так, в 2016 г. в соответствии со статьей 15.1 Закона об информации⁵ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) принято решение о внесении отдельных видов информации и материалов (8 158 страниц сайтов сети «Интернет») в «Еди-

¹ Об утверждении Положения о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 20 июня 2011 № 485 (05 июля 2011 года) // СЗ РФ. 2011. № 26. Ст. 3808.

² Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (третий пересмотр) [Электронный ресурс]. URL: <https://гак.мвд.рф/мониторинг-наркоситуации/metodika> (дата обращения: 14.04.2020).

³ О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: Указ Президента РФ от 18 октября 2007 г. № 1374 (11 октября 2018 г.) // СЗ РФ. 2007. № 43. Ст. 5167.

⁴ Проект Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период 2030 года. ID проекта: 01/03/01-20/00098716 [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#search=антинаркотической%20&npa=98716> (дата обращения: 14.04.2020).

⁵ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ [Принят государственной Думой 8 июля 2006 года; одобрен Советом Федерации 14 июля 2006] (ред. от 03.04.2020) // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448/Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ный реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (далее – Единый реестр) [1]. Также, в 2016 г., в Единый реестр внесено 1 027 страниц сайтов сети «Интернет» (информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений) на основании вынесенных 968 судебных решений [2].

По результатам проведения ГАК и антинаркотическими комиссиями в субъектах Российской Федерации мониторинга наркоситуации (статистических, информационно-аналитических сведений и экспертных оценок государственных органов) 2017 г. сотрудниками МВД России зафиксировано 7 179 наркопреступлений, которые совершались с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Прекращена незаконная деятельность 654 российских Интернет-ресурсов (форумы, магазины автоматических продаж, телеграм-каналы) [3]. В 2018 г. по данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», согласно статистической формы «4-ЕГС» («Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений»), сотрудниками правоохранительных органов зарегистрировано 18 918 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ (из которых 97,3% выявлены сотрудниками МВД России (18 404)). В общем массиве зарегистрированных ОВД преступлений, совершенных с помощью ИТ-технологий (171 007), наркопреступления составляют 10,8%, из которых 99 % (18 300) связаны с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотиков (ст. 228.1 УК России) (104 преступления (0,6%) приходятся на наркопреступления, предусмотренные ст. ст. 228.4, 230, 234 УК России) [4].

В 2019 г. ФКУ «ГИАЦ МВД России» представил отчетность, согласно которой на территории Российской Федерации было зарегистрировано 294 400 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, каждое двенадцатое

(8,4%) совершается с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 24,7 тыс. [5].

Учитывая развитие семейства ИТ-технологий, в том числе и инфокоммуникационной сети «Интернет», а также рост пользователей «цифровой среды», необходимо отметить, что в дальнейшем интерактивность к наркотикам возрастет, а интернет-площадки будут модернизироваться и предлагать новые стратегии потребления наркотических средств и психотропных веществ – «наркопросьюминг» («профессиональный наркопотребитель» либо «наркопроизводитель-потребитель», который предпочитает «наркопродукты», в создании которых можно принять участие).

Ярким тому примером может служить история разработки «Тог» (The Onion Router, в переводе – «луковичный маршрутизатор»), наиболее популярного средства просмотра содержимого в сети Интернет, представляющего собой программное обеспечение для просмотра Интернет-страниц и скачивания файлов, которое с высокой долей вероятности позволяет скрыть «следы пребывания», то есть обеспечивает анонимность пользователей.

Автор «TOR», выступая за повышение уровня приватности информационного обмена, намеревался защищать права и свободы людей с помощью технологий, создать «анонимность в сети», избежав проблемы «оставления следов активности в сети Интернет», устранить возможность «тотальной слежки», обеспечить свободу обычных пользователей Сети от стороннего контроля. Однако современные компьютерные технологии используются злоумышленниками для обеспечения анонимности при совершении преступлений посредством использования возможностей, предоставляемых Интернет-ресурсами, позволяют создавать глубоко зашифрованные сообщества противоправной направленности.

Используемые в Интернет – «мессенджерах» современные алгоритмы шифрования, используемые в процессе координации противоправной деятельности вытеснили устаревшие, слабо защищенные методы коммуникации («голосовая связь» и СМС-сообщения посредством GSM-сетей), основанные на доверии, договоренностях, личных контактах.

Так, применение в противоправной деятельности Интернет – мессенджеров с функцией шифрования входящей и исходящей корреспонденции, скрытием номера телефона, на который зарегистрирован авторизованный аккаунт, «отмывание» незаконных доходов от сбыта наркотических средств посредством бирж крип-

товалют, а также бесконтактный, посредством тайников — «закладок», сбыт наркотиков, характеризуемый направлением координат, описания и ориентирующих фотографий с местонахождением тайника — «закладки», исключают какой-либо личный контакт не только между сбытчиками и потребителями наркотических средств, но и между соучастниками противоправной деятельности, которые, вступая в противоправный сговор, и осуществляя противоправные действия в тесной координации, могут и не знать друг друга лично, идентифицируя членов группы исключительно посредством псевдонимов в мессенджерах, что исключает для правоохранительных органов возможность получения данных о лицах, участвующих в деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

В данном аспекте нельзя не упомянуть о такой возможности различных Интернет — «мессенджеров», как «чат-боты». Это своего рода «виртуальный собеседник», который в автоматическом режиме, без участия пользователя, отвечает на запросы сторонних лиц, обладая минимальным набором функций для интерактивного взаимодействия. Некоторые «боты» умеют отвечать на сложные вопросы, некоторые реагируют стандартно и однообразно на самые разные действия пользователя. Изначально «боты» задумывались, как средство повышения комфортности ведения легального бизнеса, обеспечивая непрерывное виртуальное «присутствие» предпринимателя в Сети и позволяя отвечать потенциальным клиентам на достаточно широкий круг стандартных вопросов о предлагаемых товарах, услугах, и таким образом, активно используются для продвижения на рынке контента и товаров через «мессенджеры».

Так, «мессенджер» «Telegram» пользуется большой популярностью у создателей «ботов» из-за полностью открытой и простой, интуитивно понятной, не требующей специального обучения, платформы и почти полной анонимности. С учетом данных особенностей «боты» стали популярным средством продвижения наркотиков, чему способствует широкое распространение программ — «мессенджеров», а также их анонимность.

Однако подобный способ осуществления преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, подразумевает определённый уровень познаний в сфере информационных технологий и навыков работы со средствами мобильной связи, что, в свою очередь, определяет возрастной ценз лиц, обладающих перечисленными качествами, и вовлекаемых в совершение преступлений данной

категории. Как правило, это молодые люди, в возрасте 18–30 лет, что показывает всплеск специфической преступности в молодежной среде нашего общества.

Таким образом, в настоящее время рост числа наркопреступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», свидетельствует о качественном изменении преступной деятельности в целом. С учетом складывающихся обстоятельств, необходимо подобрать новейшие инструменты и определить оптимальный путь совершенствования системы мониторинга наркоситуации, в том числе и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Титан советской криминологии, советник министра внутренних дел Российской Федерации В. С. Овчинский выступая в феврале 2020 г. в Институте экономических стратегий (ИНЭС) на закрытом семинаре «Современные проблемы искусственного интеллекта и цифровизации», отметил, что «технологии, ворвавшиеся в нашу жизнь в XXI веке, во многом изменили подход ко многим научным и практическим задачам. Сейчас стало возможным собирать колоссальные массивы информации и обрабатывать эти данные с помощью специальных программ. И обработка данных о сотнях тысяч преступников вполне может вывести учёных на наличие определённых закономерностей. Кроме того, широкие возможности предоставляет Интернет, где каждый человек, даже если он этого не хочет, оставляет определённые цифровые следы» [6]. Рассматривая технологии в области работы с данными, В. С. Овчинский указывает, что искусственные нейронные сети как математические модели, их программные или аппаратные реализации позволяют работать с колоссальным объемом данных.

И. А. Кузьмин, рассматривая основные принципы искусственных нейронных сетей, международный опыт их использования для противодействия преступности, предлагает принципиальное изменение действующей системы статистической отчетности. Исследователь, ссылаясь на отчет о кибербезопасности Cisco «Simplify to Secure», обращает внимание на то, что «искусственный интеллект на основе искусственных нейронных сетей может существенно повысить эффективность анализа и систематизации генерируемой информации как в сети «Интернет», так и в базах данных и массивах информации правоохранительных

органов. Тем более с учётом того, что до 95 % генерируемой информации состоит из неструктурированных данных и лишь около 5 % составляют различные базы данных, т. е. тем или иным образом структурированная информация» [7].

Аргументированной представляется точка зрения, согласно которой современные технологии машинного обучения и интеллектуального анализа текста могут быть использованы для создания эффективных систем мониторинга наркоситуации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В 2017 г. американские ученые из Корнеллского университета

разработали систему искусственного интеллекта, которая распознает и определяет по постам и лайкам пользователей сети Интернет, страдают ли они зависимостью от табака, алкоголя, потребления наркотических средств и психотропных веществ [8].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что применение нейросетевых технологий для идентификации наркомаркетов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также анализ и систематизация информации о их деятельности, безусловно, положительным образом отразится на эффективности противодействия наркопреступности.

Список литературы:

1. Официальный сайт Роскомнадзора «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». URL: <https://eais.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 14.04.2020).
2. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2016 году (выдержка). URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1262499> (дата обращения: 14.04.2020).
3. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2017 г. (выдержка). URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1374113> (дата обращения: 14.04.2020).
4. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2018 году (выдержка) URL: <https://гак.мвд.рф/мониторинг-наркоситуации/>
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 года. ФКУ «ГИАЦ МВД России». Москва. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 16.04.2020).
6. Человеческий ум – это Вселенная – Владимир Овчинский. URL: <https://profiook.com/news/detail.php?ID=11067#ixzz6KBiE8wqf> (дата обращения: 16.04.2020).
7. Кузьмин И. А. Искусственные нейронные сети: перспективы использования в правоохранительной деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (8).
8. Tao Ding, Warren K. Bickel, Shimei Pan Social Media-based Substance Use Prediction. URL: <https://arxiv.org/pdf/1705.05633.pdf> (дата обращения: 16.04.2020).

Место дисциплинарного производства и производства по жалобам в структуре административного процесса

А. В. ШЕВЦОВ,

заместитель начальника кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, кандидат юридических наук, доцент (Академия управления МВД России)
E-mail: Shevtsov72@yandex.ru

Place of Disciplinary Proceedings and Complaints Proceedings in the Structure of the Administrative Process

A. V. SHEVTSOV,

Deputy head of the Department of management of public order units of the center for command and staff exercises, candidate of law, associate Professor (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 342.9

В статье даётся общая характеристика дисциплинарного производства и производства по жалобам, входящих в структуру теоретической конструкции административного процесса полиции МВД России.

Административный процесс; административная юрисдикция; административное производство; служебная дисциплина; обращения граждан.

The article provides a General description of disciplinary proceedings and complaints proceedings that are part of the theoretical structure of the administrative process of the police of the Ministry of internal Affairs of Russia.

Administrative process; administrative jurisdiction; administrative proceedings; service discipline; citizens appeals.

Свойства любого юридического процесса проявляются в деятельности органов государственной власти, реализующих определённые законом функции. Такая деятельность регулируется соответствующими процессуальными нормами, которые в свою очередь обеспечивают реализацию материальных норм права. Этим и достигается необходимый юридический результат.

Рассуждая об административном процессе, профессор Д. Н. Бахрах видел в нём целенаправленную деятельность, состоящую в последовательном совершении ряда предусмотренных правом процессуальных действий [2]. Разумеется, такая процессуальная деятельность носит обязательный документируемый характер, закрепляемый в процессуальных документах.

Исследуемый отраслевой вид юридического процесса практически всегда связан с деятельно-

стью субъектов административной власти. В силу чего профессор В. Д. Сорокин характеризовал его как «...урегулированный правом порядок разрешения индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления органами исполнительной власти...», «...а в предусмотренных законом случаях и другими полномочными субъектами» [6].

В юридической литературе можно встретить несколько теоретических подходов к пониманию структуры современного административного процесса. По нашему мнению, наиболее универсальную классификацию соответствующих им теоретических моделей предложил профессор А. И. Каплунов [1]. Отдавая дань глубочайшего уважения учёным, внёсшим значительный вклад в развитие современной теории административно-процессуального права, автор настоящей статьи придерживается теоретических взглядов на данную пробле-

матику, предложенных и обоснованных профессором Н. Г. Салищевой. Поэтому, согласно указанной выше классификации, дальнейшее исследование будет опираться на так называемый «комплексный (на основе юрисдикционного) подход к пониманию административного процесса». Его суть сводится к предположению о существовании и развитии трёх видов (блоков – выделено мной) административного процесса – административное судопроизводство, административная юрисдикция и административные процедуры [5].

Особенностью выбранной исследовательской модели является и определённое соотношение понятий «процесс» – «производство», «процедура». В этом смысле представляется, что административный процесс включает определённые компоненты, которыми являются: с одной стороны различные административные производства, в том числе юрисдикционного характера, а с другой стороны административные процедуры процессуального и материального типа. Следует так же отметить, что такой подход отражает предложенная профессором М. А. Лапиной авторская «Объединенная концепция системы административного процесса» [9], в целом соответствующая идеям, высказанным профессором Н. Г. Салищевой.

Проведённая типологизация административно-процессуальных отношений в сфере публично-управления, даёт основание говорить о судебных, квазисудебных, либо процедурных способах разрешения административных дел. Применение процедурного способа в большей степени характерно для дел, в которых по сути нет административно-правового спора. Судебный и квазисудебный порядок, напротив, предполагают принятие соответствующих процессуальных решений при наличии административно-правового конфликта [16]. В результате исследуемый процесс представляет собой деятельность суда, либо квазисудебного субъекта публично-управления.

Применение комплексного (на основе юрисдикционного) теоретического подхода, позволило предложить современную теоретическую конструкцию административного процесса полиции МВД России [15].

Его структура включает четыре блока.

1) Административно-юрисдикционное производство (нижняя часть Рис. 1):

- по делам об административных правонарушениях;
- по применению мер административного предупреждения;
- по дисциплинарным делам;

– по обращениям, административно-правовым жалобам и спорам.

2) Административно-исковое производство об административном надзоре за лицами, освобожденными из МЛС (фиолетовый сектор правой части Рис. 1).

3) Административные производства (синие секторы правой части Рис. 1):

- по принятию правовых актов управления;
- по делам о поощрениях.

4) Процессуальные и материальные административные процедуры (зелёные секторы верхней левой части Рис. 1):

- регистрации;
- лицензирования;
- реализации государственных функций, в том числе в сфере предоставления государственных услуг.

Для удобства восприятия блок административно-юрисдикционных производств вынесен в нижнюю часть структурно-логической компоновки административного процесса полиции МВД России (Рис. 1).

Производство по делам об административных правонарушениях относится к одному из основных направлений деятельности полиции МВД России¹. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП)² определяет задачи этого производства, являющегося процессуальной формой разрешения индивидуальных конкретных дел о привлечении к административной ответственности лиц, нарушивших установленные административно-правовые запреты (предписания, дозволения) [3]. Посредством данного производства (красный сектор в нижней части Рис. 1) осуществляется регламентированная административно-процессуальными нормами КоАП «... деятельность уполномоченных субъектов, направленная на возбуждение и рассмотрение дел об административных правонарушениях, применение в необходимых случаях административных наказаний» [1].

Производство по применению отдельных принудительных мер административного предупреждения (малиновый сектор в нижней части Рис. 1) представляет собой деятельность «... по возбуждению и разрешению дел о применении принудительной меры административного предупреждения ... и реализации правоограничений, лишений и обременений, характеризующих...

¹ О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195_ФЗ [Электронный ресурс]: от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

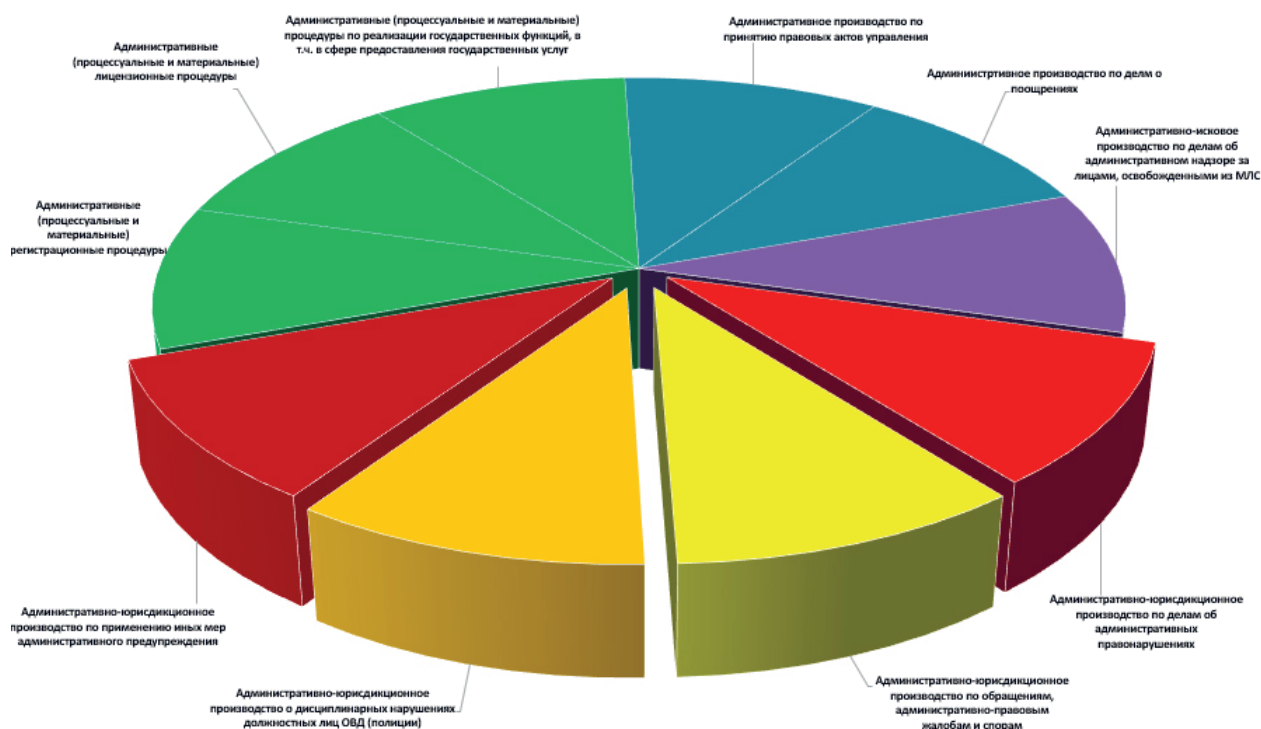

Рис. 1. Теоретическая модель административного процесса МВД России

ющих содержание меры принуждения» [1]. В частности, это производство предусматривает процессуальный порядок:

- аннулирования выдаваемых лицензий или разрешений;
- принятия решения о нежелательности пребывания (проживания);
- рассмотрения материалов о помещении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

Переходя к общей характеристике исследуемого в статье производства по дисциплинарным делам (оранжевый сектор в нижней части Рис. 1) необходимо подчеркнуть, что оно представляет собой процессуальную форму реализации соответствующего вида юридической ответственности. Суть этого производства состоит в применении субъектами дисциплинарной власти дисциплинарных взысканий³ за допущение подчинёнными участниками административно-правовых отношений дисциплинарных нарушений, а также в предусмотренных законом случаях за совершение административных правонарушений⁴.

³ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195_ФЗ [Электронный ресурс]: от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В процессе дифференциации наиболее часто допускаемых дисциплинарных проступков, профессор А. Г. Николаев предложил авторскую классификацию признаков противоправных посягательств, явившихся основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности [10]. Сделанные им выводы подтверждают утверждение о том, что административно-юрисдикционная природа производства по дисциплинарным делам обусловлена фактической необходимостью реализовать дисциплинарное принуждение посредством административно-процессуальных норм. Именно поэтому в основе производства лежат как общеправовые принципы (законности; материальной истины; охраны интересов личности и государства), так и принципы, отражающие правовую сущность реализуемой дисциплинарной ответственности [14]:

- обязательности возбуждения производства при совершении дисциплинарного нарушения;
- свободы выбора вида дисциплинарного наказания;
- достаточности доказательств, подтверждающих виновность в совершении деяния [7]; абстрактно-всеобщей равенности сторон; справедливости защитного механизма правосудного доступа [12].

В соответствии с общепризнанным в науке мнением с «дисциплинарным принуждением» всегда связана система юридических норм в

сфере дисциплинарной ответственности и иных правоотношений, урегулированных «правовыми актами централизованного или локального подчинения» [13].

Правовую основу производства по дисциплинарным делам в органах внутренних дел (далее – ОВД) составляют положения закона о службе в ОВД [гл. 7]⁵, дисциплинарного устава ОВД [гл. 6]⁶, а также ведомственного (утвержденного приказами МВД России) порядка организации прохождения службы [разд. 11]⁷ и проведения служебной проверки⁸.

Одной стороной производства по дисциплинарным делам всегда является субъект дисциплинарной власти [ч. 3, 4, 5 ст. 51]⁹, а другой – подчиненный ему участник административно-правовых отношений, допустивший нарушение служебной дисциплины [ст. 49]¹⁰. Цель производства состоит в применении дисциплинарных взысканий, в также в предупреждении дисциплинарных нарушений. Задачи производства коррелируют с задачами иных административно-юрисдикционных производств: всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств нарушения; принятие обоснованного решения о применении правового принуждения; исполнение этого решения; профилактика неправомерного поведения [1].

Принято выделять два вида производства по дисциплинарным делам, которые соответственно предусматривают процессуальное назначение дисциплинарных наказаний в устной, либо письменной (в виде приказа) формах. В одном случае речь идет об упрощенной форме исследуемого производства, состоящего лишь из двух процессуальных стадий: разбирательства по факту дисциплинарного нарушения; объявления назначенного дисциплинарного

взыскания. В другом случае имеет место обычное производство, которому (с учетом некоторых особенностей) характерны все четыре классические стадии:

- возбуждения производства по дисциплинарному делу;
- рассмотрения и принятия решения по дисциплинарному делу;
- исполнения акта о применении дисциплинарного взыскания;
- пересмотра дисциплинарного дела в случае обжалования акта о применении дисциплинарного взыскания.

На первой из перечисленных стадий обычного производства проверяется информация о дисциплинарном нарушении. Для этого требуется объяснение по факту нарушения [ч. 8 ст. 51]¹¹, на основе которого дается квалификация противоправному действию (бездействию) и предлагается мера необходимого административно-правового воздействия. На основании решения субъекта дисциплинарной власти проводится служебная проверка (разбирательство) [ст. 52]¹² по результатам которой готовится соответствующее заключение, которое на данной стадии является итоговым процессуальным документом.

На второй процессуальной стадии результаты служебной проверки (разбирательства) докладываются субъекту дисциплинарной власти, уполномоченному назначать дисциплинарное наказание. Этим субъектом оценивается: достаточность собранных материалов; тяжесть дисциплинарного нарушения; целесообразность назначения предлагаемой, либо избранной им меры дисциплинарного наказания. На основе изучения представленных материалов утверждается заключение по материалам служебной проверки [ч. 8 ст. 52]¹³, а в необходимых случаях дается поручение о подготовке правового акта (приказа) о назначении дисциплинарного взыскания. На этом этапе применяются предусмотренные процессуальные правила и сроки [ст. 51]¹⁴. Соответствующее решение по коррупционным нарушениям принимается на основании доклада о результатах антикоррупционной проверки, либо на основании специальных комиссионных рекомендаций [ст. 51.1]¹⁵.

На третьей процессуальной стадии обычное производство ведется наложившим дисциплинарное взыскание субъектом дисциплинарной

⁵ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]: от 01 февраля 2018 г. № 50. (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]: от 26 марта 2013 г. № 161. (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

власти. При этом им реализуются действия по объявлению, приведению в исполнение и учёту наложенного дисциплинарного взыскания [ч. 9 – 17]¹⁶ [гл. 6, 7]¹⁷.

Четвёртая процессуальная стадия является факультативной и может осуществляться только в случае обжалования акта о применении дисциплинарного взыскания [ч. 8 ст. 51.1]¹⁸ [гл. 8]¹⁹.

Таким образом, административно-юрисдикционное производство по конкретному дисциплинарному делу представляет собой деятельность субъекта дисциплинарной власти, связанную с рассмотрением и принятием обоснованного административно-процессуального решения о наложении дисциплинарного взыскания, а также последующего исполнения акта о его применении к лицу, привлекаемому к дисциплинарной ответственности. Меры дисциплинарного принуждения обогащают правовые принципы, которым должен соответствовать позитивный правопорядок в государстве [11].

Возвращаясь к анализу административно-юрисдикционного блока предложенной теоретической модели административного процесса полиции МВД России, следует указать на наличие в нём ещё одного важного производства, которое осуществляется по обращениям, административно-правовым жалобам и спорам (желтый сектор в нижней части Рис. 1).

Правовой основой данного производства в ОВД являются положения Конституции Российской Федерации²⁰, гарантирующие право каждого на индивидуальные или коллективные обращения в органы публичного управления [ст. 33]²¹, законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан²², ведомственные инструкции об организации рассмотрения обращений граждан²³,

а также о порядке приема, регистрации и разрешения заявлений и сообщений о противоправных деяниях и происшествиях²⁴.

Характеризуя данное административно-юрисдикционное производство, в первую очередь необходимо отметить специфику административно-процессуального порядка регистрации, рассмотрения и разрешению предложений и заявлений физических и юридических лиц. Для этого целесообразно перечислить три последовательные стадии соответствующей административно-процессуальной деятельности. Так, стадии возбуждения производства по заявлению или обращению характерны этапы приёма, первоначальной обработки, регистрационного учёта [разд. 4, 5]²⁵ и принятия организационного решения о порядке рассмотрения административного дела [разд. 6]²⁶. Стадии рассмотрения заявления или обращения характерны этапы подготовки материалов, рассмотрения по существу [разд. 7]²⁷ (для определения статуса «поддержанное», «неподдержанное», «разъяснённое» [п. 112])²⁸, принятия обоснованного решения [п. 113, 146]²⁹. Суть заключительной стадии проявляется в обеспечении законного исполнения принятого решения.

Для рассмотрения письменных и устных обращений, содержащих сведения о противоправных деяниях и происшествиях установлен особый процессуальный порядок³⁰. Такие обращения на основании резолюции уполномоченного должностного лица ОВД передаются в дежурную часть территориального органа для регистрации в специальной книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (КУСП) [п. 4]³¹.

В рамках исследуемого административно-юрисдикционного производства отметим также специфику процессуального порядка раз-

¹⁶ Там же.

¹⁷ О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ Там же.

²² О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях. [Электронный ресурс]: от 29 августа 2014 г. № 736 (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях. [Электронный ресурс]: от 29 августа 2014 г. № 736 (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³¹ Там же.

решения административно-правовых жалоб и споров, возникающих в сфере публичного управления. Профессор Ю. М. Козлов справедливо отмечал двойственную (административно-юрисдикционную и судебную) природу разрешения «...спорных вопросов применения материально-правовых норм, в правовой оценке поведения участников административно-правовых споров, а также в применении к виновным при негативной оценке их поведения мер государственного (юридического) принуждения» [8]. По мнению профессора А. Б. Зеленцова упомянутый административно-правовой спор представляет собой разногласия «...по поводу различно понимаемых взаимных прав и обязанностей и (или) законности административных актов, возникающие в связи с реализацией, применением, нарушением либо установлением правовых норм в сфере публичного управления» [4].

Административно-правовые жалобы рассматриваются в рамках квазисудебного (административно-юрисдикционного) производства по рассмотрению жалоб как формы обращений граждан [ст. 4, 5]³², либо судебного (административно-искового) производства по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов управления [гл. 22]³³.

Производству по рассмотрению административно-правовых жалоб и споров также характерны четыре последовательные процессуальные стадии:

- возбуждение производства по жалобе или спору;
- рассмотрение и принятие решения по жалобе или спору;
- обжалование принятого решения;
- исполнение решения, принятого по жалобе или спору.

Как видно такая последовательность процессуальных действий аналогична уже раскрытому содержанию этапов перечисленных стадий. Стоит лишь отметить то, что закон, устанавливающий порядок рассмотрения обращений граждан предусматривает четкие процессуальные сроки [ст. 8, 12]³⁴. На стадии возбуждения производства по жалобе или спору принимается

решение о возможности их принятия (отказа в принятии), передачи по отраслевой подведомственности, либо объективного разъяснения инициатору всего перечня законных средств защиты оспариваемых интересов. Кроме этого, определенным интерес представляет факультативная стадия обжалования принятого решения [ст. 5]³⁵, в ходе которой заявитель вправе обратиться в вышестоящий по подчиненности орган, в прокуратуру, либо отстаивать свои интересы в административно-исковом порядке [гл. 22]³⁶. В установленных законом случаях стадия исполнения принятого решения может обеспечиваться средствами государственного принуждения.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Производство по дисциплинарным делам, а также производство по обращениям, административно-правовым жалобам и спорам, являются двумя неотъемлемыми элементами структуры административно-юрисдикционного блока предлагаемой теоретической конструкции административного процесса полиции МВД России (нижняя часть Рис. 1).

2. Производство по дисциплинарным делам представляет собой административно-процессуальную форму реализации соответствующего вида юридической ответственности. Суть этого производства состоит в применении субъектами дисциплинарной власти — уполномоченными должностными лицами ОВД (полиции) дисциплинарных взысканий за допущение подчиненными участниками административно-правовых отношений дисциплинарных нарушений, а также в предусмотренных законом случаях за совершение административных правонарушений

3. Производство по обращениям, административно-правовым жалобам и спорам, представляет собой административно-процессуальную форму разрешения правовых конфликтов, возникающих в области публичного управления сферой внутренних дел государства. Суть данного производства состоит в реализации уполномоченными должностными лицами ОВД (полиции) административно-процессуального порядка рассмотрения и разрешения обращений физических и юридических лиц, а также устранения возникающих разногласий в связи с реализацией установленных законом норм.

³² О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁴ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵ Там же.

³⁶ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы:

1. Административно-процессуальное право: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Каплунова. – 2-е издание, перераб. и доп. / Изд-во СПб ун-та МВД России. СПб., 2017.
2. Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник / Д. Н. Бахрах. – 3-е изд., испр. и доп. М., 2007.
3. Дугенец А. С. Административная деликтность в России: состояние, динамика и средства противодействия // Административное право и процесс. 2004. № 1.
4. Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: вопросы теории. Монография / Зеленцов А.Б. М., 2005.
5. Салищева Н. Г. Проблемные вопросы административного процесса // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы / Отв. ред. Л. Л. Попов и М. С. Студеникина. М., 2004.
6. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право : учебник для юридических высших учебных заведений / В. Д. Сорокин ; подгот. А. И. Каплунов. – 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008.
7. Каплунов А. И. О принципах административного процесса // Актуальные проблемы административного административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения). 20 марта 2015 года: в 3 частях. СПб., 2015.
8. Козлов Ю. М. Административное право: учебник / Ю. М. Козлов. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
9. Лапина М. А. Административная юрисдикция в системе административного процесса: Монография / М.А. Лапина; Финуниверситет, Каф. административного и информационного права. М., 2013.
10. Николаев А. Г. Дифференциация дисциплинарных проступков // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1.
11. Николаев А. Г. Аксиология дисциплинарного принуждения // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179).
12. Николаев А. Г. Дисциплинарная онтология // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 4 (91).
13. Николаев А. Г. Онтология дисциплинарного принуждения // Аграрное и земельное право. 2019. № 9 (177).
14. Николаев А. Г. Соблюдение социальных и правовых ценностей в дисциплинарном принуждении // «Проблемы внедрения результатов инновационных разработок и пути их решения» сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2019.
15. Шевцов А. В. К вопросу о месте административной юрисдикции полиции МВД России и административной юстиции в системе единого административного процесса органов государственной власти Российской Федерации // Административное право и процесс. 2017. № 10.
16. Шевцов А. В. Правовой статус субъектов реализации юрисдикционных и процедурных производств, входящих в структуру административного процесса полиции МВД России // Административное право и процесс. 2018. № 6.

Особенности производства отдельных следственных действий и роль начальника органа дознания при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты

И. А. ИШИН,
слушатель факультета
подготовки руководителей (начальников) территориальных
органов внутренних дел
(Академия управления МВД России)
E-mail: ivan956@rambler.ru

Features of the Production of Individual Investigative Actions and the Role of the Head of the Body of Inquiry in the investigation of Crimes, Committed using cryptocurrency

I. A. ISHIN,
Listener of the faculties Training Chiefs (Heads) of the Territorial Bodies
of the Ministry of the Interior of Russia
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.140.01; 343.985.7

Статья посвящена исследованию проблем понимания сущности криптовалюты как суррогатного платежного средства, с использованием которого совершаются преступления, а также особенностей производства отдельных следственных действий при расследовании такой категории уголовных дел и роли начальника органа дознания в организации производства предварительного расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты и иных высоких технологий.

Криптовалюта; криптокошелек; денежный суррогат; высокие технологии; начальник органа дознания.

The article is devoted to the study of the problems of understanding the essence of cryptocurrency as a surrogate means of payment with which crimes are committed, as well as the peculiarities of individual investigative actions in the investigation of this category of criminal cases and the role of the head of the inquiry body in organizing the preliminary investigation of crimes committed using cryptocurrencies and other high technologies.

Cryptocurrency; cryptocurrency wallet; money substitute; high technology; head of the inquiry body.

Современная действительность такова, что социум уже не может обойтись без информационно-телекоммуникационных технологий, которые используются во всех сферах жизни общества. Не является исключением и преступная среда. Сегодня можно констатировать, что совершение преступлений с использованием компьютеров и высоких технологий в целом имеет тенденцию к увеличению.

Однако, как показывает практика, законодатель и правоприменительные органы не всегда готовы к адекватному ответу на такие угрозы преступного мира. Наиболее актуальными в

этом направлении видятся проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты.

Следует отметить, что нормативного закрепления в Российской Федерации понятия «криптовалюта» не существует. Более того, правовой статус криптовалюты как платежного средства также не определен.

Криптовалюты являются системным элементом современных альтернативных платежных систем [2, 7].

В научной литературе криптовалюта характеризуется через ряд признаков:

- это разновидность цифровой валюты;
- создание криптовалюты и контроль за ней основаны на криптографических методах защиты информации;

- отсутствие в данной системе единого администратора, который производит выпуск криптовалюты, осуществляет ее учет на счетах пользователей.

Таким образом, под криптовалютой можно понимать вид цифровой валюты, создание которой, а также контроль за ней основаны на криптографических методах и децентрализованной форме эмиссии и учета [6].

Современные исследования в области высоких технологий показывают, что сегодня существует значительное количество различных криптовалют. Наиболее известная из них – биткоин, который впервые выступил в качестве платежного средства в 2010 г. [4].

По сути, биткоин и другие криптовалюты – это огромный распределенный компьютер. Обязательная составляющая любой криптовалюты – блокчейн, который предназначен для передачи транзакций (например, перевода денег). Блокчейн – это программный код протокола, который обеспечивает автоматическое выполнение транзакций (любых сделок, переводов) если стороны выполнят предусмотренные программой условия.

Для того, чтобы гигантский распределенный компьютер работал, должен быть интерес. Поэтому создатели блокчейна и придумали биткоин – код (программу), которой придается определенная ценность [3].

В России пока не сложилось единого подхода к юридическому пониманию криптовалюты, что создает трудности в правоприменительной практике. Существуют следующие варианты правового статуса криптовалюты в России, однако все они неоднозначны и могут быть подвергнуты критике, в их числе:

- денежное средство. Но криптовалюта не может быть денежным средством, поскольку не подпадает под действие федерального закона «О национальной платежной системе»¹. В соответствии с этим законом, в основе электронных денежных средств лежат денежные средства, номинированные государством;

- денежный суррогат. Во-первых, данное понятие вообще не имеет юридической природы. Во-вторых, в соответствии со ст. 140 Гражданского кодекса Российской Федерации законным платежным средством на территории Российской Федерации является рубль, а также иностранная валюта в случаях, определенных законодательством². Обо-

рот иностранной валюты в России регулируется федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле»³. Анализ ст. 1 данного закона, раскрывающей понятие валюты, в том числе иностранной, показал, что криптовалюта также не подпадает под его действие, хоть и обладает некоторыми аналогичными чертами;

- результат предпринимательской деятельности.

Такая точка зрения обусловлена в основном судебной практикой, но и она критикуется юристами;

- иное имущество.

Фактически криптовалюта действительно более всего подпадает под категорию денежного суррогата, но, как уже отмечалось выше, данное понятие неюридическое. Бесконтрольные платежи с использованием криптовалюты не имеют привязки к какой-либо национальной платежной системе. С помощью криптовалюты можно приобрести нелегальные товары, в том числе наркотики, оружие и пр., а также использовать ее как средство накопления или легализации активов, полученных преступным путем [5].

Рассмотрение сущности и юридической природы криптовалюты в рамках данной статьи было обусловлено необходимостью понимания ее места в системе уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих в случаях возбуждения уголовного дела по фактам мошеннических или иных незаконных действий в сфере использования криптовалюты. Что это: деньги, имущество, финансовый инструмент в руках преступника? От ответа на эти вопросы во многом зависят и результаты расследования такого уголовного дела.

В зависимости от конкретного преступления обстоятельства, подлежащие установлению, могут меняться, но, учитывая специфику данной категории дел, алгоритм их расследования во многом совпадает.

В этой связи необходимо обозначить ряд проблемных аспектов.

Так, важную роль в процессе доказывания при расследовании уголовных дел, где фигурирует криптовалюта, играет владелец криптокошелька, который может быть обвиняемым (подозреваемым), а также потерпевшим или свидетелем. Сложность состоит в том, что регистрация владельца криптокошелька на специальном сервисе не требует указания персональных данных. Поэтому источником информации о владельце могут быть только его собственные показания и сама компьютерная техника и информация, полученная в результате проведения следственных действий по ее получению и использованию в качестве доказательств по

¹ О национальной платежной системе: федеральный закон Российской Федерации от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994

г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32 (ч. 1). Ст. 3301.

³ О валютном регулировании и валютном контроле: федеральный закон Российской Федерации от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уголовному делу. В связи с этим наиболее важными, на наш взгляд, следственными действиями, от которых зависит дальнейший ход доказывания по данной категории дел, являются допрос и обыск. Поскольку информация — субстанция нематериальная, легко удаляемая с носителей информации, следственные действия по данной категории дел, особенно обыск, необходимо производить максимально быстро.

И здесь ключевая роль принадлежит начальнику органа дознания, основной функцией которого является организация деятельности органа дознания по выявлению и раскрытию преступлений этого вида. От того, насколько быстро начальником органа дознания (ст. 402 УПК РФ) будет принято решение и организовано производство дознания или проведены неотложные следственные действия по уголовному делу, зависит эффективность обнаружения и изъятия доказательств по данной категории дел. Существующая практика организации деятельности органов дознания показывает, что при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты, начальник органа дознания должен четко представлять, кто из сотрудников обладает достаточной квалификацией и опытом работы по выявлению и раскрытию такой категории преступлений, поскольку здесь требуются дополнительные знания из области экономики и финансов, компьютерных технологий и защиты информации. Начальнику органа дознания целесообразно определить соответствующую группу сотрудников и направить их на курсы повышения квалификации.

Одновременно при расследовании преступлений данного вида, как было отмечено выше, важными следственными действиями, связанными с использованием криптовалюты, являются допрос и обыск. Необходимо указать на следующие особенности их проведения.

При допросе обвиняемого (подозреваемого), потерпевшего или свидетеля по расследуемому уголовному делу о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, обязательно должны быть заданы следующие специфические вопросы:

- есть ли у лица компьютерное устройство и каковы его производственные и технические характеристики;
- имеется ли выход в Интернет (если да, то с каким провайдером заключен договор и через какой Интернет-браузер осуществляется выход в сеть, каковы его настройки);
- является ли допрашиваемое лицо владельцем криптокошелька (если да, то каковы его реквизиты);
- на каком сервисе или бирже криптовалют производилась регистрация, с указанием типа кошелька и валюты, какой при этом использовался почтовый сервис;

— посредством каких сервисов и платежных систем совершаются транзакции;

— сообщал ли допрашиваемый кому-либо данные и ключах криптокошелька;

— какие конкретно лица имеют доступ к его компьютеру и были ли факты неправомерного доступа к компьютерной информации ранее и со стороны кого;

— имеются ли факты взлома почтового ящика, с которого производилась регистрация криптокошелька, а также сбои, неполадки в работе сети;

— есть ли на компьютере антивирусная программа, как она обновляется;

— каким образом производится ремонт и обслуживание компьютера.

При расследовании такой категории дел также обязательно следует допросить системных администраторов, программистов, администраторов компьютерной сети [1].

При обыске, проводимом в организации, учреждении при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты, основным объектом является компьютерная техника, а также всевозможные носители компьютерной информации. Здесь важен подготовительный этап перед проведением обыска, в ходе которого необходимо:

— получить информацию о количестве компьютерной техники, которая находится в помещении, где планируется обыск, особенности пропускного режима в этой организации, наличие Wi-Fi-сетей, локальных сетей, местонахождение сервера, особенности электропитания, расположение мест обесточивания помещения;

— принять меры для исключения утечки информации во время обыска;

— привлечь специалистов, так как значительная часть объектов, подлежащих поиску и изъятию — носители компьютерной информации.

Непосредственно при производстве обыска необходимо:

— запретить лицам, находящимся в помещении, совершать какие-либо действия с компьютерной техникой или источниками ее питания;

— изымать любые электронные носители: системные блоки, ноутбуки, моноблоки, оборудование для майнинга⁴, видеокарты, жесткие диски и карты памяти. Здесь следует отметить, что в соответствии со ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, электронные носители подлежат изъятию с участием специалиста⁵;

— не использовать самим и запретить присутствующим использование устройств, которые могут из-

⁴ Майнинг — деятельность по созданию новых структур для обеспечения функционирования криптовалютных платформ.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

давать электро-магнитное излучение и таким образом нанести вред или уничтожить информацию.

Необходимо также определить, что является электронным носителем информации. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации это понятие не раскрывает, и конкретного перечня носителей, подлежащих изъятию с участием специалиста, не дает. Согласно ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения»⁶, электронным носителем информации является материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники, включает в себя:

— оптические компакт-диски различных видов и форматов (CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW, BLU-RAY и т.д.);

— магнитные жесткие диски;

— карты памяти различных форматов;

— USB-флеш-накопители.

УПК РФ не приводит конкретного перечня электронных носителей информации, подлежащих изъятию с участием специалиста, поэтому считаем, что все устройства, которые потенциально могут выступить таким носителем, как-то мобильные телефоны, цифровые фотоаппараты, видеорегистраторы и тому подобные электронные устройства, также должны изыматься с участием специалиста.

Изложенное в данной статье позволяет сделать вывод, что расследование преступлений, совершенных с использованием криптовалюты, требует от сотрудника органов внутренних дел специальных знаний в различных сферах деятельности: экономической, финансовой, юридической. Учитывая, что такие преступления совершаются только с использованием компьютерной техники, необходимыми также являются познания в сфере

высоких технологий. Однако в настоящее время, как показывает практика, сотрудники органов внутренних дел не всегда обладают достаточными познаниями в указанной сфере. Поэтому считаем необходимым:

1) ввести соответствующий спецкурс при подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России по специальностям: «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность», так как криптовалюта способна эффективно выступать в качестве криминального финансового инструмента, можно спрогнозировать значительный рост в ближайшее время преступлений с ее использованием в различных сферах;

2) возложить на начальника органа дознания контроль за профессиональной компетентностью сотрудников, занимающихся расследованием преступлений, совершенных с использованием криптовалюты и иных высоких технологий, а также обязанность организации соответствующих курсов повышения квалификации для таких сотрудников.

Рассмотренные в данной статье аспекты проведения некоторых следственных действий при расследовании преступлений, связанных с использованием криптовалюты, и роль в организации этой деятельности начальников органов дознания отражают далеко не все проблемы в этой сфере, что, на наш взгляд, требует кардинальных изменений и в законодательстве, и в системе подготовки сотрудников правоохранительных органов. Сделанные в статье выводы и практические рекомендации могут быть использованы для дальнейших научных изысканий в этой сфере, а также в практической деятельности сотрудников органов внутренних дел при проведении соответствующих следственных действий при расследовании уголовных дел данной категории.

Список литературы:

1. Климов Д. В. Расследование хищений, совершенных с использованием сети «Интернет»: учебное пособие. Нижний Новгород, 2017.
2. Кучеров И. И. Криптовалюта. Монография. М., 2018.
3. Ларина Е., Овчинский В. Криптовалюта: свет и тени // Наш современник. 2018. № 8.
4. Ниязбекова Ш. У., Черединов Е. В. Биткойн: история создания и развития. Российская экономика: взгляд в будущее: материалы IV Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2018. Ч. 2.
5. Пещеров А. И. Понятие и место криптовалюты в системе денежных средств. Юридическая мысль. 2016. Т. 95. № 3.
6. Хажиахметова Е. Ш. Криптовалюта — деньги XXI века. Новая наука: от идеи к результату. 2016. № 11-2.
7. Щербак Е. Е. Феномен криптовалют: опыт системного описания. Концепт. 2017. № 51.

⁶ ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения» // Электронный текст документа подготовлен АО «Кодекс» и сверен по: официальное издание М.: Стандарт-тинформ, 2014.

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в системе Следственного комитета Российской Федерации

З. З. ЛОЖИС,
соискатель
(Академия управления МВД России)
E-mail: 555426@mail.ru

Forensic Support of Crime Investigation in the System of the Investigative Committee of the Russian Federation

Z. Z. LOZHIS,
Applicant
(Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia)

УДК 343.98

В статье рассматриваются актуальные вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации на примере деятельности сотрудников Главного управления криминалистики (Криминалистического центра), применяющих самые современные технико-криминалистические средства, криминалистические учеты и базы данных. Важную роль в таком обеспечении играют экспертные подразделения Следственного комитета, которые в настоящее время находятся в стадии реформирования и дальнейшего развития.

Криминалистическое обеспечение расследования; Следственный комитет России; Главное управление криминалистики.

The article deals with topical issues of forensic support of crime investigation in the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation on the example of the activities of employees of the Main Department of criminalistics (Forensic center), using the most modern technical and forensic tools, forensic records and databases. An important role in this provision is played by the expert divisions of the Investigative Committee, which are currently under reform and further development.

Forensic support of the investigation; Investigative Committee of Russia; Main Department of Forensics.

На протяжении ряда лет вопросы криминалистического обеспечения процесса раскрытия и расследования преступлений находятся в центре внимания ученых-криминалистов и практиков. Известные ученые Р.С. Белкин и В. Г. Коломацкий содержание такого обеспечения определяют как систему трех компонентов:

1) криминалистическое образование — многоуровневое обучение использованию методов и средств криминалистики в практической деятельности и привитие обучающимся лицам не-

обходимых для такового использования умений и навыков;

2) криминалистические знания — это результат познания закономерностей объективной реальности в виде предлагаемых практике средств, методик и рекомендаций по борьбе с преступностью;

3) криминалистическая техника — это совокупность технических средств, необходимых для реализации криминалистических знаний и полученных в процессе криминалистического образования умений и навыков по обнаружению, собиранию, исследованию и использованию доказательственной информации в борьбе с преступностью [3].

По верному, на наш взгляд, замечанию А. Ф. Волинского, криминалистические знания, образование и технику необходимо, во-первых, сформировать, создать и разработать, а во-вторых, внедрять в практику раскрытия и расследования преступлений. «Криминалистическое обеспечение направлено на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к восприятию и внедрению в свою деятельность криминалистических методов, средств и рекомендаций», а криминалистическое сопровождение – организация эффективного их применения в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений» [1].

В связи с этим представляется, что криминалистическое обеспечение следственной деятельности может состоять из следующих направлений: технико-криминалистического, тактико-криминалистического и методико-криминалистического.

Остановимся на ряде результатов работы Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) (далее – ГУК) в 2019 г., которые во многом обеспечивались эффективным криминалистическим, в том числе технико-криминалистическим и экспертным обеспечением.

Сотрудниками ГУК осуществлено 877 командировок и выездов в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) для участия в следственных действиях, оказания практической и методической помощи в раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в условиях неочевидности, в том числе прошлых лет и в отношении несовершеннолетних, проведения поисковых работ, активизации памяти свидетелей и потерпевших, составления композиционных портретов подозреваемых, производства экспертиз.

В результате совместной работы сотрудников ГУК с территориальными следственными органами и иными ведомствами раскрыто 298 преступлений, из них тяжких и особо тяжких – 265, прошлых лет – 122; раскрыты 7 серий убийств, изнасилований и насильственных действий сексуального характера.

Безусловно, успех расследования тяжких и особо тяжких преступлений обеспечивает активное применение следователями-криминалистами криминалистических средств и техники.

На постоянной основе ими используются криминалистические источники света, нелинейные локаторы, гидролокаторы, металлодетекторы, георадары, оборудование для поиска, восстановления и извлечения удаленной информации из цифровых электронных устройств (аппаратно-программ-

ные комплексы UFED и «Мобильный криминалист»), а также для обработки больших массивов информации при анализе и обработке информации о телефонных соединениях (аппаратно-программный комплекс «Сегмент») и другая криминалистическая и специальная техника.

В настоящее время с развитием новейших информационных технологий появляется и потребность в криминалистическом обеспечении расследования новых видов преступлений. Можно согласиться с мнением Е. П. Ищенко, что «новые вызовы, исходящие от киберпреступности, настоятельно требуют поднятия криминалистического обеспечения следственных действий на современный уровень. Результативное участие экспертно-криминалистических подразделений ОВД и следователей-криминалистов СК России в обнаружении, фиксации, изъятии, предварительном экспертном исследовании электронных (цифровых) следов, остающихся в киберпространстве и изымаемых в ходе производства следственных действий, будет способствовать раскрытию и расследованию киберпреступлений, становящихся все более распространенными и изощренными, давая результаты современные судебные доказательства» [2].

Так, по уголовному делу об убийстве по найму в 2018 г. старшего следователя по особо важным делам управления МВД России на транспорте Шишкиной Е. А. в ходе осмотра акватории поймы реки в г. Красногорске Московской области при помощи средств металлопоиска обнаружено оружие преступления – пистолет. В общей сложности одним специалистом осмотрено более 100 цифровых объектов, в том числе 45 видеорегистраторов (объем видеозаписей составил более 300 терабайт). В результате выявлено примерно 11 300 автомобилей, из которых, по итогам кропотливой аналитической работы, установлены идентификационные номера автомашины, использованной непосредственным исполнителем преступления, а в дальнейшем установлен и также задержан его соучастник.

Другой пример. По уголовному делу, возбужденному по факту затопления буксировочного теплохода «Малахит» в море Лаптевых при проведении поиска места затопления судна благодаря грамотно выработанной методике и применению высокотехнологичного оборудования (гидролокатора, магнитометра и иной криминалистической техники) установлены точные координаты его нахождения на дне моря фактически спустя год после происшествия.

В настоящее время сохраняется тенденция к увеличению интенсивности использования технических возможностей по восстановлению и изъятию данных для получения информации при осмотре цифровых информационных носителей.

Специалистами ГУК принято участие в осмотре свыше 5 тысяч цифровых устройств и объектов, содержащих информацию в электронном виде, в том числе: компьютеров (в основном ноутбуки); мобильных телефонов; серверов; SIM-карт; флеш-накопителей; накопителей на жестких магнитных дисках; информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (облачных хранилищ), систем видеонаблюдения, видеорегистраторов, иных объектов.

Неуклонно растет спрос на работу специалистов по исследованию радиоэлектронной обстановки и комплексному анализу массивов информации о телефонных соединениях.

В качестве примера можно привести уголовное дело, возбужденное в 2017 г. СО по Заволжскому району г. Ульяновска СУ по Ульяновской области по ч. 1 ст. 105 УК РФ по факту безвестного исчезновения монтажника железобетонных конструкций, который, находясь на своем рабочем месте, выполнял обязанности бригадира звена по обслуживанию мостового перехода через р. Волгу («Президентский мост»). Позже труп потерпевшего был обнаружен на берегу р. Волги в Заволжском районе г. Ульяновска между двумя мостами. Специалистом ГУК проведена оценка радиоэлектронной обстановки по всей длине моста, проведен следственный эксперимент с применением манекена и в результате установлено место падения потерпевшего в реку.

Еще одним динамично развивающимся направлением является использование космической съемки при расследовании преступлений. По целому ряду уголовных дел данные дистанционного зондирования Земли, представленные ГУК, легли в основу обвинительных приговоров.

В порядке взаимодействия с Роскосмосом по четырем заявкам ГУК проведены оперативные (новые) съемки космическими аппаратами в связи с катастрофой воздушного судна в аэропорту Шереметьево, взрывом на заводе в г. Дзержинске Нижегородской области, проведением процессуальных проверок о ненадлежащей орнитологической обстановке в районах местонахождения аэродромов на территории Дальневосточного федерального округа.

Как и ранее, следствием наиболее востребованы материалы космической съемки при расследовании должностных, экономических и экологических преступлений, а также криминальных посягательств коррупционного характера.

Наряду с отмеченным большое внимание уделялось исследованию, улучшению (реконструкции) фото- и видеоизображений. Так, по

уголовному делу, возбужденному в декабре 2018 г. ГСУ по г. Москве по факту совершения развратных действий в отношении несовершеннолетней, подозреваемый показал, что развратные действия в отношении потерпевшей им совершены посредством социальной сети «ВКонтакте». Кроме того, подозреваемый пояснил, что общался еще примерно с 30 несовершеннолетними девочками, которых в ходе переписки склонял к изготовлению фото- и видеозаписей в обнаженном виде. Следователю с участием специалиста ГУК удалось восстановить удаленные и поврежденные данные с оборудования, изъятого у подозреваемого. Также проведено техническое улучшение фото- и видеоизображений, что способствовало установлению дополнительных эпизодов преступной деятельности указанного лица.

Заметную роль в раскрытии преступлений также играет деятельность психологов и специалистов по составлению субъективных рисованных и фотокомпозиционных портретов.

В рамках расследования свыше 300 уголовных дел и материалов проверок проведены различные мероприятия по активизации памяти специалистами-психологами; специалистами-художниками составлено свыше 160 субъективных портретов, а также нарисовано 27 субъективных портретов с целью воссоздания внешности неустановленных лиц по имеющимся фото- и видеоматериалам (в том числе посмертным).

К примеру, в ходе командировочного выезда в Ленинградскую область в апреле 2019 г. оказана практическая помощь в расследовании уголовного дела, возбужденного еще в 2000 г. по факту причинения гражданину А. трех пулевых ранений, от которых он скончался. Были проведены мероприятия по активизации памяти свидетелей с целью уточнения описания внешности лиц, причастных к совершению преступлений. С их слов был получен субъективный рисованный портрет одного из преступников, с использованием которого в дальнейшем среди фотографий подозреваемых было идентифицировано лицо, причастное к совершению преступления.

Активно развиваются новые направления психологического сопровождения следствия, такие как проведение комплексного психологического анализа материалов проверок и уголовных дел по преступлениям, связанным с половой неприкосновенностью несовершеннолетних, по результатам которого зачастую следователем принимается решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении (если речь идет о материалах проверок), а также оценивается достоверность и надежность показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших.

По предложению НИИ криминалистики ГУК в целях определения приоритетных направлений в осуществлении инновационной деятельности в областитехнико-криминалистическогоэкспертногообеспечениярасследованияпреступлений, а также импортозамещения криминалистической техники в СК России образован научно-технический совет.

Изучены возможности использования следователями-криминалистами мультиспектральной компактной аэросистемы на базе дрона класса ORION-DRON; проведена апробация многодиапазонного планшетного сканера, способного заменить видеоспектральный компаратор в территориальных экспертных подразделениях СК России; проводится апробация российских экспертных источников света, применяемых в целях поиска и изъятия контактных следов для последующего молекулярно-генетического исследования.

В рамках сотрудничества с Российской академией наук осуществляется работа по предоставлению в СК России на апробацию прибора — звуковизора, предназначенного для воспроизведения акустического изображения подводных объектов. Получены для апробации программные продукты (исследование отпечатков пальцев и ладоней), (портретная экспертиза) и устройство для восстановления информации с Flash-памяти.

Важную роль в раскрытии и расследовании преступлений играет использование следователями специальных знаний экспертов и специалистов. В настоящее время в СК России проводятся судебные экспертизы и исследования свыше 20 видов: техническая экспертиза документов; почерковедческая; портретная; психологическая; компьютерно-техническая; видеотехническая; медико-биологическая (молекулярно-генетическая); медико-криминалистическая; бухгалтерская; налоговая; фоноскопическая; лингвистическая; экологическая и др.

Немаловажное значение имеют судебные фоноскопические и лингвистические экспертизы, а также проводимые фоноскопические, компьютерно-технические, полиграфические исследования при сопровождении расследования уголовных дел.

Например, по уголовному делу, возбужденному в отношении руководителя общества с ограниченной ответственностью (ООО) «Вишнево-Вский», заместителя председателя Правительства — министра сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности Оренбургской области. В рамках расследования СУ по Орловской области уголовного дела, возбужденного в отношении трех лиц по факту незаконной организации и проведения азартных игр группой лиц по предварительному сговору. По

приведённым фактам были назначены фоноскопические экспертизы, результаты которых позволили установить информацию о распределении ролей внутри групп, подтвердить неоднократность совершения преступлений, установить связи внутри преступного сообщества и доказать причастность фигурантов уголовных дел к совершению преступлений.

Производство судебных компьютерно-технических и видеотехнических экспертиз обеспечивает формирование доказательственной базы по многим сложным уголовным делам.

Примером высококвалифицированной работы экспертов является их участие в расследовании уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, в рамках которого на экспертизу был предоставлен мобильный телефон в неисправном состоянии, с многочисленными внешними и внутренними повреждениями. В ходе предварительного расследования возникли предположения, что мобильный телефон был подменен и не принадлежал покончившей жизнь самоубийством несовершеннолетней, ранее по этому телефону в подразделении ЭКЦ МВД России была проведена компьютерная экспертиза, в ходе которой ответить на поставленные вопросы не представилось возможным.

Мобильный телефон был разобран и, хотя восстановить его работоспособность не представилось возможным, но применив специальную методику, эксперт ГУК установил один из двух номеров IMEI представленного мобильного телефона. Версия следствия о подмене изъятых телефона подтвердилась.

В отделе медико-биологических исследований по результатам проведенных ДНК-экспертиз установлено 65 лиц, причастных к совершению преступлений; а также — личности 25 неопознанных трупов. Значительное число генетических профилей неустановленных лиц, изъятых с предметов обстановки места происшествия, поставлено на ДНК-учет.

Следует отметить, что в прошедшем году в отделе медико-биологических исследований проведены две молекулярно-генетические экспертизы по новому направлению — установлению видовой принадлежности икры осетровых рыб. Производство данного вида экспертиз является высоко востребованным в следственных органах Дальневосточного федерального округа.

В 2019 г. принят Федеральный закон № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации», который закрепил фактически осуществ-

вляемые в Следственном комитете полномочия в сфересудебно-экспертной деятельности. Законом предусмотрено создание судебно-экспертного учреждения Следственного комитета, осуществляется его поэтапная реализация.

Активно пополняется и используется для раскрытия и расследования преступлений система ведомственных криминалистических учетов. Только за 2019 г. по учету следов рук с использованием аппаратно-программного комплекса «Папилон» СК России установлено 125 лиц, оставивших следы на местах совершения преступлений.

По результатам проведенных экспертиз в формируемый ДНК-учет СК России введено и проверено свыше 50 тыс. генетических профилей. В результате проверок по ДНК-учетам установлена принадлежность следов 362 лиц по 397 преступлениям.

На постоянной основе обрабатываются сведения по учету нераскрытых преступлений в системе «Глухарь», поступающие из территориальных следственных органов СК России согласно приказу Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 11.08.2011 № 123 «О централизованном учете в системе Следственного комитета Российской Федерации нераскрытых убийств, других тяжких и особо тяжких преступлений против личности».

Большое значение для эффективного расследования преступлений имеет не только технико-криминалистическое и экспертное

сопровождение следствия, но и его методико-криминалистическое обеспечение. Оно заключается как в оказании помощи в раскрытии конкретных преступлений с выездом в регионы, так и в подготовке разноплановых информационно-аналитических материалов, направленных на совершенствование практики расследований преступлений. Так, сотрудниками методико-криминалистического управления ГУК в 2019 г. осуществлено 134 выездов в служебные командировки для оказания практической помощи в организации расследования и криминалистического сопровождения следствия по тяжким и особо тяжким преступлениям против личности, вызвавшим широкий общественный резонанс, подготовлено свыше 140 информационно-аналитических материалов.

Кроме того, созданным в структуре ГУК управлением научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательским институтом криминалистики) уже на протяжении двух лет активно осуществляется научное обеспечение криминалистической и судебно-экспертной деятельности Следственного комитета России.

Таким образом, Главным управлением криминалистики (Криминалистическим центром) успешно обеспечивается реализация целей и задач, поставленных руководством Следственного комитета Российской Федерации и нашего государства, вносится существенный вклад в

Список литературы:

1. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение и криминалистическое сопровождение как элементы организации расследования преступлений // Криминалистическое сопровождение расследования преступлений: проблемы и пути их решения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И.Ф. Крылова (Москва, 19 февраля 2016). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016.
2. Ищенко Е. П. Криминалистическое обеспечение следственных действий, проводимых в киберпространстве // Проблемы современной криминалистики и судебной экспертизы: тезисы докладов республиканской научно-практической конференции (Минск, 26 мая 2016 года). Минск, 2016.
3. Кустов А. М. Криминалистическое обеспечение деятельности дознавателя и следственной деятельности // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы [Электронный ресурс]: сборник материалов международной научно-практической конференции. М., 2017.

К вопросу квалификации преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

И. В. ОСИПОВ,
старший преподаватель кафедры организации огневой и физической подготовки
(Академия управления МВД России)
E-mail: iosifospov782@gmail.com

On The Issue of Qualification of Economic Crimes Committed Using Information and Telecommunications Networks

I. V. OSIPOV
senior lecturer of the Department of OO and FP
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.7

В статье идет речь о проблемных вопросах квалификации преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и предлагаются пути их решения.

Преступления в сфере экономики; информационно-телекоммуникационные сети; мошенничества; кражи.

The article deals with problematic issues of qualification of crimes in the sphere of economy committed using information and telecommunications networks, and suggests ways to solve them.

Crimes in the sphere of economy; information and telecommunication networks; fraud; identity theft.

Экономика Российской Федерации в настоящее время переживает сложный период. Финансово-экономические санкции со стороны США и ряда Европейских стран, колебание конъюнктуры мировых финансовых и товарных рынков, снижение цен на энергоресурсы и изменение структуры мирового спроса на них, высокий уровень криминализации экономической сферы, значительная доля теневой экономики и наметившаяся тенденция снижения доли зарубежных инвестиций в реальный сектор российской экономики негативно сказываются на ее общем состоянии и темпах роста, который по итогам истекших периодов ниже общемировых показателей, что, несомненно, отражается на уровне доходов граждан и их в жизни в целом.

Президент Российской Федерации, неоднократно обращая внимание на это, в своем Послании Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. подчеркнул необходимость создания на устойчивом макро-

экономическом фундаменте условий для существенного повышения реальных доходов граждан за счет структурных изменений в национальной экономике и повышения ее эффективности, в частности, увеличения в 2021 г. темпов роста валового внутреннего продукта России до уровня, выше общемировых, посредством запуска нового инвестиционного цикла, обеспечивающего ежегодный прирост инвестиций на 5 %¹.

Поставленные перед Правительством Российской Федерации задачи по достижению инвестиционной привлекательности национальной экономики могут быть реализованы применением комплекса мер, не только финансово-экономических, обеспечивающих выгодность инвестиционных вложений, но и по наведению в ней правового порядка, в том числе создание условий защищенности прав

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 года. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 09.04.2020).

инвесторов и инвестиций, собственности за счет эффективного функционирования всех механизмов государственно-правового регулирования, включая крайние – меры уголовной ответственности.

Однако состояние реализации мер уголовно-правового воздействия не в полной мере соответствует насущно предъявляемым требованиям, перечисленным выше. По-прежнему остается высоким уровень криминализации экономической сферы, и преступность представляет реальную внутреннюю угрозу отечественной экономике.

В век IP-технологий в условиях цифровизации национальной экономики наиболее серьезную ей опасность представляют киберпреступления. Состояние противодействия указанным преступлениям свидетельствует о невысоких показателях в данном направлении, что говорит о неспособности принимаемых органами государственной власти мер в полной мере обеспечить защиту объектов уголовно-правовой охраны. Официальная оценка потерь рынка России от киберпреступлений – примерно 5,5 млрд долларов [6].

Положение усугубляется тем, что на протяжении последних лет наметилась устойчивая негативная тенденция роста указанной преступности. Так, в 2019 г. доля зарегистрированных киберпреступлений увеличилась почти вдвое (с 8,8 % в 2018 г. до 14,5%), из которых было раскрыто только 22,2% [1]. Наиболее широкое распространение получили преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (157 036; 53,3 %), средств мобильной связи (116 154; 39,4 %), расчетных (пластиковых) карт (34 383; 11,7 %) и компьютерной техники (18 261; 6,2 %). В структуре этих преступлений преобладают преступления в сфере экономики, в частности, мошенничества (46,4 %) и кражи (33,5 %) [1].

Масштаб проникновения указанных преступлений в общественную жизнь является весьма колоссальным, это связано складывающимся характером экономических отношений, характеризующимся всеобъемлемостью и транснациональностью.

Преступники постоянно разрабатывают и совершенствуют схемы хищений, опережающих используемые степени защиты обеспечения сохранности денежных средств на банковских счетах и электронных денежных средств. Профессиональный уровень преступников постоянно совершенствуется, для маскиров-

ки своих противоправных действий все чаще используются подменные IP-адреса или программы, которые препятствуют адекватному реагированию правоохранительных органов, в том числе и уголовно-правовой оценке указанных преступлений.

Анализ правоприменительной практики показывает, что кражи и мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, как правило, совершаются в отношении денежных средств, находящихся на банковских счетах, и электронных денежных средств. Вместе с тем, по прогнозу ВНИИ МВД России, в перспективе ожидается рост и числа мошенничеств, связанных с использованием при оказании государственных услуг и регистрации сделок и имущества с использованием электронной подписи [1].

Уголовно-правовая оценка краж и мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, проводится по общим и специальным нормативным правилам квалификации, содержащимся в уголовном законе. Кроме того, существуют ряд ненормативных правил квалификации рассматриваемых преступлений – акты толкования высшей судебной инстанции, которые представляют собой отдельные казуальные правила, определяющие частные случаи квалификации отдельных преступлений.

Тем не менее, несмотря на то, что подобные частные правила квалификации краж и мошенничеств существует весьма продолжительное время, до недавнего времени в вопросах квалификации указанных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, имелись неопределенности [2]. Так, при интервьюировании эксперты из числа работников органов предварительного следствия, непосредственно специализирующихся на расследовании киберпреступлений, в один голос отметили о существовавших ранее сложностях разграничения мошенничеств и краж, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, точку на которых поставило издание в 2017 г. нового Постановления Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о мошенничестве [3]. В данном постановлении высшая судебная инстанция дала разъяснения, которые представляют собой казуальные правила квалификации преступлений, предусмотренных ст. 158, 159, 159³, 159⁶ УК РФ, по определенным типизированным частным случаям. Наличие данных правил привнесло ясность в вопросах, касающихся разграничения мошенничеств и краж, совер-

шаемых контактным способом с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, средств мобильной связи, расчетных (пластиковых) карт и компьютерной техники, поскольку ранее обман, применяемый для облегчения совершения преступления, ввиду отсутствия соответствующих разъяснений, в большинстве случаев необоснованно расценивался как основной способ преступных действий, и действия виновных ошибочно квалифицировались как мошенничество.

Вместе с тем, казуальность данных разъяснений в некоторых случаях ограничивает субъектов квалификации в вопросах уголовно-правовой оценки исследуемых хищений, обязывая следовать их определенному порядку выбору той или иной правовой нормы. Так, чрезмерно ограничительно высшая судебная инстанция интерпретирует порядок выбора уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 159³ УК РФ, случаями совершения хищения только с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты. Такого рода толкование необоснованно сужает диспозицию ст. 159³ УК РФ в части, касающейся орудия (средства) совершения преступления, поскольку в соответствии с п. 19 ст. 3 Федерального закона «О национальной платежной системе», под электронными средствами платежа понимаются не только платежные карты, а также иные технические устройства, позволяющие перевод денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов².

Полагаем, подобная рассогласованность, безусловно, вносит некоторую неопределенность в вопросы квалификации исследуемых преступлений и никоим образом не способствует выработке единой общепризнанной правоприменительной практики. В условиях этого имеют место различные подходы к квалификации сходных по содержанию преступлений по ст. 159 или 159³ УК РФ в зависимости от используемого электронного средства платежа, подтверждением чему является сложившаяся правоприменительная практика.

Отмечается ряд проблемных вопросов в квалификации и краж, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, ранее при безвозмездном тайном изъятии де-

нежных средств с банковского счета либо электронных денежных средств квалификация краж, в случае отсутствия квалифицирующих признаков, осуществлялась по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Однако с внесением Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ в ч. 3 ст. 158 УК РФ п. «г», определяющего квалифицирующий признак как кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, подобные деяния стали квалифицироваться по вновь дополненному квалифицированному составу³. При этом квалифицированный состав преступления, предусмотренный п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в отличие от основного состава, не имеет формально определенного стоимостного критерия ущерба, который бы разграничивал уголовно-наказуемую кражу от мелкого хищения. В данном случае определение стоимостного порога уголовной ответственности отдано на откуп правоприменителя. В этой связи в процессе квалификации исследуемых преступлений при ущербе менее 2 500 рублей у правоприменителя возникает трудности отграничения таких хищений от малозначительных деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 14 УК РФ. В силу подобной оценочности ни в одном из регионов нашей страны не сложилась единообразная практика квалификации указанных краж. Такое положение дел, размывая границы криминализации краж, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, нарушает уголовно-правовые принципы законности и равенства всех перед законом, поскольку позволяет правоприменителю по своему усмотрению сходных ситуациях как привлечь уголовной ответственности, так и не привлекать.

Представляется, подобная правовая неопределенность в квалификации подлежит законодательной регламентации в той мере, в какой она будет соответствовать указанным выше уголовно-правовым принципам.

Актуализируют проблему квалификации хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, также недостаточная правовая неопределенность предмета преступления. Безусловно, когда рассматриваемые хищения совершаются способом создания поддельных электронных кошельков, фишинговых сайтов, финансовых пирамид в отношении электронных (безналичных) денежных средств, их квалификация каких-либо сложно-

² О национальной платежной системе: федер. закон Рос. Федерации от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ (ред. от 07.12.2011) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ // СЗРФ. 2003. № 18. Ст. 2581.

стей в исследуемом направлении не вызывает, поскольку указанный предмет преступления в достаточной мере регламентирован отраслями законодательства гражданского и уголовного права и дополнительно интерпретирован высшей судебной инстанцией. Однако, когда предметом преступления выступает криптовалюта, имеет место правовая неопределенность их статуса, что препятствует квалификации исследуемых преступлений и правильному применению уголовного закона.

Как правильно утверждает Э. Л. Сидоренко, от гражданско-правового определения виртуальной валюты напрямую зависит ее статус как предмета и средства преступного посягательства [7]. Тем не менее, гражданско-правовой статус криптовалют по настоящее время не определен, и данному явлению не придана правовая форма. Все дискуссии вокруг криптовалюты и усилия в данном направлении высших органов власти свелись на разработку проекта федерального закона «О цифровых финансовых активах», который не был принят [4]. В этой связи не совсем понятна сущность криптовалюты в российской экономической системе: является ли она валютой, платежным средством, товаром или иным имуществом?

Хотя криптовалюта не является на территории Российской Федерации законным средством платежа, отрицать факт ее существования невозможно, поскольку она проникла в сферы экономической жизни общества. От года к году все больше граждан обращаются к виртуальной валюте и имеют с ней непосредственное отношение. Появление криптовалюты и технологии блокчейн и активное их использование рядовыми гражданами обуславливают необходимость пересмотра подхода к определению отношений собственности и имущества. В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения А. С. Рубцовой о том, что в нынешних условиях уже невозможно отрицать существование «виртуального» имущества, обладающего всеми традиционными признаками, кроме вещиности [5].

Правовая регламентация цифрового (виртуального) имущества, безусловно, позволит снизить до допустимого уровня уголовно-правовые риски использования современных цифровых технологий и эффективно применять меры уголовно-правовой защиты объектов собственности, в том числе посредством реализации мер уголовной ответственности. Иными словами, противоречивая правовая ситуация будет сведена к минимуму, что в свою очередь эффективно скажется на состоянии применения адекватных мер уголовно-правового реагирования за счет

полной, единообразной и правильной квалификации хищений, совершаемых в отношении криптовалют. Однако в настоящее время, как показывает анализ правоприменительной практики, в условиях описываемой правовой неопределенности в подавляющей части хищений в возбуждении уголовного дела отказывается, так как предмет преступления не соответствует традиционному его вещному пониманию.

Наряду с хищениями следует отметить аналогичные проблемы в квалификации иных преступлений в сфере экономики. Чрезмерно высокий криминальный потенциал криптовалют усматривается в вымогательствах, легализации доходов, добытых преступным путем, незаконной банковской деятельности и незаконном выводе активов за рубеж. Отмечаются единичные факты возбуждения подобных уголовных дел. Все это новые вызовы стабильности национальной экономической безопасности.

Резюмируя, следует сделать ряд следующих выводов и теоретических умозаключений.

Предусмотренные отечественным законодательством механизмы уголовно-правовой защиты объектов в сфере экономики в целом позволяют обеспечить их охрану от преступных посягательств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Потенциал уголовно-правовых мер защиты в данном направлении обусловлен совершенством юридической техники конструирования составов преступлений в сфере экономики, что позволяет достаточно эффективно реализовать меры уголовной ответственности посредством квалификации соответствующих преступлений.

Квалификация преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, проводится по общим и специальным нормативным правилам квалификации. Определяющее значение в процессе их квалификации имеют также ненормативные правила квалификации в виде Постановлений Пленума Верховного Суда, которые представляют собой казуальные разъяснения в вопросах уголовно-правовой оценки исследуемых преступлений по обобщенным определенным частным случаям. В настоящее время с учетом складывающейся неоднозначной судебной практики назрела необходимость дополнения этих ненормативных правил квалификации разъяснениями высшей судебной инстанции, касающимися вопросов определения электронных платежных систем для целей ст.

159³ УК РФ и разграничения краж с ущербом менее 2 500 руб., предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, от малозначительных деяний в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Уголовно-правовые риски внедрения в общественную экономическую жизнь граждан России криптовалют для эффективной реализации уголовно-правовых механизмов защиты

прав собственности обуславливает необходимость признания существования цифрового (виртуального) имущества и определения им правового статуса. Гражданско-правовая регламентация криптовалют определит их статус в качестве предмета преступления и тем самым обеспечит работоспособность ряда уголовно-правовых норм в сфере экономики в

Список литературы:

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития: аналитический обзор / ВНИИ МВД России. М., 2020.
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // Российская газета. 12 января 2008.
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Российская газета. 11 декабря 2017.
4. О цифровых финансовых активах: проект федерального закона. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810&page_id=2104&popup=Y&area_id=4 (дата обращения: 14.04.2020).
5. Рубцова А. С. Криптовалюты: предмет и средство совершения преступления // Вестник университета им. О. Е. Кутафина.
6. Сбербанк выступил экспертом в программе борьбы с киберпреступностью в РФ // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/business/503390> (дата обращения 22.05.2019 г.).
7. Сидоренко Э. Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2.

Особенности фиксации цифровых следов в ходе проведения следственного осмотра

А. Ю. САМОЙЛОВ,
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский юридический институт МВД России)
E-mail: som78@yandex.u

Features of Digital Traces Fixation during the Investigation

A. Y. SAMOILOV,
Candidate of jurisprudence, associate professor,
Associate Professor of criminology,
(Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

УДК 343.982.43

В статье рассматриваются общие правила производства осмотра компьютерной техники и электронных документов, а также проблемные вопросы проведения осмотра компьютерной техники и электронных документов при расследовании различных категорий преступлений.

Следственный осмотр; электронно-цифровой след; электронный документ; компьютерная информация.

The article deals with the General rules of inspection of computer equipment and electronic documents, as well as problematic issues of inspection of computer equipment and electronic documents in the investigation of various categories of crimes.

Investigative inspection; digital footprint; electronic document; computer information.

Ученые, работающие в области уголовно-процессуального законодательства, в своих дискуссиях, касающихся производства следственных действий, уделяют особое внимание осмотру места происшествия, поскольку без него невозможно представить досудебное производство по уголовному делу по любой категории преступлений. Значимость осмотра места происшествия можно выделить исходя из ч. 2 ст. 176 УПК РФ, где указано, что данное следственное действие разрешено производить до возбуждения уголовного дела, поскольку без осмотра следователю или дознавателю трудно оценить всю объективную сторону произошедшего преступного события. Кроме того, хотелось бы отметить, что только качественный и своевременный осмотр места происшествия позволит следователю установить сущность произошедшего преступного события, получить сведения о личности потерпевшего и преступника, о способе слеодообразования и т. д.

Вопрос о производстве осмотра места происшествия до настоящего времени остается поводом для обсуждений, потому что несоблюдение определенных в уголовно-процессуальном законодательстве правил и условий производства осмотра места происшествия приведет к тому, что все доказательства, полученные в ходе данного следственного действия, могут быть признаны недопустимыми и не будут иметь никакого значения для уголовного дела. Исходя из этого, можно отметить, что для максимально эффективного производства осмотра места происшествия следователю необходимо четко знать как фактические, так и юридические основания, условия, правила и порядок производства осмотра места происшествия. Знаниями о процессуальном порядке производства осмотра места происшествия должны обладать также и другие участники уголовного судопроизводства, к примеру, лица, в чьих помещениях будет проводиться осмотр места происшествия, что позволит соблюдать принцип законности, и в данном случае

сомнения по поводу юридической силы будут отсутствовать.

Одним из видов материальных следов являются электронно-цифровые следы. Особенностью данной категории следов является то, что они находятся на электронных носителях информации, передаются по проводным каналам связи или радиоканалам в виде электромагнитных сигналов. Также хотелось бы отметить, что они не обладают такими свойствами, как геометрическая форма, цвет, масса, запах и т. д. Электромагнитные сигналы могут быть уловлены и записаны на носители информации, в результате чего происходит их отражение в виде цифровых следов. При проведении осмотра описываются выявленные электронно-цифровые следы преступления, что достигается за счет изучения содержания электронных документов, а не материального носителя.

Выделим группы следов рассматриваемой категории преступлений, которые могут быть обнаружены в ходе производства осмотра места происшествия:

1. Материальные: следы пальцев рук, следы, указывающие на применение различных инструментов, следы, подтверждающие факт вмешательства в компьютерную технику (установка дополнительных микросхем и т. д.).

2. Электронно-цифровые следы, важность которых заключается в том, что они содержат основную информацию о способе совершения преступного деяния. К таким следам относятся: электронные документы (например, лог-файлы журналов и отчетов операционной системы и иных программ); файлы программного обеспечения, используемого преступниками для осуществления сканирования, декодирования, модификации, копирования, записи и хранения информации; данные телекоммуникационных сервисов, мессенджеров, приложений «VoIP» (интернет-телефонии) и т. д. [1].

В ходе осмотра места происшествия следователя, как правило, интересует информация, хранящаяся на каком-либо материальном носителе информации (в смартфоне и др). Из этого следует, что один носитель информации, интересующий следователя, включает в себе два вида следов: с одной стороны, это материальные следы, а с другой — электронно-цифровые следы. В данном случае такое техническое устройство, исходя из норм уголовно-процессуального законодательства, будет являться вещественным доказательством, а электронная информация будет приобретать такой вид доказательства, как электронное доказательство, основанное на электронных документах. В некоторых случаях в ходе осмотра места происшествия возника-

ет ситуация, когда лицу, у которого изымается необходимая для расследования преступления электронная информация, она необходима для продолжения его работы, и в этом случае законодатель предоставляет следователю право по осуществлению копирования данной информации (п. 9.1 ст. 182 УПК РФ).

На практике зачастую перед следователем возникают трудности, связанные с тем, что информация, необходимая для расследования преступления, является труднодоступной для производства осмотра (например, она может находиться на удаленном сервере в сети Интернет). Доступ к такой информации осуществляется по идентификационным данным, получение которых вызывает ряд организационных и технических сложностей, и, не имея определенных познаний в этой области, невозможно обойтись без помощи специалиста и консультанта [4].

При производстве осмотра места происшествия в некоторых случаях следователь не просто описывает увиденное на экране монитора, но и осуществляет открытие и осмотр каталогов, файлов, программ и иной информации в компьютерном устройстве, а также может провести простые диагностические действия, если он обладает техническими познаниями, в противном случае эти действия может выполнять специалист, участвующий в осмотре места происшествия. Но для принятия такого решения следователю необходимо подумать о том, стоит ли выполнять эти действия в ходе осмотра. Ведь на сегодняшний день следственной практике известны случаи, когда при открытии одного файла, вся информация автоматически стирается или для выполнения отдельных действий с информацией могут потребоваться пароли. Что касается пароля, то согласно ч. 6 ст. 177 УПК РФ при осмотре места происшествия в помещении организации обязан присутствовать администратор, который должен сообщить пароли в интересах расследования уголовного дела, в противном случае делается соответствующая запись в протоколе осмотра места происшествия. Считаем правильным утверждение, что подробный осмотр информации, содержащейся в компьютере, внесение изменений в нее и тем самым в осматриваемый объект правильнее производить в ходе другого следственного действия — обыска [2]. Это связано с тем, что уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации разрешает при производстве обыска вносить необходимые изменения в техническое устройство, что при осмотре места происшествия делать запрещено, также отметим, что все действия должны быть сделаны специалистом либо под его руководством. При работе с

информацией, хранящейся на компьютере, это долгий процесс, тем самым в подобных ситуациях, исходя из эффективности и рациональности, следователь производит выемку данного технического устройства, о чем делается соответствующая запись в протоколе осмотра места происшествия (ч. 3 ст. 177 УПК РФ). Нельзя забывать о том, что во время производства осмотра места происшествия все действия подлежат фиксации, т. е. должны быть зафиксированы все изменения, происходящие внутри технического устройства.

Исходя из анализа следственной практики, распространены случаи, когда в ходе осмотра места происшествия имеющая интерес для уголовного дела информация, хранящаяся на технических устройствах, была удалена с помощью специальных программ, а ее восстановление весьма проблематично. Заниматься вопросом восстановления необходимо после осмотра места происшествия, фиксируя произошедшее в протоколе и изымая данное техническое устройство, соблюдая правила уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

На сегодняшний день существует понятие «облачное хранилище», которое хранит в себе различные файлы с интересующей следователя информацией. Осмотр такой компьютерной информации иногда оформляется как осмотр места происшествия, несмотря на то, что происходит в служебном кабинете следователя с использованием служебной компьютерной техники [3]. Такая практика вызывает опре-

деленные вопросы, так как виртуальное пространство среды, в которой происходило преступление, с имеющимися на нем следами не находится физически в кабинете, т. е. имеется несовпадение места происшествия и реального места осмотра. При возникновении таких случаев, на наш взгляд, следователь не допускает процессуальной ошибки, осуществляя свои действия в рамках осмотра места происшествия, так как сетевое виртуальное пространство едино. Как с теоретической, так и с практической стороны данное пространство будет являться местом происшествия, осмотр которого будет производиться с привлечением специалиста и использованием специальных технических устройств. Особенностью данного осмотра места происшествия будет являться то, что все действия и все явления подлежат фиксации, а для этого лучше использовать технические средства.

Подводя итоги рассмотрения особенностей проведения осмотра места происшествия по компьютерным преступлениям, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день, когда преступления, совершаемые с использованием компьютера, встречаются довольно часто, для повышения эффективности проведения данного следственного действия необходимо внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство РФ, которые будут способствовать повышению качества борьбы с данной категорией преступлений, в частности необходимо расширить полномочия следователя при производстве осмотра места происшествия.

Список литературы:

1. Вехов В. Б. О понятии, механизме образования классификации электронно-цифровых, оптических и магнитных следов // Криминалистика в системе правоприменения: материалы конференции. М., 2008.
2. Оконенко Р. И. К вопросу о правомерности осмотра компьютера как следственного действия // Адвокат. 2015. № 1.
3. Соловьев В. А., Тюньков Д. А., Шемякина А. К. Обнаружение следов использования сервиса облачного хранения данных Dropbox в операционных системах семейства Windows // Россия молодая: передовые технологии — в промышленность! 2015. № 2.
4. Хатунцев Н. А. О специальных знаниях, необходимых при исследовании компьютерных средств и систем // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 1.

Полицейская реформа Роберта Пила: причины и особенности

И. В. ВАЖЕНИНА,
старший преподаватель кафедры
организации деятельности органов внутренних дел
центра командно-штабных учений
(Академия управления МВД России)
E-mail: irina-mew@mail.ru

Robert Peel Police Reform: Causes and Features

I. V. VAZHENINA,
Senior Lecturer, Department of
Organization of the Activities
of the Internal Affairs Bodies of the
Center for CommandStaffTrainings
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 351.74:94(410)

Особенности формирования правоохранительных органов в зарубежных странах представляют научный и практический интерес для совершенствования Российской правоохранительной системы. В Великобритании на протяжении длительного времени не было полиции, постоянного штатного учреждения, которое бы отвечало за охрану общественного порядка и борьбу с преступностью. Проблема преодоления недоверия и опасения полиции со стороны общества как силы, способной и стремящейся вмешиваться в личную жизнь английских подданных, стояла наиболее остро в Великобритании в конце XVIII и начале XIX вв. В статье рассматриваются причины и особенности проведенной Р. Пилем полицейской реформы в Великобритании.

Великобритания; борьба с преступностью; полиция; реформа; правопорядок; безопасность.

The peculiarities of forming of law enforcement agencies in foreign countries are of scientific and practical interest for the improvement of the Russian law enforcement system. There has been no police force in the UK for a long time, a permanent full-time institution that would be responsible for policing and fighting crime. The problem of overcoming mistrust and the fear of the police by society as a force capable and willing to interfere in the privacy of English subjects was the most imminent in the UK in the late 18th and early 19th centuries. The article examines the causes and peculiarities of R. Peel's police reform in the UK.

The United Kingdom; fight against crime; the police; reform; law and order; security.

Исследователи истории Великобритании часто утверждают, что до 1829 г. система охраны общественного порядка в Англии была крайне неэффективна, при этом как-бы не замечая, что в течение XVIII и начале XIX вв. в ней произошли значительные улучшения. После того, как грабежи и разбои захлестнули окрестности Лондона, власти были вынуждены принять ряд действенных мер. По инициативе магистрата с Боу-стрит Г. Филдинга были созданы и достаточно эффективно действовали пешие и конные патрули; проведено

реформирование магистратов и муниципальной полиции (Закон о судьях Мидлсекса 1792 г.), что свидетельствует о возрастании активной роли государства в борьбе с преступностью уже в XVIII в. Однако в историю Великобритании вошел именно Роберт Пиль, который будучи на посту министра внутренних дел, сумел убедить парламент в необходимости создания профессиональной полицейской организации для борьбы с преступностью и массовыми беспорядками.

Вступив на должность в 1822 г., сэр Роберт Пиль оставался министром внутренних дел (за исключением 1827 г.) до 1830 г., пока у власти находилась партия Тори. Уже имея опыт по созданию полицейских учреждений в Ирландии («Силы по поддержанию мира» – будущая Ирландская королевская полиция), Р. Пиль с первого дня своего пребывания на посту министра заявил о необходимости реорганизации полиции в Лондоне [1].

Ряд историков небезосновательно отмечают, что к началу XIX в. в стране возникли серьезные проблемы при противодействии преступности, охране общественного порядка и соблюдении санитарных норм на улицах городов. Старая полицейская система явно не справлялась с существующими угрозами и характеризовалась как бесполезная и коррумпированная, полная пьяниц и дряхлых стариков, незаботящихся о порядке при выполнении своих обязанностей. В то же время неэффективность действующей системы полиции чрезмерно подчеркивалась сторонниками реформы. Пытаясь убедить парламент поддержать Закон о столичной полиции, Р. Пиль заявлял о произошедшем серьезном росте преступлений, но имеющаяся в то время статистика была неоднозначной.

Имеется несколько достаточно важных причин, по которым Р. Пиль настаивал на неотложности проведения реформы:

во-первых, вновь созданную единую силу – полицию, находящуюся под контролем правительства, можно было привлечь для обеспечения и поддержания общественного порядка без помощи армии, которую британцы ненавидели за ее жестокость при пресечении беспорядков;

во-вторых, единообразная система полиции распространялась на территорию всего мегаполиса и становилась независимой от возможностей и богатства приходов;

в-третьих, антисанитария и беспорядки на улицах городов в начале XIX в. вызвали беспокойство и серьезные претензии к власти у высших слоев общества.

У вновь созданной централизованной полиции была возможность устранить все выше названные причины, путем проведения единообразной политики в масштабах Лондона, а затем и всей страны.

Все же главной причиной, по которой парламент согласился принять проект закона о создании регулярной полиции, по нашему мнению, является то, что существующая частная охрана была не в состоянии решить важнейшие проблемы, волнующие общество и правительство (бунты и демонстрации, рост преступности, негативные последствия урбанизации, моральное разложение и деградация большей части населения).

Некоторые британские исследователи (А. Силвер, К. Эмсли, Р. Сторч, К. Сидмэн) приводят и другие причины, которые подтверждаются архивными данными и выводами исследований [2].

Сопrotивление реформам и попытки сохранения старой системы охраны правопорядка происходили переменным успехом. Например, ночной дозор довольно длительное время являлся достаточно эффективной формой охраны общественного порядка. Реформа Р. Пила в этой части была не столь революционной, как утверждали многие современники и некоторые историки. Так, создание новой полиции рационализировало и расширило практику дозора (например, использование участковых патрульных), но основные принципы полицейской деятельности при этом не были изменены.

Другие меры по охране правопорядка были менее успешны, а некоторые просто бесполезны. Например, закон «О констеблях округа» потерпел полный крах, так как полностью отсутствовала какая-либо последовательность и единообразие в расстановке сил и средств на всей территории Англии и Уэльса.

Одновременно возрастали опасения правительства по поводу стабильности сложившегося правопорядка и угрозы изменения политической системы в стране. Бунт лорда Гордона и последующая через несколько лет после него Великая французская революция значительно усилили эти опасения. После 1815 г. мощным катализатором тревожности стали «радикализация племса» [3], развитие чартистского движения, беспорядки в промышленных районах и рост влияния профсоюзов. Основной опасностью для правительства Великобритании был многочисленный рабочий класс, который отождествлялся с французскими санкюлотами.

Немаловажным фактом стало «появление в работах П. Колкхоуна и других аргумента о том, что «роскошь» и развитие городов привели к моральному разложению общества, и именно в этом разложении кроется причина политического брожения и резкого роста преступности» [3]. Данная аргументации не проводит различий между нравственной деградацией, отсутствием стабильности в обществе и растущей преступностью. Все эти явления воспринимаются как одно целое и оцениваются во взаимосвязи.

Смещение выше перечисленных проблем в английском обществе начала XIX в. требовало комплексных неотложных действий, которые не в состоянии была обеспечить существующая разрозненная система охраны правопорядка.

Все эти причины оправдали создание в первой трети XIX в. новой, профессиональной, единообразной, унифицированной полиции.

После долгих Парламентских дебатов, в результате работы Специального комитета по обсуждению проблем преступности, в 1829 г. Роберт Пиль с огромным трудом убедил парламент принять Закон «О столичной полиции». Закон был принят в июле 1829 г., но первые констебли вышли на улицы только в конце сентября следующего года.

Стоит отметить как Р. Пиль был осторожен в построении своего законопроекта. Новая столичная полиция не должна была обладать юрисдикцией над квадратной милей богатого и могущественного центра Лондона. Город чрезвычайно гордился своей независимостью и сопротивлялся любым попыткам унифицировать полицейское обеспечение Лондона. Даже сейчас лондонский Сити все еще имеет свою собственную независимую полицию.

Многие исследователи и историки отмечают, что решение о создании полиции было все-таки продиктовано страхом перед возможной революцией, которая с большой вероятностью могла последовать за бесчисленными восстаниями и бунтами, с трудом подавляемыми войсками. Посол России в Великобритании в конце XVIII – начале XIX вв. периодически в своих репортажах российским императорам Екатерине II, Павлу I и Александру I докладывал о бунтах и заговорах в Королевстве против английской конституции, прилагая секретные отчеты по расследованию деятельности выявленных политических обществ.

Интересно, что идея о создании централизованной полиции рассматривалась большинством подданных как деспотическая и континентальная (не английская). Подозревалось, что подполковник Роуэн, один из комиссаров, возглавлявших новую полицию, ветеран армии Веллингтона, стремился создать специализированное (военное) полицейское подразделение для жестокого подавления восстаний. Поэтому Р. Пиль и назначен-

ные комиссары сделали все возможное, чтобы вновь сформированная полиция не казалась военной. Для полицейской формы был выбран синий цвет, поскольку это отличало полицию от армии, у которой цвет формы был алым. До 1864 г. офицеры были обязаны носить цилиндры, чтобы иметь более гражданский вид. Хотя при пресечении беспорядков могли выдаваться абордажные сабли, а инспекторам разрешалось носить карманные пистолеты, единственным оружием, разрешенным полицейскому на его участке, была дубинка.

С момента создания полиции правительство Великобритании приняло комплекс организационно-правовых мер с целью повысить престиж полицейской службы. В первую очередь, чтобы завоевать доверие, внимание было обращено на взаимодействие полиции с населением. Созданный образ добродушного английского полицейского, который охраняет и защищает права «простого человека», помогает поддерживать идею о том, что государство и правительство действуют в интересах всех подданных, независимо от их имущественного и классового положения. Для поддержания такого общественного мнения о полиции в настоящее время необходима разносторонняя работа.

Федеральный Закон РФ «О полиции» определяет общественное мнение в качестве «важнейшего критерия оценки деятельности полиции». Задача отечественной полиции состоит не только в том, чтобы просто взаимодействовать с населением, но и активно формировать положительный образ полиции и «обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан». Эта задача относительно новая для нашей полиции, в отличие от полиции Великобритании, накопившей огромный опыт в этой сфере. Конечно же, он должен быть неавтоматически принимаемым, а проанализирован в контексте понимания истоков той или иной практики.

Список литературы:

1. David G. Barrie. Patrick Colquhoun, the Scottish Enlightenment and Police Reform in Glasgow in the Late Eighteenth Century. *Crime, Histoire & Socié t s / Crime, History & Societies*. Vol. 12. № 2. 2008.
2. Radzinowicz L. *A History of English Criminal Law and its Administration From 1750*. 4 vols. New York: Macmillan. 1948–1968.
3. Davies S. *The Private Provision of Police during the Eighteenth and Nineteenth Centuries // The Voluntary City: Choice, Community, and Civil Society / Ed. by D.T. Beito, P. Gordon, A. Tabarrok*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.

Понятийный аппарат, образующийся в деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан при чрезвычайных обстоятельствах социального характера

В. И. ПЬЯНИКОВ,

адъюнкт факультета научных и научно-педагогических кадров
(Академия управления МВД России)
E-mail: piano.88@mail.ru

Conceptual Apparatus Formed in the Activities of Internal Affairs Agencies of the Republic of Kazakhstan Under Emergency Social Circumstances

V. I. PYANNIKOV,

Listener of the Faculty of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343

Актуальность данной статьи заключается в изложении и правильной трактовке существующих понятий, используемых органами внутренних дел Республики Казахстан при чрезвычайных ситуациях социального характера. В статье исследуются особенности определения и классификации чрезвычайных ситуаций социального характера применительно к условиям деятельности органов внутренних дел. В частности, рассмотрено содержание нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел при чрезвычайных ситуациях, изучены мнения специалистов по рассматриваемым вопросам, охарактеризованы основные виды чрезвычайных ситуаций социального характера, на основе проведенного исследования предложено понятие особые условия применительно к Республике Казахстан.

Чрезвычайные ситуации; система правового регулирования деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных ситуациях; классификация чрезвычайных ситуаций; социальный характер; особые условия.

The relevance of this article lies in the presentation and correct interpretation of existing concepts formed in the activities of internal Affairs bodies of the Republic of Kazakhstan in emergency situations of a social nature. The article explores the features of defining and classifying social emergencies in relation to the conditions of activity of internal Affairs bodies. In particular, the content of legal acts regulating the activities of internal Affairs bodies in emergency situations is considered, the opinions of experts on the issues under consideration are indicated, the main types of social emergencies are described, the concept of special conditions is put forward in relation to the Republic of Kazakhstan.

Emergency situations; the system of legal regulation of the activity of law-enforcement bodies at extraordinary situations; classification of extraordinary situations; social character; special conditions

В современных условиях в целях правового закрепления достигнутых результатов реформирования органов внутренних дел Республики Казахстан (далее – ОВД РК) все более существенное значение приобретают вопросы четкого определения

элементов правового статуса сотрудника ОВД РК. В свете происходящих процессов подготовки и принятия нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы прохождения правоохранительной службы и отнесения к одному из субъектов, призванных осуществлять правоохра-

нительную деятельность ОВД, возрастает потребность в комплексном знании и полномочий, используемых должностными лицами при наступлении чрезвычайных ситуаций.

Без обеспечения национальной безопасности нельзя решить задачи, которые стоят перед государством, как на национальном, так и международном уровне. В связи с чем можно сделать вывод, что обеспечение безопасности при чрезвычайных ситуациях социального характера является неотъемлемой частью национальной безопасности Республики Казахстан. Ведь основой мирного сосуществования любого государства являются мир и согласие социума, защищенность населения от внутренних и внешних угроз, а также уровень и качество жизни.

Следует отметить, что с позиций научно-прикладного подхода эта проблема не является новой. В различное время ее разработкой занимались ученые и специалисты в области исследования актуальных вопросов, возникающих при чрезвычайных ситуациях, в том числе правовых и организационных её основ.

Среди российских ученых, занимавшихся изучением деятельности органов внутренних дел при различных осложнениях и угрозах, можно выделить работы А. Ф. Майдыкова, Д. В. Бесперстова, И. И. Василишина, А. Г. Елагина и другие.

Исследованием в этой сфере занимались и казахстанские учёные: Ж. М. Аманжолов, С. Е. Сахиев, Р. Р. Чукалова, Т. К. Токаев, Н. К. Абдуов, А. А. Ескендилов, которые рассматривали общетеоретические проблемы, касающиеся безопасности Республики Казахстан, ее исторические аспекты, совершенствования деятельности правоохранительных органов в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций. Однако в Республике Казахстан комплексного исследования вопросов правового и организационного обеспечения деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных ситуациях социального характера не проводилось.

Рассматривая теоретико-правовые основы деятельности ОВД при чрезвычайных ситуациях, следует учитывать, что ранее, в связи с отсутствием правового регулирования, различные авторы предлагали множество вариантов определений понятий «чрезвычайные ситуации» и «особые условия», исходя из личных взглядов на данную проблему.

Понятийный аппарат сформировался в процессе практической деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных ситуациях, определения были обобщены и сформулированы теорией и получили закрепление в зако-

дательных и ведомственных нормативных правовых актах. Принятие Законов Республики Казахстан: «Об органах внутренних дел», «О чрезвычайном положении», «О гражданской защите» придало им статус законодательных норм с соответствующим механизмом их соблюдения.

Система органов внутренних дел Республики Казахстан требует существенных изменений, в особенности деятельность при чрезвычайных ситуациях социального характера, ввиду большой значимости для обеспечения безопасности общества и государства, необходимости выработки эффективных механизмов ее обеспечения, поскольку человечество вступило в XXI в. в критериях конструктивной ломки системы миропорядка и нарастания интернациональных разноречивых веяний в отношениях.

В ежегодном послании к народу Казахстана о результатах работы органов внутренних дел первый Президент Казахстана Н. А. Назарбаев отметил, что «... нужны глубокие и качественные преобразования в работе правоохранительных органов» [1]. Указанное, на наш взгляд, имеет первоочередное значение в поддержании законности и правопорядка при чрезвычайных ситуациях социального характера в Республике Казахстан, так как обострение социальной обстановки может привести к подрыву суверенитета и национальной безопасности страны. Недопущение подобных проявлений является одной из основных задач органов внутренних дел.

Указом Президента Республики Казахстан от 21 апреля 2014 г. № 807 Внутренние войска МВД РК, которые до реорганизации не входили в единую систему органов внутренних дел, были преобразованы в Национальную гвардию Республики Казахстан.

Национальная гвардия Республики Казахстан – воинское формирование с правоохранительными функциями, входящее в единую систему ОВД РК и предназначенное для обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных и иных противоправных посягательств.

Ее основными задачами являются: совместное участие с ОВД РК в охране общественного порядка, пресечение массовых беспорядков, обеспечение общественной безопасности и правовых режимов чрезвычайного и военного положения, антитеррористическая операции, участие в ней, а также в мероприятиях по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и социального характера

Согласно п. 1 ст. 1 Закона Республики Казахстан «О чрезвычайном положении» «чрезвычайная ситуация социального характера – это ситуация, обусловленная возникновением на определенной территории противоречий и конфликтов в сфере социальных отношений, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, причинение вреда здоровью, значительный имущественный ущерб или нарушения условий жизнедеятельности населения»¹.

По нашему мнению, для более четкого формулирования проблем, возникающих в работе сотрудников ОВД РК при чрезвычайных ситуациях социального характера, необходимо на основе изучения нормативных правовых актов других государств и работ различных специалистов сформулировать более полное понятие чрезвычайной ситуации.

Так, российский законодатель определяет указанное понятие следующим образом: «чрезвычайная ситуация социального характера – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате возникновения опасных противоречий и конфликтов в сфере социальных отношений, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери или нарушение условий жизнедеятельности людей».

На первый взгляд указанные понятия в казахстанском и российском законе идентичны по смысловой нагрузке, но на наш взгляд, используемые термины «ситуация» и «обстановка» несколько различны. В своем толковом словаре С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова раскрывают эти понятия следующим образом: «Ситуация – это совокупность обстоятельств, положение, обстановка; обстановка – это положение, обстоятельства, условия существования кого-чего-нибудь» [5].

На наш взгляд, при точном определении понятия «чрезвычайная ситуация социального характера», следует применять термин «ситуация», так как оно включает в себя совокупность обстоятельств, которые неотвратимо возникают при чрезвычайных ситуациях любого характера (природные, техногенные, социальные и т. д.).

Мы разделяем точку зрения В. М. Савицкого, что от правильного употребления термина часто зависит «узнаваемость» всей директивы, заключенной в правовой норме. Напротив, присутствие в действующих законах множества различных терминологических единиц, совпада-

ющих по своему значению, вносит сумятицу в правоприменение [6].

В корне возникновения и развития чрезвычайной ситуации социального характера, по мнению подавляющего числа специалистов, лежат разногласия между слоями общества, назревающее недовольство политическим режимом, руководством страны, условиями жизни, разрывом основополагающих социальных связей (экономических, политических, межэтнических, конфессиональных), что приводит к негативным последствиям и вводу чрезвычайной ситуации, которая носит социальный характер. Главным образом это могут быть условия, связанные с безработицей, коррупцией, криминалом, массовыми беспорядками, терроризмом, продовольственными проблемами, социально-бытовой неустроенностью, национализмом и др. Длительное пребывание в таких условиях ведет к тяжелым последствиям, выражающимися в утомлении, депрессии, к попыткам избавиться от данного состояния непосредственным участием в митингах, несанкционированных шествиях и т. д.

Мы разделяем точку зрения В. М. Губанова, Л. А. Михайлова и В. П. Соломина [3], которые предлагают свою классификацию чрезвычайных ситуаций социального характера, однако, по нашему мнению, она нуждается в некоторой корректировке. В условиях применения для Казахстана причины возникновения чрезвычайных ситуаций социального характера необходимо отделить от продолжительности действия и спровоцированности конфликта, а также масштаб распространения от возможности распространения, так как, по нашему мнению, данные позиции должны разделяться друг от друга.

Полагаем, что представленное авторское видение классификации чрезвычайных ситуаций социального характера может быть в дальнейшем использовано при разработке нормативных правовых актов и использования в ведомственных учебных заведениях правоохранительных органов и специальных служб Республики Казахстан.

Анализируя труды российских ученых и выработанную ими классификацию чрезвычайных ситуаций социального характера, которая применяется в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, мы приходим к выводу о необходимости введения подобной классификации в казахстанское законодательство (законы, приказы).

Подобная классификация необходима для более полного, всестороннего определения ситуаций, возникающих в обществе, конкретизации тех обстоятельств, при которых необходим ввод подобного положе-

¹ О чрезвычайном положении: Закон Республики Казахстан от 8 февраля 2003 года № 387-ІІ.

ния, экономической целесообразности затраченных сил и бюджетных средств, а также оценке масштабов чрезвычайной ситуации, для целей выработки стратегии по скорейшему разрешению конфликтной ситуации с наименьшими потерями, как для органов внутренних дел, так и для общества, и государства в целом.

Действующее законодательство Республики Казахстан нуждается в определенных дополнениях и изменениях в части классификации чрезвычайных ситуаций социального характера. Ярким примером может служить факт, который имел место в селе Масанчи Кордайского района Жамбылской области Республики Казахстан.

Так, 07 февраля 2020 г. произошел межэтнический конфликт между лицами казахской и дунганской национальности, компактно расселенным в Кордайском районе Жамбылской области. Зона конфликта охватила территории Сортобинского, Аухаттинского, Каракемерского, Масанчинского, Карасуского и Карасайского сельских округов Кордайского района. В беспорядках, погромах и грабежах принимали участие до 1 000 человек, в результате конфликта погибли 11 человек, 185 человек обратились за медицинской помощью, свыше 23 тыс. жителей (в основном дунган) бежали на территорию соседней Киргизии, несколько тысяч дунган, из числа оставшихся в Казахстане, укрылись в мечетях, пограничных заставах. По официальным данным в результате конфликта было сожжено 39 жилых домов, 20 коммерческих объектов и 47 единиц автотранспорта; по предварительным данным материальный ущерб составил 1,7 млрд тенге. Всего пострадало 778 семей местных жителей. Официальной причиной конфликта изначально был объявлен бытовой конфликт, а затем причиной конфликта была названа борьба двух преступных группировок контрабандистов за передел сфер влияния в этом приграничном районе [2].

При этом, Аким Жамбылской области Аскар Мырзахметов распорядился ввести чрезвычайную ситуацию техногенного характера местного масштаба на территории конфликта с 21 ч. 00 мин. 8 февраля 2020 г., что, по нашему мнению, привело к несвоевременному реагированию органов внутренних дел по ликвидации конфликта, привело к гибели людей, увеличению имущественного вреда мирным гражданам, тем самым затронув интересы национальной безопасности, как Казахстана, так и соседней Киргизской Республики.

На наш взгляд, оценка ситуации в регионе дана в корне не верно, так как согласно казахстанскому законодательству чрезвычайные си-

туации техногенного характера – это ситуации, вызванные вредным воздействием опасных производственных факторов, транспортными и другими авариями, пожарами (взрывами), авариями с выбросами (угрозой выброса) сильнодействующих ядовитых, радиоактивных и биологически опасных веществ, внезапным обрушением зданий и сооружений, прорывами плотин, авариями на электроэнергетических и коммуникационных системах жизнеобеспечения, очистных сооружений².

Интересующая сфера деятельности ОВД РК особенно четко просматривается посредством обращения к соответствующим статистическим материалам и указаниям Комитета по чрезвычайным ситуациям Министерства внутренних дел Республики Казахстан, где зарегистрировано за 2019 г. 15 821 чрезвычайных ситуаций и происшествий природного и техногенного характера, в которых пострадали 2 759 человек, в том числе, 573 человек погибло. Материальный ущерб составил 3 млрд 456 млн. 848 тыс. тенге. Вышеперечисленные статистические сведения, указывают на актуальность проводимого нами исследования в сфере деятельности ОВД РК при чрезвычайных ситуациях социального характера.

При исследовании деятельности ОВД при чрезвычайных ситуациях, российские ученые применяют термин «особые условия», как повышенную по степени опасности для жизни и здоровья людей, угрожающую сохранности материальных и культурных ценностей, обстановку, вызываемую явлениями природного, биологического, социального и технического характера, требующую от органов внутренних дел для ее нормализации специальных организационных, правовых мер, соответствующего ресурсного обеспечения [4].

В казахстанском законодательстве понятие режим «особых условий» используется применительно к учреждениям уголовно - исполнительной системы приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 14 августа 2014 г. № 510 «Обутверждении Правил ввода режима особых условий в учреждениях уголовно - исполнительной системы», однако разъяснения понятия нигде не изложено.

Так, в пунктах 2 и 35 ст. 2 Закона Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» выработаны общетеоретические основные положения режима особых условий.

² О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ.

Согласно п. 2 в период действия военного или чрезвычайного положения, проведения антитеррористической операции, в условиях вооруженного конфликта, при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций допускается привлечение сотрудников органов внутренних дел, к выполнению возложенных на них обязанностей:

- в отрыве от пункта постоянной дислокации;
- изменение режима служебного времени;
- возложение на них дополнительных обязанностей;
- командирование в другую местность;
- временный перевод в другое подразделение без изменения характера службы;
- установление иных особых условий и дополнительных ограничений без согласия сотрудника.

Согласно п. 35 вышеназванного приказа «Временно ограничиваются или запрещаются движение транспортных средств, не допускаются граждане на территорию учреждения уголовно-исполнительной системы и прилегающую к нему территорию или обязывают их остаться либо покинуть ее при введении режима особых условий» .

Список литературы:

1. Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни: Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. 6 октября 2018 г. URL: www.akorda.kz (дата обращения: 17.02.2020).
2. Чрезвычайную ситуацию объявили в Кордайском районе // Tengrinews.kz. URL: <https://tengrinews.kz/news/chrezvyichaynuysituatsiyu-obyavili-v-kordayskom-raione-390964/> (дата обращения: 12.03.2020).
3. Губанов В. М., Михайлов Л. А., Соломин В. П. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них: учеб. пособие. 2007 г.
4. Майдыков А. Ф. Предмет, задачи и система курса управления органом внутренних дел в экстремальных условиях. М., 1989.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., М., 1997.
6. Савицкий В. М. Язык процессуального закона. // Вопросы терминологии: Юридическая литература. М., 1987.

Система противодействия идеологии экстремизма и терроризма в современной Российской Федерации

А. Л. АНИСИН,

профессор кафедры теории и методологии
государственного управления,
доктор философских наук, доцент
(Академия управления МВД России)
E-mail: anisin@bk.ru

Д. В. БОРТНИКОВ,

слушатель факультета
подготовки руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России
(Академия управления МВД России)
E-mail: bortnd@gmail.com

The System of Counteracting the Ideology of Extremism and Terrorism in the Modern Russian Federation

A. L. ANISIN,

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor at the Department of Theory and Methodology of Government
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia).

D. V. BORTNIKOV,

Listener of the Faculty
Training Chiefs (Heads) of the Territorial Bodies
of the Ministry of the Interior of Russia
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia).

УДК 351.752.16:[32.019.57+323.28]

Статья посвящена идеологическому аспекту борьбы с экстремизмом. Подчеркнута необходимость формирования комплексной системы противодействия идеологии экстремизма и интеграции ее в образовательный процесс вузов, а также подготовки и реализации программ дополнительного профессионального образования для профессорско-преподавательского состава по вопросам противодействия идеологии экстремизма. Рассматривается перспектива создания в вузах Центров противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

Идеология экстремизма; идеология терроризма; национальная безопасность; профилактика экстремизма; профилактика терроризма.

The article focuses on the ideological aspect of the fight against extremism. The need to create an integrated system to counter the ideology of extremism and its integration into the educational process of universities, as well as the preparation and implementation of additional professional education programs for faculty on issues of countering the ideology of extremism was emphasized. The prospect of creating Centers for Counteracting the Ideology of Extremism and Terrorism in Universities is being considered.

Extremism ideology; terrorism ideology; national security; extremism prevention; terrorism prevention.

Экстремистские идеологии и террористическая деятельность являются в современном мире глобальными угрозами первостепенной значимости. При этом с полным правом можно сказать, что Российская Федерация является лидером в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом. В то же время вполне очевидно, что если бы эффективное противодействие этим угрозам было уже налажено должным образом, то не пришлось бы и говорить о их наличии. Пресечение деятельности террористических организаций по линии спецслужб имеет серьезные успехи, но вот в профилактике экстремистских проявлений, особенно в противодействии распространению экстремистских идеологий, до сих пор остается много нерешенных задач. Между тем современные информационные технологии в полной мере используются адептами экстремистских идей для пропаганды своих взглядов и привлечения новых сторонников, таким образом актуальность выстраивания системы противодействия идеологии экстремизма определена для нас самой жизнью.

Говоря о преступной сущности обсуждаемых явлений, специалисты дают следующие определения:

1. Экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) – это приверженность к крайностям во взглядах, оценках и позициях, к крайним средствам достижения поставленных целей в деятельности как отдельных лиц, так и социальных групп, связанных национальными, политическими, религиозными или иными идеями.

2. Терроризм (от лат. *terror* – страх ужас) – это особая форма проявления экстремизма, предполагающая использование запугивания общества, создание в общественном сознании атмосферы страха для достижения каких-либо целей (обычно политического характера). Данное явление представляет серьезную угрозу стабильности общества и государства [8].

Вопросы противодействия идеологии экстремизма и терроризма привлекают внимание научного сообщества и находят свое отражение в монографиях, материалах научных конференций, учебных пособиях [1, 2, 6, 10, 11].

За последнее десятилетие в нашей стране создана обширная законодательная база для противодействия террористической и экстремистской деятельности, а также накоплен богатый практический опыт в этой сфере. Говоря об этой законодательной базе, следует прежде всего указать на Конституцию Российской Федерации, а также на общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные

конституционные законы, кроме того, специально и более предметно эти вопросы регламентируются федеральными законами «О противодействии экстремистской деятельности» и «О противодействии терроризму», Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации¹, Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года², указом президента «О мерах по противодействию терроризму»³, а также другими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, противодействие угрозам экстремистского и террористического характера относится к числу важнейших приоритетов обеспечения государственной и общественной безопасности, и немалая роль при этом отводится совершенствованию правовой базы. Именно в связи с этим не так давно приняты дополнительные меры по противодействию терроризму. Так, в 2016 г. расширен перечень составов преступлений, ответственность за совершение которых наступает с 14 лет (новая редакция ст. 20 УК РФ), а также внесены поправки в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Однако, как было сказано выше, большее значение имеет профилактика преступных действий террористического характера и противодействие экстремистской идеологии. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. это понятие определено следующим образом: «...»идеология экстремизма (экстремистская идеология)» – система взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов»⁴.

Первостепенная значимость идеологического аспекта подчеркивается и в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации: первым направлением противодействия терроризму названо его предупреждение (профилактика)

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

² О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 № 683) // МЧС России. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2933>.

⁴ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.) // МЧС России. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2939>.

тика) (ст. 12), а первым направлением профилактики — идеологическое противодействие (ст. 13)⁵.

Главной целью системы противодействия экстремистским идеологиям является снижение уровня вовлечения в террористическую деятельность различных групп населения, в основном молодежи. Очевидно, что в силу возрастных особенностей психики и еще не полной сформированности социальных статусов молодые люди представляют собой удобный объект для применения манипулятивных технологий обработки сознания. Важным фактором, облегчающим вербовку молодежи, является ее глубокая вовлеченность в потребление информации через современные коммуникационные технологии, включая Интернет и социальные сети. Анонимность и использование псевдонимов, широкое применение технологий трансляции информации через множество формально друг с другом не связанных аккаунтов, — существенные черты современного интернет-пространства. Эти технические возможности открывают небывалые перспективы для воздействия на сознание как вербальным, так и невербальным образом. При этом, как и всегда, разрушительная деятельность имеет гораздо более быстрый успех, чем созидательная.

Система противодействия манипулятивным методам распространения экстремистской идеологии должна учитывать все эти факторы и работать, во-первых, адресно, а во-вторых, — на упреждение. Молодежь не представляет собой монолитной социальной группы, она существенно отличается и по уровню образования, и по интересам, и по психологическим типам. В системе образования необходимо формировать методологию и методики просветительской и воспитательной работы на каждом уровне образования, начиная, как минимум, с младших классов школы, и преемственно доводя эту работу до студенческой среды. При этом конкретные методики идейного противодействия экстремистским идеологиям должны учитывать профиль обучения студентов⁶.

В настоящее время можно констатировать, что определенные позитивные наработки в этом направлении имеются, однако до формирования целостного и комплексного подхода еще далеко. Так, например, вопросы противодействия экстремистским идеологиям предусмотрены в на-

стоящее время далеко не во всех программах высшего профессионального образования. Наиболее логично включать их в методические материалы по дисциплине «Основы безопасности жизнедеятельности», однако во многих учебниках и учебных пособиях с этим наименованием соответствующие темы пока отсутствуют. Часто подобные разделы пишутся «по шаблону» и в результате имеет место несоответствие предлагаемого материала и методик его подачи психосоциальным особенностям обучающихся.

Разработка и реализация антиэкстремистских компонентов образовательных программ невозможно, конечно, без качественной подготовки преподавателей. Тема сущности экстремистских идеологий и методов противодействия им является новой и малоизученной не только для старшего поколения школьных педагогов и вузовских работников, но и для более молодых преподавателей. В этой связи остро встает вопрос организации их обучения по программам повышения квалификации и профессиональной переподготовки для широкого круга профессорско-преподавательского состава образовательных организаций всех видов. Необходимо перевести на уровень школьных и вузовских методик вопросы противодействия вовлечению молодых людей в экстремистские сообщества. При этом речь должна идти и о просветительской деятельности, и о мониторинге настроений учащейся молодежи.

Наличие федеральных нормативных и программных документов, определяющих направления и методы противодействия экстремизму и терроризму не только не отменяет, но, напротив, предполагает разработку региональных программ, конкретизирующих заявленные общие подходы. Более того, целесообразно сделать базой работы по противодействию экстремистским идеологиям каждый отдельный вуз. Образовательные организации высшего профессионального образования имеют все возможности для эффективной деятельности в этом направлении. Прежде всего такие организации являются одновременно и центрами научной мысли, местом активного профессионального общения научно-педагогических кадров и вовлечения в научную деятельность студенческой молодежи. Актуальность научных исследований по проблемам противодействия терроризму и экстремистским идеологиям не вызывает сомнений, а для молодого человека такие исследования, касающиеся мировоззренческих вопросов, несомненно представляют и личный интерес. Очень важно сделать студенческую аудиторию не только и не столько пассивным объектом просветительской и воспитательной работы, а активным

⁵ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753) // МЧС России. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2633>.

⁶ О мерах по противодействию терроризму: Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 года № 116 // СЗ РФ. 2006. № 8. Ст. 897.

субъектом противодействия экстремизму на идейном уровне. В этой связи целесообразным и перспективным направлением деятельности представляется организация в вузах Центров противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

Целью деятельности такого Центра является формирование у обучающихся устойчивых мировоззренческих установок, препятствующих распространению деструктивных идеологий [9]. Достичь этой цели возможно через формирование единой системной стратегии, охватывающей все направления и стороны образовательного процесса в вузе: учебную, воспитательную, методическую, научную работу, организационное, морально-психологическое и информационное обеспечение его деятельности.

Основными задачами, которые должен решать Центр противодействия идеологии экстремизма и терроризма, являются:

- правовое информирование по вопросам профилактики и противодействия экстремизму;
- формирование у обучающихся целостной картины мира и вместе с тем уважительного отношения к иным культурам и иным мировоззренческим системам;
- формирование навыков распознавания манипулятивных технологий общения как вживую, так и в киберпространстве;
- формирование позитивных установок на социальную приемлемую личностную самореализацию.

Информационно-аналитическая деятельность Центра предполагает расширение историко-культурного кругозора молодежи, распространение достоверной информации о негативных последствиях деятельности экстремистских организаций, анализ психологических приемов вербовки ими новых членов. Как уже было отмечено, самостоятельная научно-исследовательская деятельность обучающихся открывает большие возможности для активного освоения ими проблематики идейного и мировоззренческого противодействия экстремизму. Важным направлением деятельности Центра может стать также работа по методическому обеспечению проведения различных форм учебных занятий и воспитательных мероприятий, посвященных профилактике экстремистских проявлений. Помимо упомянутой учебной дисциплины «Основы безопасности жизнедеятельности», необходимо предусмотреть согласование данной тематики с другими дисциплинами и направлениями работы вуза.

Преподавание тем антиэкстремистской и антитеррористической направленности в рамках курса «Основ безопасности жизнедеятельности»

предусмотрено, как правило, на первом курсе обучения, однако в этот период часто уровень знаний студентов для усвоения этого материала еще не достаточен, отсутствует системная связь с уже имеющимися знаниями. Следует отметить необходимость проработки этих системных связей еще на уровне подготовки основных профессиональных образовательных программ. Важную роль здесь должны играть междисциплинарные связи и последовательность изучения учебного материала [9]. Это же относится и к проведению воспитательных и культурно-массовых мероприятий, они должны быть увязаны и по форме, по содержанию с основным контекстом образовательного процесса.

Выстраивание системы противодействия идеологии экстремизма и терроризма в современной Российской Федерации находит отражение и в правотворчестве. Так, например, введена уголовная ответственность за следующие виды преступлений:

- за прохождение обучения для осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ);
- организацию и участие в деятельности террористической организации (ст. 205.4 и ст. 205.5 УК РФ);
- совершение и финансирование акта международного терроризма (ст. 361 УК РФ);
- финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) и за некоторые другие деяния [5].

Однако правотворческой деятельностью профилактика экстремизма и терроризма ограничиваться, конечно, не может, – необходимо серьезная работа с общественным сознанием, выстраивание социальных механизмов противодействия распространению экстремистских идей. Такая работа является первостепенной задачей не только политико-правовой системы, но и гражданского общества, – общественные и религиозные объединения граждан могут и должны играть в этом важную роль.

Как отмечают исследователи, «становление и бурное развитие транснациональной системы Интернет, к которой оказываются неприменимыми все существовавшие доселе механизмы и принципы контроля над информационной средой, обогатило экстремистов разного толка (неонацистов, расистов, скинхедов, шовинистов, религиозных фанатиков) чрезвычайно мощным инструментом пропаганды своих взглядов и мобилизации единомышленников» [6]. Тема информационных войн в последнее время все больше входит в нашу жизнь, и экстремистские идеологии активно используют ее методы, причем в этом случае дистанция от информаци-

онной войны до войны реальной и кровавой оказывается очень мала. На интернет-ресурсах террористических организаций происходит героизация экстремистских идеологий, их противопоставление «испорченному» миру, насаждение резко полярного, «черно-белого» восприятия действительности.

Таким образом, в настоящее время распространение различных форм экстремизма и терроризма является одним из самых серьезных вызовов, с которыми сталкивается современная цивилизация. От того, сможем ли мы дать адекватный ответ на этот вызов, зависит, без всякого преувеличения, будущее человечества. При этом первостепенное значение имеют меры по противодействию экстремистским идеологиям. Это противодействие предполагает опору на следующие принципы:

- признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций;
- законность;
- гласность;
- приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации;
- приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности;
- сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, другими организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности;
- неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности.

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 28. Ст. 4559.

Список литературы:

1. Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2017.
2. Арчаков М. А. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия: монография. М., 2019.
3. Бешлык В. Э. Терроризм и его социально-экономические аспекты: монография. Пермь, 2019.
4. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы: монография / под ред. В. В. Меркурьева. М., 2019.
5. Власенко В. В. Организация деятельности экстремистской организации: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: учебное пособие. Ставрополь, 2019.
6. Духовные основы противодействия идеологии экстремизма и терроризма: учебное пособие / под ред. А. Л. Анисина. Тюмень, 2017.
7. Кафтан В. В. Противодействие терроризму: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019.
8. Крестина Е. А. Экстремизм и терроризм: концепты, законодательство, проблемы противодействия: учеб. пособие для вузов. Ставрополь, 2017.
9. Назаров В. Л. Профилактика экстремизма в молодежной среде: учеб. пособие. Екатеринбург, 2018.
10. Новые вызовы терроризма и экстремизма: формы и методы противодействия: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 16 марта 2017 г. / отв. ред. А. И. Быба. Владимир, 2017.
11. Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (22 октября 2018 г.) / ред. С. Ф. Самойлов. Краснодар, 2018.

Российское уголовное судопроизводство: мифы и реалии современности

Б. Я. ГАВРИЛОВ,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации
(Академия управления МВД России)

Russian Criminal Proceedings: Myths and Realities of Our Time

B. Ya. GAVRILOV,
Dr. of Law, Professor,
Merited Law Expert of the Russian Federation,
Professor at the Department of Management of Bodies
and Units Crimes' Investigation (Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.1

В статье анализируются причины низкой эффективности досудебного производства и конкретно таких его процессуальных институтов, как возбуждение уголовного дела; разумный срок уголовного судопроизводства; предъявление обвинения; дознание в сокращенной форме; заключение под стражу обвиняемых, скрывшихся от органов предварительного расследования и объявленных в федеральный розыск.

Прокурор; следователь; дознаватель; суд; предварительное расследование; процессуальные сроки; предъявление обвинения; заключение под стражу; протокольная форма расследования.

The article analyzes the reasons for the low efficiency of pre-trial proceedings and specifically such procedural institutions as the initiation of a criminal case; a reasonable period of criminal proceedings; presentation of charges; an abbreviated inquiry; the detention of accused who have disappeared from the preliminary investigation bodies and are declared on the Federal wanted list.

Prosecutor; investigator; inquirer; court; preliminary investigation; procedural terms; indictment; detention; Protocol form of investigation.

Проблематика мифов и реалий современного досудебного производства автором рассматривается в силу его низкой эффективности как с точки зрения практика, посвятившего более 30 лет следственной работе¹, так и с позиции ученого-процессуалиста, а также лица, которое как представитель МВД России на протяжении длительного времени (с 1997 по 2007 г.) входило в рабочую группу при Комитете по законодательству Государственной Думы РФ по подготовке проекта УПК РФ ко второму и третьему чтениям и его мониторингу, по результатам которого в Кодекс в последующие годы были внесены существенные

изменения, обусловленные, с одной стороны, достаточно стремительными темпами развития государственных институтов, а с другой, требованиями о конституционном обеспечении уголовно-процессуальным законом прав и интересов участников уголовного процесса, и особенно в ходе досудебного производства.

Многие из этих требований обуславливали в течение двух последних десятилетий и обуславливают сегодня необходимость реформирования основных институтов уже в целом состоявшегося УПК РФ. Одновременно учитывается, что определяющим в этом процессе является необходимость разработки в настоящее время концепции предварительного расследования, принципиально отличающейся от современной модели досудебного производства.

¹ До 2007 г. автор занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России.

В качестве одной из научно-прикладных задач в разработке автору видится необходимость «слома» таких атрибутов современного уголовно-процессуального законодательства как заформализованность и бюрократизированность российского уголовного судопроизводства, включая его досудебные стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования как при производстве предварительного следствия, так и дознания, включая дознание в сокращенной форме. Прямым следствием их действия является, по мнению автора, значительное (с 36 % в 1999 г. до 23 % в 2019 г.) снижение за два последних десятилетия доли направленных следователями ОВД в суд уголовных дел из общего количества ими возбужденных [8].

Среди причин автор, как практик, с которым солидарны абсолютное число сотрудников органов предварительного следствия, видит и внесенные за последние 18 лет действия уголовно-процессуального закона изменения в него почти 260-ю федеральными законами, тем более что часть этих законодательных новаций носила несистемный характер. Одновременно не следует отрицать тот факт, что принятие многих из них обуславливалось потребностями правоприменительной практики.

При этом, хотелось бы напомнить и правоприменителям, и представителям научного сообщества, критикующим сложившуюся негативную практику внесения в действующий уголовно-процессуальный закон столь значительного количества изменений, явились компромиссные решения представителей законодательной власти в период подготовки проекта УПК и его принятия во втором и третьем чтениях, что автор публикации и наблюдал «своими глазами» и против чего неоднократно высказывался как на заседаниях указанной выше рабочей группы, так и в мае 2001 г. при обсуждении в Комитете по законодательству Государственной Думы РФ готовности Кодекса ко второму чтению. Одновременно законодатель отказался от включения в проект УПК РФ конкретных предложений по реформированию отдельных процессуальных институтов, что было восполнено в последующие годы [4]. Негативно повлияли на эти процессы, также имевшие место после принятия УПК контрреформы его отдельных норм [2, 5].

Вместе с тем автор, с учетом сказанного выше, должен отметить, что значительное количество внесенных в УПК РФ поправок обуславливалось их востребованностью со стороны практикующих юристов, в первую очередь, представляющих органы предварительного расследования, прокуратуры и непосредственно судейского сообщества.

1. Эти изменения во многом обусловлены как введением в уголовно-процессуальный закон совершенно новых для него институтов, так и не-

обходимостью совершенствования отдельных процессуальных правил действующего УПК РФ. Основные из этих изменений носили, по нашему мнению, весьма своевременный характер и на необходимости включения их в российский уголовно-процессуальный кодекс автор, как отмечено выше, настаивал еще в 1999–2001 гг. и в последующие после принятия Кодекса годы. Основные из этих изменений заключались в следующем:

– так, Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ следователи были выведены из состава прокуратуры, а в последующем Федеральным законом от 28.12.2010 № 403-ФЗ в Российской Федерации было образовано самостоятельный Следственный комитет;

– одновременно указанным Федеральным законом № 87-ФЗ полномочия по процессуальному руководству следователями были переданы от прокурора руководителю следственного органа (по УПК РФ в редакции 2001 г.) с сохранением за прокурором в полном объеме надзорной функции, а также исключено правило о необходимости согласования прокурором постановления следователя, дознавателя, органа дознания о возбуждении дела и его право на самостоятельное возбуждение дела. Необходимость этих изменений автор отстаивал на протяжении пяти лет [9];

– также в УПК РФ Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ была введена процессуальная фигура начальника подразделения дознания, а в последующем – Федеральным законом от 30.12.2015 № 440-ФЗ – и начальника органа дознания, на чем автор настаивал еще при подготовке проекта нового УПК;

– Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ был существенно расширен перечень процессуальных действий (более 10), которые следователь, дознаватель, орган дознания могут произвести на этапе проверки сообщения о преступлении;

– не вызывает сомнений и необходимость включения в УПК РФ институтов о разумном сроке уголовного судопроизводства (61 УПК РФ), досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 401 УПК РФ), сокращенной формы дознания (гл. 321 УПК РФ) и реализации ряда других нововведений [8].

2. Как отмечено выше, отдельные нормы УПК РФ содержат переходные положения, как результат компромисса между депутатами Государственной Думы РФ, с одной стороны, и отдельными правоохранительными органами – с другой. Так, за прокурором до 1 января 2004 г. по инициативе бывшего Генерального прокурора Российской Федерации В. В. Устинова сохранялось право санкционирования следственных действий и процессуальных решений, ограничивающих конституционные права граждан. Сохранялось за прокурором и продление срока содержания обвиняемых

под стражей. Последнее явилось, по сути, основанием для рассмотрения Конституционным Судом РФ данного положения еще в рамках действия УПК РСФСР и принятия Постановления от 14.03.2002 № 6-П о признании его не соответствующим Конституции РФ. Реализуя данное решение, Федеральным законом от 29.05.2002 № 58-ФЗ в УПК РФ (еще до момента вступления его в действие) были внесены изменения, в которых законодатель установил, что ограничение конституционных прав свобод участников судопроизводства по уголовным делам допустимо лишь в судебном порядке [8].

3. Вместе с тем, по мнению автора, не представляется возможным в современных условиях развития российского общества изменения уголовного судопроизводства, предусматривающие фактический отказ от предварительного следствия, что предлагают ряд ученых-процессуалистов [1].

4. С учетом этого позиция, автора заключается в предложениях по обсуждению в научном сообществе и среди правоприменителей с последующим доведением выработанных предложений до законодателя, предусматривающих пересмотр отдельных процессуальных институтов.

Предлагаемые нами изменения включают в себя:

- предложение по исключению из УПК РФ его ст. 162 о сроках предварительного следствия, включая правила их продления, в силу противоречия с введенной в УПК РФ нормой-принципом (ст. 61 УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, с учетом решения высшей судебной инстанции – Верховного Суда РФ, изложенного в постановлении его Пленума от 29.03.2016 № 11-П, по уголовным делам не может превышать 4-х лет (ст. 162 УПК РФ такого ограничения не содержит);

- увеличение первоначального срока содержания обвиняемого под стражей (2 мес.), в который, исходя из содержания ч. 1 и ч. 11 ст. 221 УПК РФ, входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения (вместо 5 суток по УПК РФ в ред. 2001 г.) и ещё 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ (в государствах Европы первоначальный срок содержания под стражей составляет до 6 мес.);

- исключение из УПК РФ процессуальных правил, предусматривающих обязательность предъявления обвинения, нормы которого на протяжении десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения, участие которого сегодня, в соответствии с положениями названного выше Федерального закона № 23-ФЗ возможно

возбуждения уголовного дела, т. е. на этапе проверки сообщения о преступлении в отношении конкретного (фактически заподозренного) лица. К числу неоспоримых аргументов, за исключением предъявления обвинения, относится то, что УПК фактически не содержит различия в статусах подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47), а также то, что в суд на сегодня направлено более 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания без «классического» предъявления обвинения;

- предложение о введении протокольной формы расследования, поскольку по оценке как научных работников, так и сотрудников правоохранительных органов, дознание в сокращенной форме (гл. 321 УПК РФ) практически ничем не отличается от дознания в общей форме. Расследование по предлагаемой автором протокольной форме возможно в отношении конкретного лица в случае признания им факта преступления и когда дознавателю не требуется проведения всех процессуальных действий. Вынесение постановления о возбуждении уголовного дела не предусматривается, а срок расследования предлагается 48 ч. [10];

- предлагается возвращение в УПК возможности «заочного» заключения судом под стражу по соответствующему ходатайству следователя, дознавателя обвиняемого, который скрылся от органов расследования и объявлен в федеральный розыск. В числе факторов за внесение данных изменений автор видит то, что ежегодно число скрывшихся от органов расследования таких лиц достигает 100 тыс., часть из которых продолжает преступную деятельность. При задержании такого лица в месте производства предварительного расследования, данное лицо в течение 48 ч. доставляется в суд по месту задержания, где судья устанавливает личность задержанного и проверяет, не отменено ли решение суда о заключении такого лица под стражу. После этапирования к месту расследования это лицо доставляется в суд, где в ходе судебного заседания судья решает вопрос об оставлении ранее избранной меры пресечения или изменения ее на более мягкую [11].

Среди проблемных вопросов досудебного производства, также требующих внесения соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ УПК РФ, автор выделяет следующие:

- с одной стороны, обоснованность реформирования досудебного производства [5, 6, 7] путем реализации Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ, о чем, в частности, свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы, позволяющие автору сделать вывод:

- а) о более высоком уровне процессуального контроля и прокурорского надзора за состоя-

Таблица 1

Период	Число оправданных судом лиц, в т. ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1 372 – 2,0	524	1 885 – 18,0	954
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
2017	402 – 1,1	164	539 – 4,8	219
2018	405 – 1,2	158	591 – 5,5	271
2019	412 – 1,3	142	629 – 5,6	303

Таблица 2

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След. прокур. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след-м/уд.вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2018	17791	5,6	3569	3,6	6468	4668 – 1,1%
2019	18543	6,3	3374	3,6	6466	4417 – 1,0%

нием законности при расследовании уголовных дел (см. табл. 1) [9];

б) и, одновременно, о повышении эффективности надзорной деятельности прокурора за качеством расследования, что обеспечило многократное сокращение количества дел возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (см. табл. 2) [9];

– с другой стороны, наличие в уголовно-процессуальном законе перешедших из УПК РСФСР 1960 г. процессуальных правил о необходимости вынесения постановления о возбуждения уголовного дела обусловило снижение на протяжении последних 10-ти лет на 1,45 млн количества возбужденных уголовных дел при росте на 2,3 млн за указанный период числа процессуальных решений следователя, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела при фактической неизменности количественного уровня зарегистрированных заявлений, сообщений о противоправных деяниях, на что автором ранее неоднократно обращалось внимание научной общественности и практикующих юристов [3], и отражено в настоящей диаграмме (см. рис. 1).

Изложенное позволяет автору озвучить в очередной раз тезис о необходимости исключения из УПК РФ его ст. 146 и 148. Наше предложение направлено на реализацию требований Конституционного Суда РФ² и позиции Верховного Суда РФ [12] в части обязательного вынесения постановления о возбуждении следователем дела при выявлении следователем нового преступления, совершенного лицом, в отношении которого уголовное дело уже было возбуждено, или в случае установления дополнительно в ходе расследования дела соучастника преступления, что, по мнению автора, противоречит многолетней судебной-следственной практике по данному вопросу и остающимся неизменными на протяжении более 50-ти лет процессуальными правилами возбуждения уголовного дела, а также правовой процедуре возбуждения дела в соот-

ветствии с ч. 1 ст. 448 УПК РФ, не содержащей требований, указанных в приведенных выше решениях судебных инстанций [9].

Изложенные выше критические замечания в части регламентации процессуальной деятельности по возбуждению и расследованию уголовных дел и изложенные в содержании данной и других публикациях автора предложения по совершенствованию УПК РФ в основном поддерживаются российскими учеными и сотрудниками правоохранительных органов и, в первую очередь, следователями и дознавателя-

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав ст. 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой ст. 46, ст. 57, 80, ч. 1 ст. 108, ст. 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 343-О // URL: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.

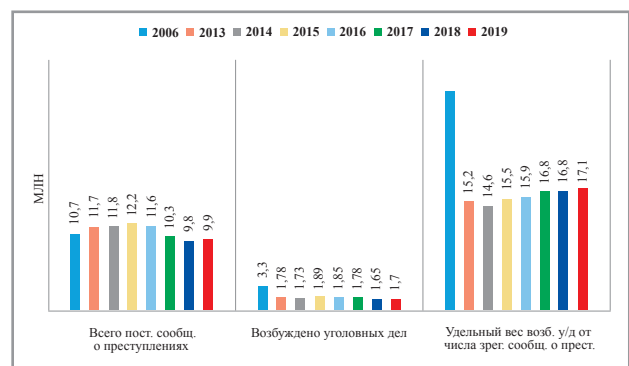

Рисунок 1

ми. Исходя из чего стоит задача по разработке доктрины досудебного производства, в которой должны найти отражение произошедшие в жизни граждан, государства и в целом российского общества изменения. Однако этому в

значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости и непоколебимости перечисленных выше и ряда иных процессуальных догматических суждений.

Список литературы:

1. Александров А. С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарий к ней. М., 2015.
2. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда Российской Федерации // Избранное. 2010.
3. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78).
4. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Концепция совершенствования досудебного производства XXI веке: мнение науки и практика / Б. Я. Гаврилов, В. П. Божьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38).
5. Гаврилов Б. Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. № 1. 2018.
6. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1.
7. Гаврилов Б. Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2.
8. Гаврилов Б. Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. № 3 (8).
9. Гаврилов Б. Я. Проблемы уголовно-процессуальной регламентации современного досудебного производства: мифы законодателя и реалии правоприменения // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: материалы Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2019.
10. Гаврилов Б. Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сб. научных трудов Всероссийской науч.-практ. конференции 11 апреля 2019 г. М., 2019.
11. Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1.
12. Кожокар В. В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1.

К вопросу организации работы с обращениями граждан

А. Ю. ЗВОНАРЕВА,
начальник кафедры
организации деятельности органов внутренних дел
центра командно-штабных учений,
кандидат социологических наук
(Академия управления МВД России)
E-mail: zvonareva.a.u@yandex.ru

To the Question of Organization of Work with Appeals of Citizens

A. U. ZVONAREVA,
Candidate of Sociology Sciences,
Head at the Department for Organizing the Activities
of the Internal Affairs Bodies of the Center for Command and Staff Exercises
(Management Academy of the Interior Ministry of Russia)

УДК 005.92

В статье идет речь о динамичности развития института обращений граждан. Рассматриваются существующие тенденции на примере организации работы с обращениями граждан в органах внутренних дел Российской Федерации.

Обращения граждан; органы внутренних дел; информационные технологии.

The article deals with the dynamism of the development of institution of citizens' appeals. Existing trends are considered on the example the organization of work with citizens' appeals in the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Appeals of citizens; internal affairs bodies; information technology.

Работа с обращениями граждан — одно из важнейших направлений деятельности государственных и муниципальных органов, организаций и учреждений, так как это наиболее востребованная форма взаимодействия власти с населением. В последние годы опубликовано значительное количество работ, направленных на исследование сущности, назначения и динамичности развития института обращений граждан.

Среди всего многообразия концепций значительная доля принадлежит исследованиям понимания сущности института обращений граждан в органы государственной власти, в частности конституционно-правового (например, в работах С. С. Алексеева, В. В. Бойцовой, Н. В. Витрука, Л. Д. Воеводина, Ю. А. Дмитриева, М. А. Мирнова, А. В. Савоськина, А. А. Титова, Б. С. Эбзева и др.). Проблемы субъективного права граждан на обращения в контексте прав и свобод личности

рассматривали Ю. Н. Алистратов, Л. И. Глухарева, Н. И. Гритчина, М. В. Карасева, В. В. Кравченко, А. П. Любимов, В. В. Пасынков, Н. Г. Савосина, Н. Ю. Хаманева и другие ученые. Значительный вклад в разработку нормативного и процессуального гарантирования обращений граждан в публичные властные органы внесли доктринальные разработки О. Н. Аристовой, П. А. Беляковым, Н. А. Бобровой, С. И. Бойченко, В. А. Виноградовым, Л. Б. Ескиной, Н. Н. Ковалевой, Н. М. Колосовой, С. А. Носковым, С. Б. Соболевым, Л. Н. Федоровой, А. М. Цалиевым и т. д.

В социогуманитарной области акцент в исследованиях сделан на социальное взаимодействие, форму гражданского участия, политический институт (например, в трудах А. М. Елисеевой, К. П. Кульпиной, Я. Э. Меженина, Т. С. Оскерко, В. В. Петухова, К. В. Подъячева, А. В. Прудника и др.), форму диалога (Л. И. Никовской, М. А. Ширинкиной и т. д.).

На наш взгляд, практически во всех работах прослеживается междисциплинарный подход и тесная связь с концепцией о гражданском обществе.

Развитие современных тенденций гражданской активности, расширение теоретико-методологических основ социального управления, совершенствование социального диалога на основе выявления, сбалансированного учета интересов всех субъектов социального взаимодействия позволяет говорить о потребности в анализе функционирования социального института в рамках современного социологического знания и зарубежного опыта, рассмотрении инновационных подходов к организации работы с обращениями граждан.

На наш взгляд, можно выделить шесть периодов развития организации работы с обращениями, дополнив предложенные А. А. Титовым [7] этапы становления права на обращение в России:

1 период — с конца XV в. по XVII в. — институт обращений функционировал в условиях сословно-представительной монархии, обращения в органы власти представляли собой в основном жалобы, единый подход в организации их рассмотрения и учета отсутствовал, порядок и сроки рассмотрения определялись с учетом убеждений субъекта управления о справедливости;

2 период — конец XVII в. до XIX в. — бюрократизация порядка рассмотрения обращений в период абсолютной монархии, обширная законодательная база, регламентация общего порядка и ограничений на обращение к монарху;

3 период — 1905—1917 гг. — организация работы с обращениями в период дуалистической монархии, осуществлялся учет обращений, поданных для принятия важных государственных решений, то есть помимо жалоб учитывались и предложения;

4 период — 1918—1991 гг. — организация работы с обращениями в советский период развития государства, характеризовался сбором и учетом различной информации от граждан, усилением контроля за порядком их рассмотрения в органах власти, многообразием органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать обращения;

5 период — 1991—2006 гг. — организация работы с обращениями в период демократических преобразований в стране на основе положений Конституции Российской Федерации, федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов;

6 период — 2006 г. по н. в. — организация работы с обращениями в соответствии с регламентированным порядком, утвержденным Федеральным законом Российской Федерации от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон).

Следует отметить, что организационно-правовая основа работы с обращениями граждан продолжает совершенствоваться. Так, в Федеральный закон восемь раз вносились редакции.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением некоторых ученых [1], что несмотря на значительное количество изменений и дополнений Федерального закона, все еще остается ряд областей в сфере работы с обращениями граждан, где требуется теоретическая проработка. Например, целесообразно на законодательном уровне дать более точную регламентацию как самого понятия, так и классификации обращений граждан. Согласно Федеральному закону под «обращением гражданина» понимают «направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления». Указанная формулировка, по мнению В. А. Мещерягина, не содержит характерных признаков данного правового явления, основывается на перечислении видов обращений, и поэтому не может быть признана удачной [2]. А. А. Титов считает, что ст. 4 Федерального закона следует дополнить такими видами обращений, как запрос, ходатайство, сообщение [7]. На примере работы с обращениями граждан в органах внутренних дел Российской Федерации, можно сказать, что мнение В. А. Мещерягина и А. А. Титова абсолютно справедливо.

Так, классификация обращений по видам осуществляется должностными лицами органов внутренних дел, исходя из сути обращения, независимо от трактовки заявителя. В целях обеспечения единого подхода при классификации обращений в Сервисе электронного документооборота Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России под «предложением» учитываются рекомендации и советы гражданина с целью совершенствования законодательства, оптимизации деятельности органов внутренних дел, а также различного рода преобразований в обществе. Как «заявление» учитывается просьба гражданина о содействии в реализации его прав и свобод, а также прав и свобод других лиц, при отсутствии в содержании обращения претензий или нареканий в адрес должностных лиц; просьба выдать документ, принять решение в отношении него или иного конкретного лица, не обжалуя при этом действие или бездействие сотрудников органов внутренних дел, при условии, если права гражданина не нарушены. В качестве «заявлений» (с последующим делением на подвиды) регистрируются ходатайства, поданные участниками

уголовного процесса в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, сообщения о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, в том числе информация о преступлении или административном правонарушении, а также иные заявления, не подлежащие рассмотрению в соответствии с указанным Федеральным законом. Как «жалоба» учитывается обращение, содержащее претензию, обвинение, нарекание в адрес должностных лиц органов внутренних дел в нарушении прав заявителя (то есть, когда гражданин обращался, но его права не реализованы, то есть нарушены).

Я. Э. Меженин предлагает следующее определение категории «обращения граждан в органы власти» как «форму проявления активности граждан, выражающуюся в формулировании социальных проблем и поиске путей их решения совместно с представителем властных структур» [3]. «Такие обращения преследуют цель — усовершенствование социальной жизни индивида, социальной группы и общества» [3]. К. В. Подъячев в своей работе показал существующую многозначную интерпретацию понятия «обращения» (с обыденной точки зрения и его нормативного определения). И тоже считает, что определение обращения через отдельные его виды, указанное в Федеральном законе, в корне ошибочно, предлагает сделать акцент на форму артикуляции интересов, в виде направленного структурам публичной власти юридически оформленного требования гражданина или группы граждан [5].

Полагаем, что в условиях динамичности развития института обращений граждан, обусловленной экономическими, информационно-идеологическими, технико-юридическими и иными объективными характеристиками функционирования общества и государства, совершенствование законодательства, касающегося организации рассмотрения обращений, должно постоянно находиться в фокусе внимания. Для устранения теоретических пробелов необходимо продолжение научных исследований, которые способствуют осознанию истинных причин отсутствия эффективного налаживания обратных связей, снятию напряженности в обществе, удовлетворению потребностей граждан в полном и всестороннем рассмотрении их обращений, повышению авторитета органов власти и управления.

Кроме того, следует отметить, что ввиду предъявления к ряду обращений дополнительных требований, предусмотренных иными федеральными законами, организация работы по рассмотрению обращений требует повышенного внимания со стороны должностных лиц органов власти в целях недопущения нарушений прав граждан.

Например, при организации рассмотрения обращений, адресованных должностным лицам системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, правовую основу организации работы с обращениями граждан составляют: Конституция Российской Федерации; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»; Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»; Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»; Указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера»; Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел и его территориальных органах»; постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2004 г. № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и положении об Аппарате Правительства Российской Федерации»; постановление Правительства Российской Федерации от 19 января 2005 г. № 30 «О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти»; приказ МВД России от 12.09.2012 № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе МВД России» и другие.

В проведенных научных исследованиях [6] говорится о ситуациях коллизионного характера между отраслевыми законами, которые, на наш взгляд, обуславливаются многогранностью соотношения общих и специальных норм, определяющих порядок рассмотрения обращений граждан. Мы полностью согласны с мнением А. В. Безрукова и А. В. Савоськина о наличии объективно про-

являющихся особенностей реализации права на обращение в органы внутренних дел Российской Федерации [7].

Например, при поступлении заявлений о совершении преступлений либо обращений, связанных с уголовно-процессуальным производством, должностные лица системы МВД России руководствуются требованиями УПК РФ, при получении заявлений о совершении административного правонарушения или жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях – КоАП РФ, при регистрации заявлений на оказание государственных услуг либо жалоб, в связи с ненадлежащим их оказанием, – Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», при запросе информации, не связанной с уголовным или административным производством – Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», при непосредственном обращении в рамках личного приема граждан к сотрудникам полиции – Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», во всех остальных случаях подачи обращений гражданами – Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Кроме того, вызывают научный интерес отличительные особенности процессов подачи обращений в России и в других странах.

Например, регулирование и контроль подачи обращений в России во многом не гласны для граждан и заявителей, в то время как в Германии, соединенном Королевстве и особенно в Австралии, как отмечают ряд авторов [4], они открытые, прозрачные и гласные. В США государство осуществляет минимальный или ограниченный контроль над процессом подачи обращений, подход характеризуется как «минималистический подход».

Доступность права на обращение для граждан ассоциируется с такими понятиями и ценностями, как гражданское участие, открытое правительство, подотчетность и прозрачность. В России и США не предусмотрено целевое создание органов, ответственных исключительно за рассмотрение обращений, предполагается, что граждане имеют доступ по компетенции ко всем органам государственной власти. А в Германии и Австралии существуют отдельные органы по рассмотрению обращений (комитеты по обращениям), посредством которых гражданам обеспечивается доступ к системе подачи обращений. В Англии придерживаются так на-

зываемой «спонсорской модели», когда процедура подачи обращения осуществляется через посредника.

Наличие права на ответ является критерием оценки эффективности официальной системы не во всех странах. Так, в Российской Федерации Федеральным законом установлено обязательное рассмотрение обращений, за исключением случаев, когда оно признано уполномоченным должностным лицом некорректным по изложению или форме, и если оно признано уполномоченным должностным лицом безосновательным (неоднократное обращение, в котором гражданином не приводятся новые доводы или обстоятельства, подлежащие дополнительной проверке) и переписка по вопросам, поставленным в обращении, прекращена. В подобном случае обращение может быть оставлено без рассмотрения, о чем заявитель уведомляется в установленном порядке. При этом в российском законодательстве предусматривается возможность электронного представления и получения ответа (но не для всех видов обращений). В сравнении – в США, по сути, отсутствует обязанность отвечать на обращения, за исключением случаев, когда жалоба, содержащаяся в обращении, становится предметом официального судебного разбирательства.

С положительной стороны можно отметить внедренные в ряде стран системы онлайн-контроля за рассмотрением обращений граждан (например, в Корею), что позволяет без телефонных звонков и дополнительных запросов гражданами отслеживать процесс рассмотрения поданных ими обращений в любое время из любого места.

В настоящее время в России, как и во всем мировом сообществе, наблюдается изменение информационно-технических условий функционирования органов власти. Цифровизация превращается в одну из приоритетных задач развития государства и общества. При реализации права на обращение доля обращений, содержащих информацию в электронно-цифровом формате, по объективным причинам возрастает. Так, в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации можно увидеть изменения уже по итогам 2019 г.

Так, согласно данным, указанным в обзоре Департамента делопроизводства и работы с обращениями граждан и организаций МВД России (далее – ДДО МВД России), подготовленного по итогам 2019 г., в органы внутренних дел Российской Федерации всего поступило 3 864 203 обращения граждан и организаций, в сравнении в 2018 г. их количество составило 3 719 552 (то есть увеличение общего количества на 3,9 %).

Отмечается, что на личных приемах должностными лицами системы МВД России принято 159 852 гражданина, что на 8,2 % меньше чем в 2018 г.

Доля обращений, поступающих через официальный сайт МВД России в центральный аппарат, возросла с 40,8 % (150 828) до 48,6 % (179 011).

Наблюдается сокращение обращений, адресованных в центральный аппарат МВД России, и увеличение их количества в территориальные органы. Для сведения, территориальными органами МВД России, а также иными организациями и подразделениями МВД России зарегистрировано 3 495 607 обращений, что составляет 90,5 % от общего количества.

Классификация по видам обращений: 75,5 % заявлений, 20,2 % жалоб, около 4 % запросов информации, менее 1 % предложений.

Ежеквартальные обзоры МВД России, в которых подробно указывается информация о поступивших обращениях, в том числе субъектах Российской Федерации, где зафиксирована наибольшая активность граждан, размещены в разделе «Для граждан» федерального интернет-сайта МВД России. В этом же разделе систематизируются ответы на обращения, затрагивающие интересы неопределенного круга лиц, в частности на обращение, в котором обжалуется судебное решение, вынесенное в отношении неопределенного круга лиц (в соответствии с ч. 4 ст. 10 и ч. 5.1 ст. 11 Федерального закона).

В настоящее время на сайте МВД России не предусмотрена возможность онлайн-контроля за рассмотрением обращений граждан.

Вместе с тем, в МВД России осуществляется единый внутриведомственный контроль за выполнением требований действующего законодательства, в том числе за соблюдением сроков направления ответов.

Принимая во внимание происходящее в последнее время активное совершенствование документационного обеспечения управления в органах внутренних дел Российской Федерации, нормативное правовое регулирование деятельности по расширению использования цифровых технологий в правоохранительной деятельности, внедрение эффективного механизма межведомственного электронного документооборота, развитие прикладных сервисов единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности, а также учитывая опыт зарубежных стран и результаты научных исследований, можно констатировать, что новый период развития организации работы с обращениями граждан будет связан с реализацией принципа прозрачности проводимой работы по рассмотрению обращений в органах внутренних дел Российской Федерации.

Отметим, что указанные тенденции, свойственны не только системе МВД России. В настоящее время в Российской Федерации активно внедряется электронно-цифровой формат взаимодействия всех государственных структур и граждан. Вместе с тем, для необходимого темпа развития очень важна совместная работа не только государственного, но и коммерческого сектора, унификация федерального законодательства, выработка единых стандартов и устранение теоретических пробелов в сфере организации работы с обращениями.

Список литературы:

1. Алешин А. Е., Трифонов Ю. Н. Организация работы с обращениями граждан в органах государственной власти: вопросы теории и практики // Ученые записки тамбовского отделения РОСМУ. 2017.
2. Мещерягина В. А. Юридическая природа конституционного права на обращение как субъективного права / В. А. Мещерягина // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10.
3. Меженин Я. Э. Становление и функционирование социального института обращений граждан в органы власти: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Барнаул, 2013.
4. Обращения граждан – важный фактор развития диалога с народом: методическое пособие. Ташкент: «Fan va texnologiya». 2018.
5. Подъячев К. В. Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2007.
6. Сергеева Д. А. Институт обращений граждан в России: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2017.
7. Титов А. А. Право граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2018.

Проблема соотношения нравственного долга человека и профессионального служебного долга сотрудника органов внутренних дел

А. Л. АНИСИН,
профессор кафедры теории и методологии государственного управления,
доктор философских наук, доцент
(Академия управления МВД России)
E-mail: anisin@bk.ru

The Problem of the Correlation between the Moral Duty and the Professional Service Duty of an Internal Affairs Officer

A. L. ANISIN,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor at the Department of Theory and Methodology of Government
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia).

УДК 171: [174+351.74]

В статье анализируются мировоззренческие основания службы в органах внутренних дел. Раскрыт онтологический статус нравственного долга, его связь со свободой и его роль в человеческом бытии. Право как институт поставлено в генетическую связь с нравственной способностью человека, однако при этом указано на возможные коллизии нравственного и служебного долга. Осмысление соотношения требований закона и требований совести в деятельности сотрудника полиции осуществлено через содержательное раскрытие принципа служения, лежащего в основе этой деятельности.

Нравственный долг; служебный долг; служение закону; свобода; ответственность; профессиональная этика сотрудника полиции.

The article analyzes the world-view basis of service in the internal affairs bodies. The ontological status of moral duty, as well as its connection with the concept of freedom and its role in human existence, are investigated in the study. The law as an institute is discussed in profound connection with moral ability of a person; however, it is stated that there might be possible collision between moral and official duty. The comprehension of the correlation between requirements of law and requirements of conscience in the work of the police officer is carried out through substantial discussion of the principle of serving, which is the foundation of this activity.

Moral duty; service duty; serving the law; freedom; responsibility; professional ethics of a police officer.

Нравственная проблематика относится к области наиболее фундаментальных мировоззренческих и жизненно важных вопросов человеческого бытия. «Моральный закон во мне» — это одна из тех (всего двух) вещей, которые, по словам И. Канта, «наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них» [2]. Однако во все времена ясное и глубокое понимание сути и смысла нравственности являлось скорее исключением, чем правилом. Наш век несколько не отличает-

ся в лучшую сторону в этом отношении, более того, мы видим новые, неизвестные ранее факторы деформации нравственного сознания.

Особое значение приобретает осмысление нравственной проблематики в том случае, когда мы обращаемся к теме мировоззренческих основ государственной службы. В современном массовом сознании, конечно, уже очень слабо осознается тот факт, что «начало служения есть наиболее общее выражение онтологического существа человека и именно потому есть высшее нормативное начало общественной жизни» [5]. Однако по отно-

шению к ряду профессий не только привычка, но и нечто гораздо более значимое побуждает нас говорить именно о службе и служении. В актерской среде принято говорить не «работаю», а «служу»: «я служу в таком-то театре», служат священнослужители, и именно служат, а не работают военные, полиция, чиновники. При этом государственная служба гораздо более очевидна в своей реальности. Для кого-то, возможно, то Искусство, которому служат актеры, является пустым звуком, кто-то не верит в Бога, которому служат священники, и тогда их деятельность теряет свои права на высокое звание «служения», но те предметы, на которые направлено служение государственных служащих, отрицать невозможно. «Служим России, служим закону», — гласит официальный девиз Министерства внутренних дел России, а в недавнем прошлом служение народу звучало в этой формуле.

Проработка нравственных основ профессиональной деятельности актера как госслужения Искусству, возможно, и является интересной темой, но последствия деформации этих основ не сказываются прямо и резко на обществе. Характер понимания человеком Искусства как предмета служения, степень верности человека этому предмету служения, как и конкретные обязанности, вытекающие из связи с этим предметом служения, — все это не подлежит никакому внешней регламентации. Проработка нравственных основ деятельности священника еще более актуальна, однако и здесь отношения человека к предмету своего служения относятся по большей части к сфере духовной свободы. Некоторые кодексы священной этики, закрепленные в каноническом праве Церкви, конечно, существуют, но касаются они только совсем уж явных случаев нравственной деформации и грубых проступков. К человеку, находящемуся на государственной службе, его предмет служения предъявляет достаточно многочисленные и чаще всего однозначные требования. Эти требования составляют содержание служебного долга.

Тема долга, несомненно, является центральной при осмыслении нравственных основ службы и разработке норм профессиональной этики государственного служащего и полицейского, в частности. К сожалению, приходится констатировать, что именно к разработке норм и составлению инструкций все «осмысление» чаще всего и сводится. Слово «деонтология», введенное в научный оборот Иеремией Бенетом для обозначения нравственности в целом, могло бы иметь глубокий философский смысл, поскольку «учение о долге» предполагает ведь обращение к таким аспектам человеческого бытия, которые образуют суть его онтологической уникальности: никто ведь никому ничего в этом мире не должен... кроме человека, который способен чувствовать долг. И даже слабо

будет сказать, что человек «способен чувствовать» долг. Тот же И. Кант неожиданно резко и почти неприемлемо для обыденного сознания заявляет: «Человек живет лишь из чувства долга, а не потому, что находит какое-то удовольствие в жизни» [2]. То есть, если верить великому мыслителю, понятие и тема долга образуют какую-то универсальную основу человеческой жизни, притом предмет для мысли настолько огромный и настолько близкий, что даже увидеть и оценить его масштаб бывает трудно. И вот вместо того, чтобы стать осмыслением этой огромной темы, этой онтологической уникальности человека, деонтология в своем историческом развитии выродилась в простое перечисление предписаний и запретов, в составление инструкций. Много пишут о медицинской деонтологии, но встречаются также научные статьи, посвященные «библиотечной деонтологии», «педагогической деонтологии», «деонтологии журналистики» и даже специально «деонтологии стоматологии».

Вынесенная в заглавие этой статьи проблема соотношения нравственного и служебного долга является ключевой для обоснования и содержания раскрытия профессионально-нравственного сознания сотрудника правоохранительных органов. Прежде всего здесь необходимо зафиксировать некое противоречие. С одной стороны, несомненно, не только служебный долг, но и вообще любой долг, о котором может идти речь, является по своему существу долгом именно нравственным: само понятие о долге есть понятие нравственное и исполнение долга всегда есть дело совести. Но с другой стороны, нельзя не видеть, что содержание служебного долга вполне может порой расходиться с долгом нравственным, с голосом совести.

Решение этого противоречия требует серьезно проанализировать концептуальные основы этики служения закону. Необходимо прояснить связь нравственного долга со свободой. Привычны и очень поверхностны рассуждения на эту тему, что нравственные понятия, принципы и нормы свободу ограничивают. Однако настоящая взаимосвязь свободы и нравственного долга имеет совсем иной характер. Во-первых, сам долг как особый способ выстраивания жизни только и возможен при условии настоящей, а не мнимой свободы человеческой воли: «долженствование, или императив, который отличает практический закон от законов природы, ставит нас, даже в идее, целиком за пределы естественной цепи [явлений], причем этот императив, если нашу волю не считать свободной, невозможен и бессмыслен» [2]. Нравственный долг есть требование, обращенное к свободной воле человека. Во-вторых, именно откликаясь на это требование, человек утверждает настоящую свободу своей личности: исполняя долг, человек тем самым обна-

руживает в себе наличие идееспособности той свободной воли, к которой требование нравственного закона обращено.

Дурную и глупую свободу сознание нравственного долга, конечно, ограничивает, а вот настоящую человеческую свободу — обеспечивает. Дурной и глупой свободой в данном случае является следование тем желаниям, которые возникают в человеке помимо его воли. Можно подобрать и более точное слово: идти на поводу своих желаний — это полная противоположность свободы, это рабство. Жить «по равнодействующей» тех желаний, которые рождаются во мне сами по себе, это означает вовсе никак не управлять своей жизнью. А кроме того, это очень прямой и короткий путь к социальной манипуляции, тому что твоей жизнью будут управлять другие: возбуждать в человеке нужные желания — это всего лишь дело техники (психологической), и если человек привык автоматически исполнять все те желания, которые к нему приходят, то он полностью во власти манипулятора.

Настоящая свобода открывается как верность нравственному долгу. Дело ведь в том, что, подчиняясь нравственному долгу, я не подчиняюсь ничему и никому... внешнему. Подчинение человека нравственному закону означает, «что он подчинен только своему собственному и тем не менее всеобщему законодательству и что он обязан поступать, лишь сообразуясь со своей собственной волей, устанавливающей, однако, всеобщие законы согласно цели природы» [2]. Через осознание нравственного долга и волевое самоопределение к верности этому долгу я обнаруживаю, что тот всеобщий нравственный закон, который абсолютен и объективен в гораздо большей степени, чем звездное небо надо мной, который представляет собой требование, обращенное к моей свободной воле, — что он находится «во мне», он является наиболее чистым выражением моей настоящей сущности, а точнее будет сказать: он ставит меня перед задачей обретения себя самого настоящего.

Истоками того закона, на служение которому определяют себя сотрудники органов правопорядка, являются, во-первых, всеобщий нравственный закон, данный каждому человеку внутренним образом, а во-вторых, — обычаи конкретного общества, то есть сложившиеся в историческом бытии данного общества устойчивые формы организации жизни. Обычаи тоже несут на себе определенный отпечаток нравственных понятий и принципов, но обладают и вполне выраженной автономией. Таким образом, служение закону имеет, конечно, своим корнем верность нравственному долгу, служение добру и противодействие злу. Од-

нако правовая система не может и не должна выражать собою полноту нравственного сознания, задачей права вовсе не является торжество нравственного идеала. Совершенство добра и взаимной любви (как содержание и смысл этого идеала) не может быть установлено внешним по отношению к индивидуальной воле образом, оно может быть реализовано только в духовном акте свободной воли личности. Как это классически сформулировал В. С. Соловьев, «задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он — до времени не превратился в ад» [4]. Высшей ценностью права является не Добро, как одухотворенная сила любви, а Правда, справедливость.

Милосердие, как известно, выше справедливости, но, отсылая читателя к специальной работе на эту тему, напомним, что «милосердие — не дело права, закон милостивым быть не должен» [1]. Не должен закон быть ни мягким, ни жестким, и не должно право представлять собою «лишь возведенную в закон волю господствующего класса» [3]. Исторические условия образ жизни, конечно, накладывают свой отпечаток на существующие в обществе понятия о праве, но «собственной и коренной задачей права является утверждение, насколько это вообще возможно, идеала Правды в суждении о делах людей» [1].

И даже этот идеал Правды реализуется в законе неизбежно формальным образом, дух и буква закона могут существенно диссонировать в конкретных жизненных ситуациях. То есть даже идеал Правды не находит своего совершенного выражения в нормах позитивного права. Расхождение между требованиями закона и голосом совести могут проявляться еще чаще. Для сотрудника органов внутренних дел это означает расхождение между его конкретным служебным долгом и тем его человеческим нравственным долгом, в котором вообще-то заключено предельное мировоззренческое обоснование его служения закону.

Не подлежит никакому сомнению, что по своему онтологическому статусу нравственный долг в приоритете по отношению ко всем человеческим установкам, к числу которых относятся и нормы служебного долга, — право и обязанность всегда следовать голосу совести составляет основу и главное проявление высокого онтологического достоинства человека. Однако, как это ни покажется парадоксальным, именно исходя из глубокого и ясного понимания духовно-нравственных основ службы, сотрудник органов внутренних дел в своей служебной деятельности в случае расхождения требований закона и требований собственной совести должен поступать

не по совести, а по закону. Это звучит, на первый взгляд, явно безнравственно, однако повторим: такой выбор может и должен быть совершен человеком, находящимся на службе, именно исходя из ясного и глубокого понимания духовно-нравственных основ своего служения.

Поступая на службу в органы внутренних дел, человек ставит себя на служение закону, то есть свободно принимает на себя обязательство при исполнении своих служебных обязанностей иметь единственным ориентиром и руководством требования закона. Многим жертвует человек, поступая на службу: это и юридические запреты, и ограничения, перечисленные не только в соответствующей статье федерального закона, но и в иных нормативных актах, регламентирующих деятельность сотрудника органов внутренних дел, это и особый режим жизни, когда праздничные для всего населения дни сопровождаются для него переходом на «усиленный вариант несения службы». Но прежде всего, присягая на служение закону, человек жертвует этим своим священным человеческим правом и высокой человеческой обязанностью поступать всегда, по совести.

Тот факт, что человек поставил себя на служение закону и остается на этом служении, может и должен быть нравственно мотивированным актом его свободной воли. А вот любое действие, которое сотрудник органов внутренних дел совершает в порядке исполнения своих должностных обязанностей, должно быть не его свободным решением, а неукоснительным исполнением требований закона. При исполнении своих служебных обязанностей сотрудник должен в любой момент выступать не от своего лица, а от лица закона, и каждым своим действием говорить: «это не я принимаю решения, я и не имею права ничего решать, не я требую, — закон требует, не я наказываю, — закон наказывает; но вот то, что я отказался от своей воли в пользу требований закона, — это есть мой свободный и ответственный нравственный выбор».

Жертва, о которой идет речь, по-настоящему велика, но это — единственный способ реализации того служения, которому сотрудник органов внутренних дел посвящает жизнь. Это — не только необходимая, но и очень опасная жертва, поскольку фактически она означает, что сотруднику приходится время от времени переступать через собственные чувства и собственную совесть ради строгого исполнения закона. Нередко сотруднику приходится наказывать там, где совесть требует пожалеть, отпускать за недостаточностью улик того, о ком по-человечески ясно, что он преступник. Совесть от этого может притупиться, нравственное сознание — дефор-

мироваться. Все это может приводить к тому, что, привыкая механически исполнять требования закона, человек утрачивает нравственную мотивацию своей деятельности, а вместе с ней — и ясность понимания того, ради чего вообще закону надо служить, почему именно вот эти предписания и запреты должны быть высшим ориентиром служебной деятельности.

Таким образом, проблема соотношения нравственного долга человека и служебного долга сотрудника органов внутренних дел обращена к самым основам профессионально-нравственного сознания государственного служащего. Эта проблема имеет весьма непростую внутреннюю логику и нетривиальные формы своего теоретического и практического решения. Последовательное теоретическое осмысление онтологических и мировоззренческих аспектов этой проблемы и перевод результатов этого осмысления в учебно-методическую форму изложения является необходимым условием укрепления профессионально-нравственных основ служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел.

В настоящее время готовится к принятию новый «Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»¹. После отмены действия почти семь лет назад (Приказом МВД России № 883 от 31 октября 2013 г.) «Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» специальный нормативный документ, регламентирующий профессионально-нравственные аспекты деятельности органов внутренних дел, отсутствовал. Новый Кодекс, по всей видимости, уже не будет содержать столь развернутого изложения нравственных основ службы, которое было представлено во второй главе Кодекса 2008 г., раскрытие профессионально-этических правил поведения тоже будет лаконичнее, сам язык и стиль изложения в большей степени будет соответствовать нормам юридической техники. В этой связи упомянутое выше теоретическое осмысление и раскрытие философских оснований профессионального служения сотрудника полиции и методическое оформление этих принципов в образовательном процессе ведомственных образовательных организаций составляет насущную задачу, стоящую перед научно-педагогическими кадрами системы МВД России.

¹ Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: проект ведомственного акта // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#search=Кодекс%20этики&npr=101503> (дата обращения: 12.04.2020).

Список литературы:

1. Анисин А. Л. Идеино-теоретические основы правоприменительной и правозащитной политики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31).
2. Кант И. Критика практического разума: соб. соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии: соч. 2-е изд. Т. 4. М., 1955.
4. Соловьев В. С. Оправдание добра: собр. соч.: 2-е изд. / под ред. и с прим. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Т. 8. Санкт-Петербург., 1914.
5. Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.

Психологические особенности эффективного преодоления блокаторов профессиональных инноваций

В. В. ВАХНИНА,
профессор кафедры психологии, педагогики
и работы с кадрами,
доктор психологических наук, доцент
(Академия управления МВД России)
E-mail: vikavahnina@mail.ru

П. Н. ОВСЯННИКОВ,
слушатель факультета
подготовки руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России
(Академия управления МВД России)
E-mail: bizoncool@gmail.com

Psychological Features of Effective Overcoming Blocks of Professional Innovations

V. V. VAKHNINA,
Ph.D., Associate Professor,
Professor, Department of Psychology, Pedagogy
and work with personnel
(Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
E-mail: vikavahnina@mail.ru

P. N. OVSYANNIKOV,
Listener of the Faculty
Training Chiefs (Heads) of the Territorial Bodies of the Ministry of the Interior of Russia
(Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
Email: bizoncool@gmail.com

УДК 351.74:369.014.82

В статье исследованы психологические особенности инновационного менеджмента в органах внутренних дел через систему управления инновационной деятельностью, которая характеризуется комплексным подходом к регулированию отношений и процессов поиска новых идей и технологий, их продвижения и реализации в профессиональной сфере или другой области профессиональной деятельности. Инновационный менеджмент направлен на разработку методов принятия управленческих решений и связан с решением задач научной организации труда, с эрго-

номикой, социологией, психологией, правоведением, философией науки и управления. Инновационный менеджмент реализуется посредством включения различных механизмов воздействия в деятельность органов внутренних дел, апробаций новых технологий достижения целей, а также новых способов делового общения внутри коллектива и между коллективами. Эффективность работы таких механизмов достигается за счет приемов и разработанных стратегий управления.

The article examines the psychological features of innovation management through the innovation management system, which is characterized by a comprehensive approach to regulating relations and processes of searching for new ideas and technologies, their promotion and implementation in the professional sphere or other area of human activity. Innovative management aimed at developing methods for making managerial decisions. Innovation management is related

to solving problems of scientific labor organization, ergonomics, sociology, psychology, law, philosophy of science and management. Innovation management is implemented by including various mechanisms of influence in the organization's activities, new technologies for achieving goals, as well as new ways of business communication within and between teams. The effectiveness of such mechanisms is achieved through techniques and developed management strategies.

Психологические особенности; блокаторы профессиональных инноваций; инновационная деятельность; сотрудники органов внутренних дел.

Psychological features; professional innovation blockers; innovative activities; employees of internal affairs bodies.

Решение сложных технологических и социально-политических задач современной России не возможно без развития управленческой науки, ее теоретической базы и методического обеспечения, без привлечения смелых новаций.

Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 г.: «Исследователям, инженерам, предпринимателям мы должны обеспечить свободу для работы, научного, инновационного поиска. Уже в этом году нужно запустить гибкий механизм экспериментальных правовых режимов для разработки и внедрения в России новых технологий, наладить современное регулирование оборота больших данных» [3]. Динамика общественного развития ставит перед органами внутренних дел Российской Федерации задачи более широкого и полного внедрения в правоохранительную деятельность растущего потока инноваций.

Инновационный менеджмент направлен на разработку методов принятия управленческих решений, ставящих перед собою целью развитие государства или предприятия за счет накопления, распространения и внедрения передовых знаний и технологий в социально-экономические, политико-правовые и духовные отношения.

Результатами таких управленческих решений становятся нововведения, которые в различной степени содействуют выполнению определенных функций организации или предприятия. Инновационный менеджмент теснейшим образом связан с решением задач научной организации труда, с эргономикой, социологией, психологией, кибернетикой, профессиональной этикой, правоведением, философией науки и управления.

Реализация инновации завершает инновационную деятельность посредством внедрения новшества и получения нового результата. Когда

результат положительный, то инновация распространяется и проявляется эффект ее диффузии.

Таким образом, инновация имеет двойственную природу. С одной стороны, она выступает как материализованный результат, полученный от использования новой техники или технологии. С другой стороны, она выражается в новых формах организации профессиональной деятельности. Деятельность по созданию, освоению и распространению инноваций, т. е. инновационная отражает инновационный процесс. Результатом инновационной деятельности является инновационный продукт, который может быть как обновленным материальным объектом, так и новым социальным или духовным явлением.

В анализе инновационного менеджмента выделяются четыре подхода: факторный подход рассматривает инновационную деятельность как наиболее весомый фактор — движущую силу и главный вектор развития страны. Ситуационный подход исследует инновационную мобильность менеджера, его активность и продуманность действий в зависимости от сложившейся в рамках объекта управления ситуации. Системный подход анализирует организацию как сложную систему связей и отношений внутри между ее элементами и с инновацией на «входе» в систему и «выходе» из нее. Функциональный подход изучает совокупность методов принятия управленческих решений по внедрению инноваций и успешность этого внедрения для реализации функций организации.

Существует ряд основных черт инновационного менеджмента, по которым принято выделять его среди прочей управленческой активности. Во-первых, это оперирование передовыми научно-техническими ресурсами с целью включения их в деятельность организации. Инновационный менеджер не ставит перед коллективом задачу изобретать новые технологии или методы работы, хотя и поощряет творчество и креативность мышления сотрудников. Его зада-

ча мотивировать коллектив на поиск новаций и поддержку их внедрения.

Во-вторых, это системные связи, которые по-новому выстраиваются в работе коллектива за счет внедрения различных новаций и требуют трансформации отдельных структур организации. Тем самым, решение одной проблемы в коллективе путем инновации часто приводит к появлению новых задач и проблем, требующих от менеджера их решения.

В-третьих, это комплексность, креативность и гибкость, требующие от инновационного менеджмента рассматривать проблему внедрения новшеств многосторонне, творчески и максимально пластично, учитывая особенности коллектива и ситуации. Важно при этом использовать лучшие методики, способные противостоять негативным тенденциям, связанным с инновациями, решать нестандартные задачи по преодолению сопротивления их внедрения.

Эффективность использования методов и способов управленческого воздействия при внедрении новаций определяется быстротой и полнотой решения поставленной задачи при минимальных затратах всех задействованных ресурсов. Она всецело зависит от субъектов управления — квалифицированных менеджеров-специалистов, принимающих управленческое решение и отвечающих за него.

Инновационный менеджмент реализуется посредством включения различных механизмов воздействия, которые изыскивают возможности создать, заимствовать и внедрить в деятельность организации новые технологии достижения целей, а также новые способы делового общения внутри коллектива и между коллективом и партнерами, клиентами, гражданами, вступающими в правовые или иные отношения с организацией. Эффективность работы таких механизмов достигается за счет особых приемов и разработанных стратегий управления.

Объектами управления выступают как сами инновации — новейшие технологии, системы искусственного интеллекта (например, чат-боты), методики получения и анализа информации, так и новые отношения внутри коллектива, а также между членами организации и другими участниками управляемого процесса.

Особое следует подчеркнуть важность результата инновационного менеджмента — это полученная информация, произведенный продукт, обновленные отношения и связи или выполненная соответствующая функция организации. Большое внимание использованию инновационных технологий придается в переговорной деятельности сотрудников ОВД [4, 2]. Использование новейших методов органами внутренних дел в решении своих

функциональных задач по борьбе с преступностью, обеспечению законности и правопорядка, защите личности и имущественных интересов граждан, направлено на серьезный прорыв в этой области.

В нашем исследовании мы сосредоточили внимание на ряде методик преодоления негативного отношения сотрудников к внедрению новшеств. В научной литературе такое отношение связывают с психологическими барьерами зависимости от тех причин, которые порождают сопротивление сотрудников органов внутренних дел.

Среди барьеров, блокаторов инноваций выделяют следующие: барьер профессиональной некомпетентности. Данный блокатор характеризует особенности непонимания сущности нововведения, опосредованной неполной профессиональной подготовленности некоторых сотрудников органов внутренних дел. Барьер перестраховки, его сущность состоит в опасении сотрудников в том, что нововведение может актуализировать отрицательные последствия: барьер навыка, привычки, традиции. Анализ деятельности органов внутренних дел позволяет сделать вывод о том, что часто встречающимся затруднением является актуализированная потребность в изменении имеющихся приемов взаимодействия с коллегами, другими сотрудниками, психотехникой. Блокатор страха или опасения потерь материального или нематериального поощрения. Предстоящие технические, технологические или организационные изменения вызывают у отдельных сотрудников ОВД боязнь снижения вознаграждения. Блокатор изменения места прохождения службы: достаточно часто сотрудники органов внутренних дел испытывают опасения, связанные с тем, что результатом нововведения может явиться изменение штатной численности, возможный перевод на другую должность, появляется неуверенность в эффективном построении профессиональной управленческой карьеры. Барьер инноватора, его сущность проявляется в недоверии сотрудников органов внутренних дел к профессиональным и организаторским способностям, профессиональной мотивации инициаторов, разработчиков нововведения [3].

По нашему мнению, наличие различных барьеров инноваций, наличие личностной неготовности сотрудников органов внутренних дел к изменяющимся психологическим условиям оперативно-служебной деятельности вызывает остро негативные, отрицательные изменения в функциональном состоянии, которые проявляются в значительном усилении уровня субъективной тревожности и усилении нервно-

психической утомляемости и отмене активных действий.

В качестве одного из существенных признаков инноваций исследуется уровень значимости изменений по сравнению с привычными, «обыденными» профессионально-значимыми действиями. Зачастую исследователи-психологи выделяют, что чем значительнее изменения, тем сильнее проявляется встречаемое сопротивление (табл. 1).

Таблица 1. Особенности взаимовлияния инноваций на их восприятие в системе органов внутренних дел

Активизирует восприимчивость к нововведениям, инновациям	Тормозит восприимчивость к нововведениям, инновациям
Соответствие содержания потребностям профессиональной деятельности	Неопределенность междусодержанием и потребностями профессиональной деятельности
Одноаспектность (простота)	Комплексность
Рекомендательный характер	Обязательный характер
Инициатива «снизу»	Указание «сверху»
Незначительные изменения	Радикальные изменения

В результате эмпирического исследования получен психологический портрет респондентов: сотрудники ОВД, осуществляющие управленческую деятельность в период от двадцати пяти до сорока лет, со стажем оперативно-служебной деятельности от пяти до пятнадцати лет.

Полученные эмпирические данные позволили сделать вывод о том, что основное влияние в развитии восприимчивости к нововведениям, инновациям имеет практика, профессиональная деятельность, которая осуществлялась в более ранних нововведениях. В результате полученного опыта внедрения инноваций и нововведений происходит формирование положительных или отрицательных установок, реально-действующих мотивов, ценностных ориентаций.

Значительная часть респондентов полагает, что инновации позволили усовершенствовать профессионально-служебную деятельность сотрудников органов внутренних дел. В частности, 43 % респондентов отмечают эффективность внедренных инноваций. Важно отметить, что 38 % респондентов полагают, что инновации не принесли ожидаемого эффекта, 19 % респондентов отмечают, что нововведения не принесли ожидаемого эффекта, не было отмечено ощутимых успехов в оперативно-служебной деятельности.

В результате эмпирического исследования были получены данные, свидетельствующие о том, что группы респондентов «сторонники инноваций» и «противники нововведений» получили значимые различия. В группе «сторонников инноваций» выявлено, что новации повысили эффективность деятельности – 67 %; нововведения никак не повлияли на эффективность деятельности – 20 %; нововведения не принесли ожидаемых результатов, не изменили эффективность оперативно-служебной деятельности – 13 %.

Важно отметить, что сотрудники, с осторожностью воспринимающие перспективу внедрения инноваций, полагают: внедрение инноваций позволило увеличить эффективность оперативно-служебной деятельности – 14 %; внедрение инноваций не повлияло на эффективность профессиональной деятельности – 57 %; инновации не повлияли на эффективность оперативно-служебной деятельности – 38 %.

Таким образом, восприимчивость к нововведениям обусловлена профессионально важными качествами сотрудников, поддерживающих внедрение новшеств и сотрудников, которые опасаются внедрять нововведения и менять привычный уклад оперативно-служебной деятельности.

Наличие взаимовлияния индивидуально-психологических особенностей противников перемен и сторонников изменений и наличия или отсутствия положительного, или негативного опыта по внедрению инноваций.

Полученные эмпирические данные позволили провести сравнительный анализ и определить значимость личностных смыслов профессиональной заинтересованности участников процесса внедрения новшеств, включенности, сплоченности участников в процесс внедрения инноваций (табл. 2).

Таблица 2. Профессиональная мотивация внедрения новшеств в органах внутренних дел

	Новшества проводятся в ОВД в целях:		
	государства	руководства органа внутренних дел	сотрудников, участвующих в инновационном процессе
Общеданные	33 %	27 %	40 %
«Сторонники перемен»	20 %	13 %	67 %
«Противники изменений»	43 %	34 %	23 %

По данным таблицы 2 видно, что «Сторонники перемен» проявляют высокий уровень профессиональной мотивации, заинтересованность во внедрении инноваций, что позволяет качественно осуществлять инновационную деятельность. Выраженное положительное отношение к нововведениям показывает у сотрудников органов внутренних дел выраженные профессионально важные качества. Выраженный творческий потенциал, креативность и оперативность мышления, психологическая гибкость, а также интернальность и активность личности в достижении значимых профессиональных целей, реализации актуальных потребностей и мотивов.

В ходе проведенного эмпирического исследования были определены взаимосвязи между индивидуально-психологическими особенностями и выраженностью консерватизма-инноваторства в структуре личности. «Сторонников перемен» отличает психологическая готовность к взаимодействию, совместному творчеству, психологическая гибкость, приспособление к новым условиям оперативно-служебной деятельности, высокая лабильность, способность к быстрой социально-психологической адаптации, выраженная коммуникативность.

«Противники перемен» проявляют психологическую негибкость, имеют выраженную конформность, не готовы отстаивать свою точку зрения, снижена коммуникативная активность, могут быть интровертированы.

Таким образом, можно выделить психологические особенности «Сторонников инноваций»: выраженная социальная адаптация, адаптированность к резко изменяющимся социально-психологическим условиям, высокая готовность к сотрудничеству, наличие коммуникативной компетентности, активность, независимость, склонность к риску, выраженная мотивация достижения успеха.

«Противники перемен» склонны к обособлению, скептичности, равнодушию, «твердости» в делах и личных стандартах, постоянны в своих планах и привязанностях. Конформны, склонны тщательно планировать свои действия, осторожны, обладают выраженной тревожностью и средней или заниженной самооценкой, могут быть педантичны, робки, осторожны, не стремятся к профессиональным достижениям и опасаются перемен.

Можно сделать вывод, что «Сторонники перемен» испытывают личную ответственность за успехи, с которыми тесно сопряжена инновационная деятельность. С другой стороны, можно предположить, что индивиды умеренной и консервативной личностной диспозицией испытывают личную ответственность за минимизацию возможных просчетов в ходе осуществления инноваций.

Практическая ценность данного вывода состоит в том, что эффективное преодоление менеджером блокаторов профессиональных инноваций предполагает изучение им личностных характеристик сотрудников своего коллектива с последующим дифференцированным взаимодействием с группами «инноваторов» и «противников перемен» на различных этапах и качественных состояниях инновационной деятельности.

Анализ данных проведенного эмпирического исследования подтверждает, что организационно-психологические инновации могут стимулироваться рядом социально-психологических факторов: взаимосвязь профессиональных инноваций с целями организации; регулярными и своевременными эмпирическими исследованиями; социально-психологическими особенностями социально-организационной среды и сформированным индивидуально-психологическим управленческим стилем.

На групповом уровне социально-психологические явления проявляются относительно правил принятия управленческих решений, лидерства-руководства, распределением ответственности. В период внедрения нововведений в служебных коллективах, где налажена психологическая работа по подготовке к нововведениям, имеет место улучшение взаимоотношений по горизонтали, снижение конфликтности, рост внутригрупповой сплоченности.

Такая профессионально-психологическая подготовка осуществляется путем прохождения основных этапов психологического обеспечения инновационной деятельности:

- изучение инновационной готовности сотрудников ОВД к нововведениям (на различных организационных уровнях: организации, подразделения, личности);
- психологическая подготовка личного состава к внедрению новшеств (инновационный тренинг);
- психологическое обеспечение инновационного процесса на этапе внедрения новшеств (организационно-психологическое консультирование участников инновационной деятельности на основе выявленных ресурсов психологической готовности к инновациям, характеризующих конкретный коллектив, организацию).

Своевременное и правильно организованное информирование о внедряемом новшестве может не только снять психологические барьеры, но и замотивировать личный состав на внедрение инноваций, способствовать согласованию целей организации и личных целей сотрудников органов внутренних дел.

Психологическое обеспечение инновационной деятельности должно быть направлено на

разные уровни: организацию, первичный коллектив (подразделения), личность (участники инновационного процесса).

По мнению респондентов, участвующих в исследовании, с наибольшими проблемами психологического характера в процессе организационных изменений сотрудник органов внутренних дел сталкивается:

- на личностном уровне – считает 46 %;
- на уровне конфликта с организационной системой или организационной культурой – думает 42 %;
- на уровне группового взаимодействия – 38 %.

По данным нашего исследования основные «психологические барьеры» сотрудников органов внутренних дел вызваны:

- «нежеланием осваивать новое, переучиваться» – 52 %;
- «боязнью увеличения напряженности труда» – 35 %;
- «нежеланием убеждать других в необходимости изменений» – 35 %;

– «нежеланием изменять своих привычных методов работы» – 29 %;

– «страхом перед неопределенностью, обусловленным непониманием сути и последствий нововведений» – 28 %;

– «возникновением трудностей взаимодействия с другими членами коллектива в условиях организационной нестабильности, вызванной переходом на новые условия работы» – 23 %;

– «опасениями, что нововведения приведут к разрыву привычных связей и отношений» – 20 %;

– «возникновением проблем взаимодействия с руководством в условиях изменений» – 16 %;

– «страхом и беспокойством потерять работу (сокращение штатов)» – 12 %;

– «опасением потерять статус» – 10 %.

Результаты сравнительного анализа мнений групп «инноваторов» и «противников перемен» показывают, как распределились эти основные «психологические барьеры», свойственные сотрудникам органов внутренних дел (рис. 1).

Анализируя результаты исследования, мы можем сказать, что участие в инновационной дея-

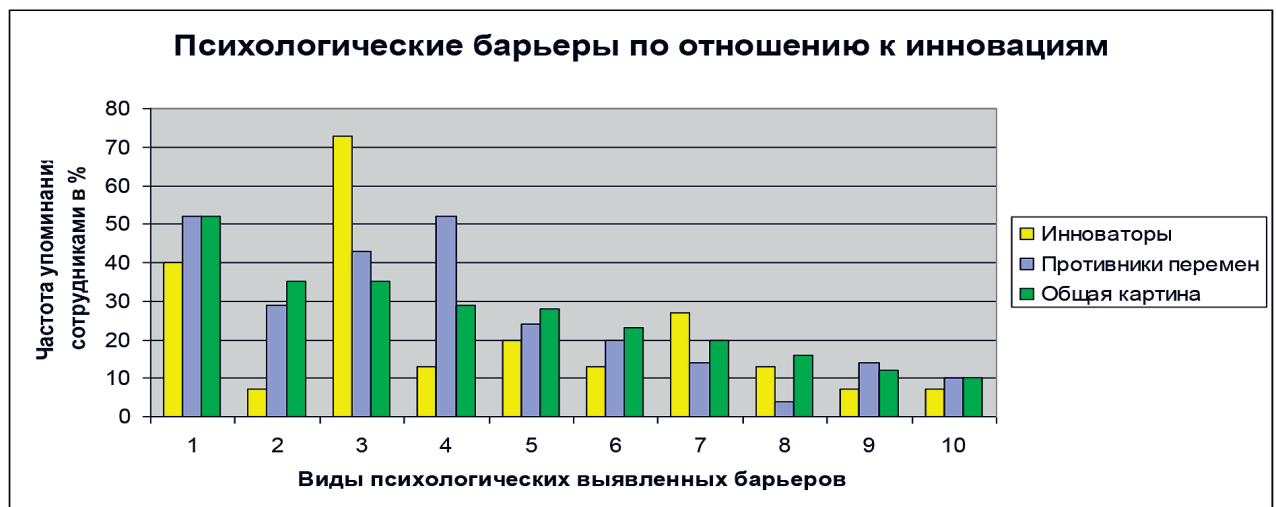

Рисунок 1. Психологические барьеры по отношению к инновациям

Рисунок 2. Психологические барьеры по отношению к инновациям

тельности – разновидность профессионального стресса для сотрудников органов внутренних дел, что требует особого психологического обеспечения.

Для сравнительного анализа усредненных профилей сотрудников ОВД, принявших участие в исследовании, «Сторонников инноваций» и «Противников перемен», нам понадобились данные, полученные с помощью 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла. В соответствии с этой исследовательской методикой респондентам предлагалось описать самих себя с помощью 16 различных независимых друг от друга факторов. Ответы респондентов можно представить в виде графиков (рис. 2).

Таким образом, 16 факторный опросник имеет положительные и отрицательные показатели в зависимости от диапазонов вертикальной шкалы от 0 до 10. Положительные показатели определяются в диапазоне от 7 до 10, а отрицательные показатели предусматривают диапазон от 1 до 4, при проведении 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла достоверные различия ($p < 0,05$) в личностных характеристиках у «инноваторов» и группы «противников перемен» проявились по факторам MD, C, H, O, как тенденция, к различию между величинами по факторам G, N, Q1, Q4.

Так, фактор А – открытость, готовность к новым знакомствам, приветливость, уживчивость, внимательность к людям, естественность в обращении, легкость в сокращении дистанции

оказался завышенным и у «потенциальных инноваторов» и «противников перемен». Обе эти группы довольны собой, хотя и отличаются в оценке своих возможностей, все же демонстрируют определенную самоуверенность.

С другой стороны, фактор В – развитое мышление, сообразительность, умение анализировать ситуации, способность к осмысленным заключениям, высокий уровень интеллекта и культуры, видимо, из скромности отмечен в обеих этих группах в среднем диапазоне от 5 у «противников перемен» до 5,5 у «инноваторов».

Проведенное исследование блокаторов инновационной деятельности руководителей органов внутренних дел позволило на основании изученной литературы по данному вопросу и собранного эмпирического материала заключить: выявление (диагностика) психологических феноменов, сопровождающих инновационную деятельность в конкретных условиях системы органов внутренних дел, связано с инновационным опытом сотрудников органов внутренних дел; отношением к инновациям; ролью руководителя при внедрении новшеств.

Таким образом, своеобразие инновационной деятельности в ОВД как целенаправленного и прогрессивного преобразования форм и методов работы служб и подразделений системы МВД России выражается в таком управлении, которое опирается на новейшие достижения науки и практики, помогает эффективно решать поставленные обществом задачи.

Список литературы:

1. Вахнина В. В. Особенности профессионально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел к переговорной деятельности // Проблемы и перспективы использования инновационных технологий в дополнительном профессиональном образовании при подготовке различных категорий сотрудников: материалы науч.-практ. конф. Домодедово, 2007.
2. Вахнина В. В. К вопросу об использовании инновационных технологий в переговорной деятельности сотрудников ОВД // Управленческое обеспечение конкурентоспособности учебного заведения в новых социокультурных условиях [Электронный ресурс]: электронный сборник науч. тр. URL: <http://www.zoippo.zp.ua/pages/el> (дата обращения: 17.03.2020).
3. Вахнина В. В., Шпагина Е. М. Психологическая диагностика инновационного потенциала личности руководителя органа внутренних дел и методы его развития: методическое пособие. М., 2010.
4. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 20.02.2020).

Понятие и значение конфликтов в деятельности органов внутренних дел

Т. Х. ДЖАНТЕЕВ,
начальник курса факультета
подготовки начальствующего состава органов внутренних дел,
кандидат социологических наук
(Академия управления МВД России)
E-mail: beshtau.2011@mail.ru

Concept and significance of conflicts in the activities of internal affairs agencies

T. H. DJANTEEV,
Candidate of sociological sciences,
Head of course of the Faculty of Senior Staff Training
law-enforcement bodies
(Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

УДК 316.48

В статье рассматриваются проблемные вопросы определения понятия и значения конфликта в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. По мнению автора, понимание сути и конфликтологическая грамотность, является одним из элементов компетентности и способностью предупреждения возможных организационных рисков при разрешении конфликтов.

The article presents issues related to the definition and significance of conflict in the professional activities of employees of internal affairs bodies. According to the author, an understanding of the essence and conflict literacy is one of the elements providing reliability and the ability to prevent possible organizational risks in resolving conflicts.

Конфликт; определение конфликта; организационные риски.

Conflict; definition of conflict; organizational risks.

Актуальность изучения теоретической и практической значимости конфликтов, в настоящее время объясняется ростом конфликтности и напряженности во многих сферах жизнедеятельности, среди которых и деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД). Конфликт в современном мире стал неотъемлемой частью жизни социума, можно сказать «вшит в саму ткань» жизнедеятельности общества. Социальный конфликт, конфликт интересов, конфликтующие стороны и т. д., – эти словосочетания с высокой вероятностью слышал каждый из нас, и в связи с этим, сложилось определенное мнение осведомленности по данному вопросу. Очень часто термин конфликт отождествляется с агрессией, разногласиями, злобностью и т. п.

Так ли это на самом деле попробуем разобраться. Если не уделить данному вопросу достаточно внимания, можно запутаться, поскольку конфликт как феномен достаточно объемный и многоаспектный. Проблематика конфликтов исследуются такими отраслями науки, как конфликтология, социология, психология, экономика и др. Характеризуется исключительной широтой содержания и употребляется в разнообразных значениях.

В настоящее время отечественная отрасль науки конфликтология не в авангарде. Большой вклад в развитие конфликтологии внесли зарубежные ученые такие как: Т. Парсон, Л. Козер, Р. Дарендорф, Д. Галтунг, К. Боулинг, Л. Крисберг, Д. Бертон.

Изучению природы конфликта уделили небольшое количество сил и средств отечественные ученые, среди которых необходимо выделить: А. Я. Анцупова, А. В. Дмитриева, А. И. Донцова, Ю. Г. Запрудского, А. К. Зайцева, А. Г. Здравомыслова, В. Н. Кудрявцева, В. О. Рукавишников, В. И. Сперанского, Е. И. Степанова, А. И., Шипилова, В. М. Шепеля, Т. Н. Кильмашкина., и др.

На сегодняшний день в научном мире устоявшейся, всеми принимаемой дефиниций конфликта нет. Рассмотрим наиболее распространенные и часто цитируемые определения. Так, в научном словаре дается следующее определение: «Конфликт – это столкновение двух или более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях противодействия. В современной науке под конфликтом понимается столкновение несовпадающих, порой противоположных интересов, действий взглядов отдельных личностей, политических партий, общественных организаций, социально-политических и социально-экономических систем» [7].

Широко известный ученый из Кембриджа Л. Козер, один из основоположников социологий конфликта определял конфликт так: «... борьба за ценности и претензии на определенный социальный статус» [5].

По мнению другого не менее известного профессора К. Боулдинга, «Конфликт – это ситуация соперничества, в которой стороны осознают несовместимость возможных позиций и каждая сторона стремится занять положение, несовместимое с тем, которое хочет занять другая» [2].

Профессор Л. Крисберг трактует следующим образом: «Конфликт представляет собой отношение между двумя и более сторонами, которые уверены в том, что имеют несовместимые цели» [4].

По мнению отечественных ученых А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова, которые детально описали специфичность проблематики конфликтов в организации, а также роли руководителя, считают что «... конфликт – это наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями» [1].

Другой российский ученый, профессор Ю. Г. Запрудский дает следующее определение: «Конфликт – это явное или скрытое состояние противоборства объективно расходящихся интересов, целей и тенденции развития социальных объектов, прямое и косвенное столкновение со-

циальных сил на почве противодействия существующему общественному порядку» [3].

Профессор В. С. Семенов придерживается следующего определения: «Конфликт – это сознательное противостояние субъектов и субъективных объединений (групп, организаций, партий, движений, фондов), возникающих на основе существующих в обществе объективно-субъективных и реально-субъективных противоречий, отражающие конкретные интересы и позиции разных людей и групп, и выражающееся индивидуальной или групповой субъективностью в сознательно ставящихся целях, программах действий и в реально проводимых в соответствии с ними практических действиях, поведении и борьбе» [6].

Резюмируя вышеизложенное, можем заключить, что в основе, в корне всех определений конфликта «красной нитью» прослеживается противоречия, противостояние, противоположно направленные цели или интересы двух и более лиц. Существует две точки зрения о значении конфликта равнопротивоположных, одна выражается в негативных последствиях для участников, другая – в пользе. Здесь уместно будет вспомнить высказывания немецкого социолога Г. Зиммеля, который считал, что конфликты неизбежны, а в некоторых случаях непродолжительные конфликты полезны, так как при положительном разрешении они помогают достигнуть понимания между конфликтующими.

Накопившиеся и/или накапливающиеся противоречия, которые являются основой, истинной причиной конфликта, являются ничем иным как конфликтной ситуацией. А условие, обстоятельства, способствующие началу конфликта в данном контексте ... называется инцидентом конфликта.

Рассматривая структуру конфликта в ОВД, необходимо отметить его элементы, такие как субъект конфликта (участники – один, два и более); объект конфликта (это конкретная причина); предмет конфликта (проблема, причина противоречия); и еще один элемент, который необходимо отметить, – это инцидент (триггер для начала конфликта).

Таким образом, можно вывести следующую формулу конфликта: конфликтная ситуация + инцидент = конфликт. Кроме этого необходимо учитывать такой элемент конфликта, как динамика, который определяет его движение и развитие. Классифицируются конфликты в деятельности ОВД по количеству участников:

– на внутриличностные (например, желание не совпадает с требованиями службы);

– межличностные (в основе которых могут лежать неприемлемость оппонентов, не редко на фоне грубости, не уважительного отношения и т. п.);

– межгрупповые (чаще всего один исполнитель должен выполнять требования большого количества начальников, которые не всегда согласованы, и исполнитель сам ранжирует степень важности).

Виды по направленности конфликта:

– горизонтальные (одногоуровня, исключается подчинение одного другому);

– вертикальные (это конфликты, в которых есть подчинение одного другому, чаще сотрудник против начальника);

– смешанные (и вертикальные и горизонтальные).

По функциям конфликты различаются на деструктивные (дезорганизация, напряженность, снижение дисциплины и т. п.) и конструктивные (снижает напряженность, обнаруживаются подлинные черты характера, способствуют адаптации и т. д.). Мнения по этому поводу неоднозначны в силу того, что выводы можно сделать только после завершения противоречий и анализа последствий. По динамике протекания конфликта выделяются кратковременные (минуты, часы), долговременные (до нескольких дней) и затяжные (до того, как найдется

удовлетворяющее решение). По характеру причины – спонтанные (случайные, не преднамеренные) и преднамеренные (спланированные заранее).

В жизнедеятельности ОВД необходимо отметить, что конфликты являются результатом накопившихся или возникших противоречий, связанных с деятельностью субъектов и спецификой. Функционирование ОВД весьма специфична в силу таких составляющих, как:

– необходимость действовать в строгих рамках законности; умении сочетать требовательность вместе с тем и уважением к гражданам;

– обязательный характер подчинения общественным интересам; нередким является и применение мер принуждения; особое нервно-психическое напряжение;

– психологическая совместимость при решении оперативных задач; затруднительные условия деятельности оперативных сотрудников;

– экстремальные факторы и другие.

Природа конфликтов в ОВД определяется в индивидуальных особенностях сотрудников, в упущениях управления, в сложных специфичных условиях деятельности. Также нельзя однозначно оценивать конфликты в ОВД термином «хорошо» или «плохо». По нашему мнению, значение конфликта рациональнее рассматривать как один способ развития.

Список литературы:

1. Анцупов А. Я., Шипилов, А. И. Конфликтология: Учебник для вузов. М., 2000.
2. Боулдинг К. Е. Конфликт и защита. Нью Йорк. 1962.
3. Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт (Политологический анализ). Ростов н/Д., 1992.
4. Крисберг Л. Миро-созидание, миросохранение и разрешение конфликтов // Социологические исследования. 1990. № 11.
5. Коузер Льюис А. Основы конфликтологии : Учеб. пособие / Л. А. Коузер; пер. с англ. А. А. Крашевского и М. В. Сорокина. СПб., 1999.
6. Семенов В. С. Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием // Социологические исследования. 1993. № 7.
7. Политология: энцикл. слов. / [Аверьянов Ю. И. и др.]. М., 1993.

О детерминантах суицида

Е. З. СИДОРОВА,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук
(Восточно-Сибирский институт МВД России)
E-mail: ketric6@mail.ru

On the Determinants of Suicide

E. Z. SIDOROVA,

Candidate of Law Sciences,
Lecturer of department of criminal law and criminology
(East Siberian institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation)
E-mail: ketric6@mail.ru

УДК 343.9

В статье рассматривается детерминационный комплекс суицидального поведения. Автор разграничивает понятия «причины» и «факторы» самоубийства. Под причинами самоубийства понимаются мотивы и обстоятельства, непосредственно повлиявшие на выбор суицидальной модели поведения. В статье предлагаются 6 категорий причин суицида. Под факторами самоубийства подразумеваются определенные сложившиеся жизненные ситуации и условия, при которых значительно увеличивается риск совершения лицом суицида. Автор предлагает и рассматривает 5 видов указанных факторов.

Самоубийство; суицидальное поведение; причины самоубийств; профилактика суицидов; самовредительство.

The article considers the determinative complex of suicidal behavior. The author distinguishes the concepts of “causes” and “factors” of suicide. The reasons for suicide are understood as motives and circumstances that directly influenced the choice of a suicidal behavior model. The article offers 6 categories of reasons for suicide. Suicide factors are defined as certain life situations and conditions that significantly increase the risk of a person committing suicide. The author suggests and considers 5 types of these factors.

Suicide; suicidal behavior; causes of suicide; suicide prevention; self-harm.

Говоря о детерминационном комплексе суицидального поведения, следует обозначить такие понятия, как «причины» и «факторы» самоубийства.

Под причинами самоубийства можно понимать те мотивы и обстоятельства, которые непосредственно повлияли на выбор суицидальной модели поведения. Причиной самоубийства всегда является неразрешенная проблема, конфликт, в том числе внутриличностный, определенное несоответствие внутренних установок жизненным реалиям.

В свою очередь, под факторами самоубийства подразумеваются определенные сложив-

шиеся жизненные ситуации и условия, при которых значительно увеличивается риск совершения лицом суицида.

В научной литературе можно встретить большее количество описаний причин и факторов совершения лицами суицидов [1, 2]. Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, обозначим ключевые из них.

Причины суицидального поведения:

1) проблемы в личной жизни, такие как:

- неразделенная любовь или несостоявшиеся отношения с партнером, измены;
- семейные конфликты, в том числе развод родителей;

- смерть, потеря близкого человека, родственника;

- одиночество, непонимание со стороны окружения, отчужденные, недоверительные отношения с близкими;

- самоосуждение и бесконтрольное чувство вины за ранее совершенные деяния;

- неудачи в учебе или на работе;

- пережитое насилие, в том числе изнасилование, издевательства, психологическая травля, буллинг, характерные для подросткового периода;

- проблемы сексуального характера, в том числе разглашение личной информации о сексуальной ориентации человека;

- отсутствие интереса к жизни, жизненных целей, истинных увлечений;

2) финансовые проблемы, например:

- потеря работы;

- низкий уровень доходов или полное их отсутствие;

- банкротство, финансовый крах, крупные денежные потери;

3) доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние;

4) физиологические причины:

- серьезное заболевание, причиняющие физические страдания и боль, психические заболевания, депрессия;

- физическое несовершенство, уродство;

5) идеологические причины, в том числе:

- непринятие новых общественных идеологических установок и ценностей в обществе;

- самоубийство по религиозным мотивам;

- самоубийство как способ сохранения доброго имени и чести (например, в Японии – характерно);

- эффект подражания в случае совершения подобных действий прославленным человеком, литературными или кинематографическим персонажем;

б) иные причины, например:

- вынужденное самоубийство, в том числе по приговору суда (например, в Древней Греции)

- страх наказания, в том числе уголовно-правового, боязнь осуждения со стороны общества и даже близких, родителей;

- содержание заключенных в одиночных камерах;

- экстремальные условия жизнедеятельности, не позволяющие или позволяющие с большим трудом выжить (например, в концентрационных лагерях).

Факторы риска совершения суицида:

1) социальные факторы:

- одобрительное или безразличное отношение общества к явлению самоубийства;

- политическая, экономическая, социальная нестабильность в обществе, проявляющаяся в без-

работице, высоком уровне криминализации общества, коррупции и так далее;

- высокий уровень миграционных потоков;

- этнические, культурные, религиозные особенности общества;

- отказ общества от привычных социальных ценностей, изменение вектора развития страны;

- социальная стигматизация лиц, предпринявших попытку к суициду, а также лиц с психическими заболеваниями;

2) демографические факторы:

- возрастные особенности: наиболее часто люди совершают самоубийства в подростковом возрасте (15–24 года), среднем возрасте (40–60 лет) и пожилом возрасте (70–85 лет);

- половые особенности: мужчины в 4 раза чаще совершают окончательный суицид, а для женщин наиболее характерны суициды неоконченные и попытки их совершить;

- уровень образования: самоубийства чаще совершают лица, имеющие высшее образование;

- безработные, пенсионеры, заключенные в места лишения свободы, а также лица, занимающиеся низкоквалифицированным трудом, наиболее склонны к совершению суицида;

- особенности профессии: в результате проведенных исследований было установлено, что суицидальное поведение наиболее распространено среди врачей, юристов, офицеров низового звена, музыкантов, страховых агентов;

- семейное положение: суициды распространены среди тех, кто никогда не состоял в браке; среди вдовцов и вдов; разведенных; лиц, состоящих в браке, но имеющих детей;

3) семейно-бытовые факторы:

- семейные и бытовые неурядицы;

- проживание в одиночестве;

- жизнь в неблагополучной семье, в том числе злоупотребления родными алкоголем, наркотическими веществами;

- искалеченное детство, например, примененным насилием, жестокостью в обращении, унижениями, оскорблениями, безразличным отношением и пренебрежением;

- потеря в раннем возрасте родителей, в том числе по причине их смерти или развода;

- бедность;

4) личностные факторы:

- предшествующая оконченному суициду первая попытка совершить самоубийство;

- нервный, тревожно-мнительный тип личности;

- не соответствующая действительности самооценка (как заниженная, так и завышенная);

- низкий уровень психологических способностей устойчиво переносить эмоциональные нагрузки;

- неумение формировать психологический защитный механизм;
 - повышенная неудовлетворенность личностных потребностей;
 - незрелость личности, максимализм, неумение идти на компромиссы, отсутствие необходимого жизненного опыта, неумение формировать представления о будущем и строить планы на его счет;
 - инфантильное отношение к жизни и жизненным ценностям, установкам;
 - импульсивность характера, излишняя внушаемость, неустойчивый эмоциональный фон;
 - нестандартная сексуальная ориентация;
- 5) медицинские факторы:
- употребление лекарств, вызывающих повышенный уровень депрессии (депрессогенный эффект);
 - наличие близкого родственника, предпринимавшего попытку самоубийства либо совершившего окончанный суицид;

- наличие хронического либо неизлечимого заболевания, инвалидность, травмы, уродство, патологии, психические заболевания как самого лица, так и близких;
- перенесенное в недавнем прошлом хирургическое вмешательство;
- алкоголизм, наркомания. Кроме этого, самоубийства часто совершаются лицами, не имеющими алкогольной или наркотической зависимости, однако употребивших алкоголь или наркотики перед непосредственным совершением суицида;
- длительное глубокое депрессивное состояние, нарушение сна.

Таким образом, следует констатировать, что существует большое количество причин и факторов, способствующих совершению суицида. И для того чтобы бороться с суицидальным поведением в обществе, необходимо воздействовать в первую очередь именно на обозначенные детерминанты самоубийств.

Список литературы:

1. Тейсейра Ф. Исследование причин суицидов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 10 (125).
2. Трунов Д. Г. Причинный анализ суицидальной активности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 2 (14).

Личностно-ориентированный подход к созданию условий для самообразования сотрудников ОВД

Н. В. ХОДЯКОВА,

профессор кафедры психологии, педагогики
и организации работы с кадрами
доктор педагогических наук, доцент
(Академия управления МВД России)
E-mail: hodyakova@yandex.ru

Е. В. ОНИЩЕНКО,

начальник отделения профессиональной подготовки
(УМВД России по ВАО г. Москвы)
E-mail: oev2074@mail.ru

A Personal-oriented Approach to Creating Conditions for Self-education of ATS Employees

N. V. KHODYAKOVA,

Professor of the Department of psychology and pedagogy
and organization of work with personnel
doctor of pedagogical Sciences, associate Professor
(Academy of Management of the Ministry of internal Affairs of Russia)

E. V. ONISHCHENKO,

Head of professional training Department
(Department of internal Affairs
Eastern administrative district of Moscow)

УДК 374

В статье на основе личностно-ориентированного подхода определяются условия самообразования сотрудников органов внутренних дел. Самообразование рассматривается как образовательная деятельность, субъектом управления которой является сам сотрудник.

Самообразование; личность; профессионально-личностное развитие.

The article defines the conditions for self-education of employees of internal Affairs bodies on the basis of a personality-oriented approach. Self-education is considered as an educational activity, the subject of which is the employee himself.

Self-education; personality; professional and personal development.

Современные реалии правоохранительной деятельности ежедневно бросают вызов компетентности сотрудников органов внутренних дел, их способности и готовности ориентироваться в изменяющемся законодательстве, пополнять свои профессиональные знания, проявлять гибкость мышления, креативно подходить к решению возникающих в оперативно-служебной деятельности проблем и

нестандартных задач, прогнозировать последствия таких решений. Сегодня сферой деятельности органов внутренних дел все чаще становится высокотехнологичная информационная среда, которая динамично развивается и требует от сотрудников ОВД непрерывного повышения уровня их индивидуальной информационной культуры. Противодействие криминальным угрозам, связанным с общественной безопасностью

стью, обуславливает необходимость активного использования сотрудниками ОВД в своей деятельности новейших достижений науки и техники. Эти многие другие причины порождают потребность в непрерывном повышении образовательного уровня сотрудников органов внутренних дел.

Ведомственная система непрерывного образования, включающая в себя образовательные организации МВД России, предоставляет сотрудникам возможность получить образование различного уровня вплоть до уровня подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. Однако институциональное образование имеет дискретный характер и не исчерпывает всего объема и разнообразия требуемых в различных профессиональных ситуациях сотруднику ОВД компетенций, поэтому должно дополняться его непрерывным самообразованием, под которым мы будем понимать процесс самостоятельно иницилируемой, реализуемой и управляемой образовательной деятельности человека. Приступая к этой самообразовательной деятельности, субъект испытывает дефицит определенных знаний и опыта, ставит перед собой цель, выбирает средства ее достижения, т. е. «смотрит в глаза своему незнанию и стремится его преодолеть» [1]. Предлагаемое нами определение актуализирует дополнительные анализ и синтез понятий «образование» и «субъект деятельности».

Из определения образования, которое встречаем в законе «Об образовании в Российской Федерации»¹ следует, что это единый процесс воспитания и обучения, осуществляемый в целях развития человека и удовлетворения его образовательных потребностей и интересов. В свою очередь, воспитание и обучение в данном законе интерпретируются как деятельность, направленная на создание условий для самоопределения и развития личности, овладения ею компетенциями. В этом контексте самообразование сотрудника ОВД может трактоваться как личностно-ориентированный образовательный процесс.

Как отмечает автор теории личностно-ориентированного образования В. В. Сериков, образование — это не формирование личности обучающегося с заданными свойствами, а создание педагогических условий для развития у него опыта «быть личностью», выступать субъектом образовательного процесса, т. е. проявлять личностные функции мотивации, целеполагания, смыслопоиска ценностных ориентаций, диа-

логичности, ответственности, рефлексии, свободы выбора, креативности и др. [2]. Таким образом, с позиций личностно-ориентированного подхода самообразование может интерпретироваться как создание педагогических условий для проявления субъектной (личностной) активности человека в образовательном процессе.

Что же сказанное означает для самообразования сотрудника ОВД, и какова роль его руководителя в организации профессионального самообразования? Постараемся ответить на эти вопросы, определяя систему педагогических условий личностного роста сотрудника, подпроцессом которого является, как мы убедились, его самообразование. Эти условия отражают и конкретизируют средовые и личностные факторы развития сотрудника ОВД, учитывают ситуационные механизмы такого развития, смоделированные в ранее выполненных исследованиях [3].

Первую группу составляют мотивационно-целевые условия. Чтобы самообразование состоялось, необходимо, чтобы сотрудник испытывал нужду в новых знаниях и опыте, осознавал свою мотивацию к саморазвитию. «Пусковыми механизмами» для постановки сотрудником задач по самообразованию могут выступать:

- принципиальная новизна выполняемых видов деятельности и профессиональной среды;
- имеющиеся у него духовные потребности и образовательные интересы;
- недостаточность уровня профессиональной квалификации сотрудника и планирование с учетом этого траектории своего профессионально-служебного роста;
- постановка руководителем профессионально-служебных задач «на вырост»: наиболее проблемных, комплексных, не имеющих готовых решений, требующих дополнительного изучения научных источников и анализа информационно-образовательных ресурсов;
- выдвижение кандидатуры сотрудника в состав кадрового резерва по руководящей должности, делегирование ему некоторых управленческих функций;
- обеспечение условий состязательности с коллегами, предложение об участии в конкурсе «Лучший по профессии»;
- представленность в служебной среде вдохновляющих образцов личностного саморазвития выдающихся профессионалов и офицеров (например, самого руководителя);
- стимулирование самообразования сотрудников со стороны руководителей.

На последнем из мотивационно-целевых условий остановимся особо. Заметим, что определенной слабостью руководителя является принуждение сотрудника к самообразованию на

¹ Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

основе отрицательных стимулов. Самообразование в этом случае вырождается в сугубо исполнительскую деятельность, субъектом которой является не сам сотрудник, а его руководитель. Такое «самообразование» вряд ли обеспечит приобретаемые знания личностными смыслами, а также качественными характеристиками широты, глубины и устойчивости. Обучение, заданное сугубо внешними рамками, этими рамками скорее всего и ограничится.

Вторую группу условий образуют содержательно-процессуальные условия. Их, в свою очередь, можно разделить на инвариантные и вариативные. К инвариантным относятся следующие условия:

- доступность и актуальность необходимых источников информации;

- владение сотрудником опытом поиска, переработки и представления информации, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий;

- владение сотрудником знаниями и умениями из предметной области, обозначаемой формулой «учись учиться»: адекватного восприятия информации, ее понимания, запоминания, точного устного и письменного формулирования мыслей;

- владение сотрудником опытом организации процессов самообучения и самовоспитания: планирования, реализации, контроля своих образовательных действий;

- уровень образованности, общей эрудиции, культуры мышления и деятельности сотрудника;

- возможность продуктивной коммуникации и сотрудничества с более образованными коллегами.

Вариативные условия связаны с индивидуальными предпочтениями сотрудника: привычными для него и наиболее часто избираемыми методами, формами и приемами самообучения, используемыми средствами.

Третью группу составляют условия психологической защищенности, к которым могут быть отнесены:

- удовлетворенность витальных потребностей сотрудника и его семьи;

- исключение экстремальных факторов: недостатка временного ресурса, поступления слишком большого объема информации, неупорядоченности информации, физических и интеллектуальных перегрузок;

- отсутствие сопротивления ближайшего окружения: руководителя и коллег, семьи.

Четвертую группу составляют результативно-оценочные условия, определяющие успешность и эффективность самообразования. К ним относятся:

- педагогическая оценка со стороны руководителя успешности самообразования сотрудника;

- анализ результатов самообразования посредством получения сотрудником-участником конкурса или соревнования оценки на основе объективных критериев;

- анализ результатов самообразования посредством получения сотрудником групповой оценки со стороны служебного коллектива;

- самооценка результатов самообразования.

Сказанное позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, самообразование сотрудника ОВД – это процесс его самостоятельно иницилируемой, реализуемой и управляемой образовательной деятельности. Педагогическое влияние на этот процесс возможно только опосредованно – через создание системы условий, т. к. прямое управление ею приводит к дискредитации субъектной активности самого сотрудника. Во-вторых, самообразование сотрудника ОВД – это подпроцесс профессионально-личностного развития, поэтому создание для него условий должно учитывать закономерности такого развития: детерминирующие развитие средовые и личностные факторы, действующие в ситуации развития психологические механизмы. В-третьих, описание системы условий саморазвития сотрудника ОВД предполагает характеристику четырех групп условий: мотивационно-целевых; содержательно процессуальных; психологической защищенности; результативно-оценочных.

Список литературы:

1. Роботова А. С. Повседневное самообразование педагога высшей школы на этапе профессиональной зрелости // Непрерывное образование: XXI век. 2016. Вып. 1 (13). URL: <https://i1121.petsru.ru/journal/article.php?id=3064> (дата обращения: 22.05.2020).
2. Сериков В. В. Личностно ориентированное образование: поиск новой парадигмы: Монография. URL: http://www.bimbada.ru/docs/serikov_education_of_personality.pdf (дата обращения: 22.05.2020).
3. Ходякова Н. В. Ситуационно-средовой подход к проектированию личностно развивающих образовательных систем: дис. ... доктора педагогических наук. Волгоград, 2013.

Профессиональная культура сотрудника органов внутренних дел (полиции)

В. А. ЧИБИСОВ,
слушатель факультета
подготовки руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России
(Академия управления МВД России)
E-mail: zaza-1111@yandex.ru

Professional Culture Employees of Internal Affairs (Police)

V. A. CHIBISOV,
Listener of the Faculty
Training Chiefs (Heads) of territorial bodies of the Ministry
of internal Affairs of Russia
(Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia)

УДК 159.9.07

Статья посвящена феномену профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел, условиям ее формирования и развития в контексте организационно-культурного подхода.

The article is devoted to the phenomenon of professional culture of an employee of the internal affairs bodies, the conditions for its formation and development in the context of the organizational and cultural approach.

Профессиональная культура; сотрудник органов внутренних дел; руководитель; организационно-культурный подход.

Professional culture; employee of internal affairs bodies; leader; organizational and cultural approach.

Профессиональная культура является важным компонентом любой трудовой деятельности человека, в полной мере характеризует и определяет особенности каждой специализации. Для охраны и укрепления авторитета государственной власти и ее представителей важно обладание сотрудниками полиции высоким уровнем профессиональной культуры [2].

Прежде всего, следует определиться, что же означает понятие профессиональной культуры в широком смысле. Под культурой подразумевают качественную характеристику степени совершенства каждой сферы человеческой жизнедеятельности и самого индивидуума. Именно человек – субъект и объект культуры, а специфика ее определяется тем фактом, что в культуре раскрывается качественная сторона человеческой деятельности, обнаруживая при этом, насколько указанная деятельность способна реализовать творческий потенциал

человека и в какой мере данная деятельность отвечает определенным требованиям и нормам [1].

Полиция «выступает и как пространство социокультурного взаимодействия индивидов, осуществляющих рациональное поведение, деятельность, взаимоотношения в рамках существующих норм, правил и стремящихся к реализации своих целей, интересов, ценностей, потребностей» [4].

Сегодня необходимо поднять профессиональную культуру сотрудников полиции на качественно новый уровень. Специальные знания должны стать важнейшим фактором в процессе формирования новых профессионально-культурных установок у сотрудников органов внутренних дел.

В связи с этим, у сотрудников полиции необходимо кроме знаний, умений и навыков формировать такие важные профессионально-культурные качества как повышенная

ответственность, гражданственность, патриотизм, принципиальность, гуманизм, широкий компетентный взгляд на актуальные правовые и иные проблемы. Достигнуть поставленных социально-педагогических целей возможно, среди прочего, формируя и развивая корпоративную культуру профессионального полицейского сообщества [3].

Повседневная оперативно-служебная деятельность сотрудников полиции насыщена самыми разными проблемами. Профессиональная культура вообще и полиции в частности, – динамично изменяющийся и развивающийся феномен, чутко реагирующий на изменения в социуме. Движущими силами развития профессиональной культуры сотрудников полиции являются: единство нормативности и инициативности; динамичности и статичности; наличие потребности в активном профессиональном общении, информационном взаимообмене. Помимо этого, важнейшая часть профессиональной культуры сотрудника полиции – обладание соответствующими моральными качествами – общечеловеческими и корпоративными.

По сути, формирование профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел в целом и полиции в частности представляет собой общественный идеал, отражающий социальные ожидания к носителям этой профессии [5].

К условиям создания подлинной профессиональной культуры сотрудника ОВД относятся глубокие психолого-педагогические знания и педагогические умения во взаимодействии с населением и коллегами в коллективе; высокая культура слова, речи, развитого профессионального мышления. Сформированная профессиональная культура сотрудника ОВД подразумевает всестороннее развитие профессиональных способностей и творчества, всесторонней культуры действий и отношений, фундаментальных знаний, а также мотивацию к самосовершенствованию, выраженную в потребности и готовности к профессиональному информационному взаимодействию с гражданами, обратившимися за помощью в органы внутренних дел, и сослуживцами. По существу, формирование профессиональной

культуры сотрудника органов внутренних дел представляет собой общественный идеал, отражающий социальные ожидания к носителям этой профессии [8].

Условия создания подлинной профессиональной культуры сотрудника полиции включают в себя:

- приобретение сотрудником глубоких профессиональных и психолого-педагогических знаний и умений во взаимодействии с населением и коллегами в коллективе;

- обладание высокой культурой слова, речи, развитым профессиональным мышлением и приверженность к идеалам и ценностям корпоративной культуры и этики.

Сформированная профессиональная культура сотрудника полиции подразумевает всесторонность развития профессиональных способностей и творчества, культуры действий и отношений, фундаментальных знаний, а также мотивацию к самосовершенствованию, выраженную в потребности и готовности к профессиональному информационному взаимодействию с гражданами, обратившимися за помощью в органы полиции, и сослуживцами [6].

Нормы профессионального поведения, формирующие профессиональную культуру, оказываются фактором стабилизации служебных отношений в коллективе органа внутренних дел [4].

Организационно-культурный подход представляет функционирующую социальную организацию как культурный феномен, при этом культура рассматривается сквозь призму соответствующих эталонов развития, отраженных в системе знаний, ценностях, законах и повседневных ритуалах социальных общностей [7].

В соответствии с организационным подходом культура может рассматриваться как процесс создания реальных продуктов и результатов деятельности и позволяет людям видеть и понимать события, действия, ситуации определенным образом и придавать смысл и значение своему поведению. Зачастую понимание организации людьми основывается на тех процессах, которые порождают системы смыслов, разделяемых всеми членами организации. Каждая сторона функционирования социальной организации несет символический смысл и помогает создавать реальность.

Список литературы:

1. Дудкина Е. И. Личностно ориентированная подготовка курсантов и слушателей в образовательных учреждениях МВД России. Воронеж: ВИ МВД России, 2012.
2. Кикоть В. Я. [и др.] Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. М., 2015.
3. Морозова Н. В. Профессиональная культура сотрудников ОВД // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1 (3).
4. Организация воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел. Курс лекций. М., 2012.
5. Стурова М. Л. Духовно-нравственные основы становления российской государственности. М., 2014.
6. Щеглов А. В. Профессиональная этика и служебный этикет: учебное пособие для заочной формы обучения / А. В. Щеглов; В. В. Горохова; Г. М. Реуцкая. М., 2011.
7. Яблонская Л. М. Деонтологическое своеобразие профессиональной культуры полицейских служащих. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/149/013.pdf> (дата обращения: 25.09.2019).
8. Янбухтин Р. М. Полиция как социальный институт (теоретико-методологические и практические аспекты). URL: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/56.html (дата обращения: 19.10.2019).